

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского»

На правах рукописи

Павленко Александр Игоревич

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ПЕРЕВОДЧИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПОЭМЫ ДЖ. Г. БАЙРОНА
“DARKNESS”)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Васильев Лев Геннадьевич

Калуга – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования языковой личности переводчика поэтического текста	12
1.1. Концепция языковой личности в современной лингвистике.....	12
1.1.1. Основные направления изучения языковой личности в рамках лингвистических наук.....	12
1.1.2. Структурные модели языковой личности.....	19
1.1.3. Структурная модель языковой личности переводчика поэтического текста.....	23
1.2. Специфика перевода поэтического текста.....	31
1.3. Семантико-синтаксический подход к исследованию структуры и значения предложения.....	41
1.3.1. Типы семантических ролей аргументов как партиципантов предметной ситуации.....	41
1.3.2. Разновидности предикатных знаков.....	48
Выводы по главе 1	53
Глава 2. Специфика уровневой организации языковой личности переводчика поэтического текста	56
2.1. Экспонентный уровень.....	56
2.1.1. Оппозиция ‘активность’ – ‘созерцательность’.....	56
2.1.1.1. Языковая черта ‘активность’.....	56
2.1.1.2. Языковая черта ‘созерцательность’.....	82
2.2. Субстанциональный уровень.....	94
2.2.1. Оппозиция ‘конкретность’ – ‘абстрактность’.....	94
2.2.1.1. Языковая черта ‘конкретность’.....	94

2.2.1.2. Языковая черта ‘абстрактность’	99
2.2.2. Оппозиция ‘аналитичность’ – ‘синтетичность’	103
2.2.2.1. Языковая черта ‘аналитичность’	103
2.2.2.2. Языковая черта ‘синтетичность’	108
2.3. Интенциональный уровень	113
2.3.1. Оппозиция ‘образность’ – ‘буквальность’	113
2.3.1.1. Языковая черта ‘образность’	114
2.3.1.2. Языковая черта ‘буквальность’	116
2.3.2. Оппозиция ‘тождественность’ – ‘преобразованность’	119
2.3.2.1. Некоторые вопросы категории эквивалентности	119
2.3.2.2. Языковая черта ‘тождественность’	126
2.3.2.3. Языковая черта ‘преобразованность’	137
2.3.2.4. Метрико-ритмовый аспект оппозиции	143
Выводы по главе 2	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
Список использованной научной литературы	158
Список использованных словарей	176
Список источников фактического материала	178
Приложение 1	179
Приложение 2	190

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено проблеме языковой личности как центральному понятию лингвоперсонологии, в рамках которой осуществляется изучение человека как субъекта речевой деятельности.

Объектом исследования является языковая личность переводчика (далее – ЯЛП) поэтического текста, которая рассматривается как структурное целое, включающее в себя оппозиции языковых черт.

В качестве **предмета** исследования выступают формальные и смысловые преобразования исходного текста, являющиеся показателем той или иной языковой черты в структуре языковой личности конкретного переводчика.

Актуальность работы обусловлена интенсивным развитием концепции языковой личности и необходимостью уточнения категориального и понятийного аппарата лингвоперсонологии путём включения в её сферу феномена переводческой деятельности и поэтического перевода, в частности.

Цель исследования заключается в уточнении содержания и набора языковых составляющих структуры языковой личности, а также в последующем моделировании и сопоставлении языковых личностей переводчиков для выявления совпадений и различий между ними.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) проанализировать основные модели языковой личности и определить рабочий вариант модели с учётом особенностей характера переводческой деятельности и специфики поэтического дискурса;

2) определить приёмы анализа языкового материала, позволяющие проникнуть в суть трансформаций, осуществляемых переводчиком, с последующей классификацией переводческих преобразований в зависимости от того, какие черты в структуре его языковой личности они характеризуют;

3) применительно к специфике экспонентного уровня языковой личности уточнить содержательные характеристики семантических актантов / аргументов,

отражающие особенности языковых значений в исходном и переводном текстах; применительно к субстанциональному уровню языковой личности уточнить понятие переводческой трансформации; применительно к специфике интенционального уровня предложить модификацию трактовки буквальности – небуквальности и преобразованности;

4) дополнить метод построения ритмического профиля стихотворения, который был предложен М. Л. Гаспаровым [2001], с целью возможности осуществления не только визуального сопоставления полученных ритмических профилей, но и вычисления точного процентного значения их соответствия друг другу.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней:

а) впервые предлагается структурная модель ЯЛП поэтического текста, включающая в себя набор оппозиций языковых черт, распределённых по уровням дискурса;

б) содержание каждой языковой черты в рамках оппозиций уточняется с учётом особенностей переводческой деятельности в целом и поэтического перевода в частности;

в) осуществляется построение моделей языковых личностей рассматриваемых переводчиков на основании анализа преобразований формального и содержательного характера, являющихся маркерами отдельных языковых черт, а также их последующее сопоставление с целью выявления сходств и различий в структурах их ЯЛП.

Теоретическая значимость исследования состоит: в систематизации лингвоперсонологических подходов применительно к разным исследовательским областям; в расширении типологии языковой личности применительно к сфере поэтического перевода; в уточнении принципов моделирования языковой личности применительно к литературному творческому процессу; в дальнейшей разработке путей изучения профессиональной языковой личности в целом.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования полученных в ней результатов в сфере профессиональной лингвоперсонологии, теории перевода, критики перевода, а также атрибуции текстов перевода; изложенные в диссертации данные могут быть использованы в вузовских учебных курсах и тренингах по практике письменного перевода.

Материалом исследования послужил оригинал поэмы Дж. Г. Байрона “Darkness” (1816) и пять её переводов, которые были выполнены О. М. Сомовым (1822), М. П. Вронченко (1828), А. П. Милюковым (1869), М. А. Зенкевичем (1953) и С. А. Степановым (1988) в различные исторические периоды. Основной единицей исследования послужила предметная ситуация, содержащая в себе компоненты, которые были подвержены семантическому анализу. Общее количество рассмотренных предметных ситуаций – около 550.

В диссертации использовались следующие **методы** исследования: метод структурно-уровневого анализа языковой личности; метод семантического анализа глубинной структуры предложения; метод построения ритмического профиля стиха; методы сопоставительного анализа, контекстуального анализа и количественного анализа частотности употребления единиц.

Теоретико-методологической базой исследования послужили:

1) работы Г. И. Богина [1977; 1978; 1980; 1984; 2009], И. А. Бубновой [2017], С. Г. Воркачёва [2001], А. А. Залевской [2003; 2009], В. И. Карасика [1996; 1999; 2002], Ю. Н. Караулова [1987; 1989; 1997], В. В. Красных [2016], В. А. Масловой [2007], В. П. Нерознака [1996], С. А. Сухих [1998], посвящённые проблеме исследования языковой личности; непосредственную методологическую основу трактовки языковой личности составил подход [Сухих 1998];

2) работы В. С. Андреева [2011], М. Л. Гаспарова [2001], С. Ф. Гончаренко [1987; 1999], В. М. Жирмунского [1925], М. Л. Лозинского [1987], Ю. М. Лотмана [1964; 1972], Г. Я. Мартыненко [2019], Е. Г. Эткинда [1965; 1970; 1974], Р. О. Якобсона [1959], посвящённые вопросу особенностей поэтического текста; а

также работы Л. С. Бархударова [1975], В. Г. Гака [1968; 1997; 1998], Н. К. Гарбовского [2004], В. Н. Комиссарова [1990; 2002], Ю. Найды [1978], П. Ньюмарка [1988], А. А. Потебни [1997; 2007], А. В. Фёдорова [1941; 1991], А. Д. Швейцера [1971; 1988], в которых рассматриваются вопросы перевода художественных и поэтических произведений;

3) работы отечественных и зарубежных лингвистов, в рамках которых рассматривается семантико-синтаксическая структура предложения и акциональные типологии предикатов – Ю. Д. Апресян [1974], Н. Д. Арутюнова [1976; 1979], В. В. Богданов [1977], Н. Н. Болдырев [2016]; Л. Г. Васильев [1980; 1982; 1983; 2002; 2007; 2016], В. В. Виноградов [1972; 1980], Дж. Лайонз [1978], В. А. Плунгян [2011], Ю. С. Степанов [1981], И. П. Сусов [1973], Л. Теньер [1959; 1988], Ч. Филлмор [1966; 1968; 1969; 1970; 1971], У. Чейф [1975], Л. В. Щерба [1974 (а); 1974 (б)].

Настоящее исследование исходит из **гипотезы** о том, что характер перевода поэтического текста обусловлен спецификой языковой личности переводчика, ответственного за его создание.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) языковая личность переводчика может быть представлена как структурное образование, включающее в свой состав ряд признаков, которые могут быть выявлены на основе преобразований, осуществляемых переводчиком при создании текста перевода; важную роль в определении существа языковой личности переводчика играет набор тех её признаков, которые получают вербальную манифестацию; эти признаки со своей спецификой на каждом уровне структуры («языковые черты» по С. А. Сухих [1998]) представимы в виде оппозиций, содержание которых может быть уточнено в зависимости от типа дискурса, в котором реализует себя языковая личность;

2) личностные языковые черты экспонентного уровня ‘активность’ и ‘созерцательность’ прослеживаются как в отношении отдельных лексических единиц, которые могут заменяться в тексте перевода на, соответственно,

более/менее динамические и более/менее предикативные, так и в рамках целых ситуаций, в качестве знаковых репрезентаций которых выступают предикатные выражения (далее – ПВ); в зависимости от того, какую роль актанты пропозиции выполняют в активных, псевдо-активных или созерцательных ситуациях, можно уточнить их семантику; на основании этого критерия выделены пять групп аргументов: субъекты действия или воздействия (активные актанты); объекты действия или воздействующие объекты в ситуациях без активного участника (псевдо-активные актанты); объекты действия или восприятия (пассивные актанты); участники ситуации, пребывающие в состоянии или характеризующиеся свойством (созерцательные актанты); аргументы, не входящие ни в одну из вышперечисленных групп (актант ‘место’, актант ‘вещество’, актант ‘кличка’);

3) на субстанциональном уровне языковая личность переводчика склонна проявлять себя как ‘конкретная’ или ‘абстрактная’, ‘аналитическая’ или ‘синтетическая’; формальными маркерами конкретности являются различного рода замены языковой единицы оригинала на единицу с более узкой сферой референции в переводе (конкретизация, конкретизация при повторной номинации, уточняющая синекдоха и конкретизация нулевого аргумента); в качестве формальных маркеров абстрактности (являющейся оппозитом конкретности) выступают противоположные по своей сути типы замен исходной языковой единицы на единицу с более широкой сферой референции в тексте перевода; показателями аналитичности являются добавления ядерных и опциональных компонентов предикатного выражения в знаковые структуры текста перевода; показателями синтетичности признаются опущения ядерных и опциональных компонентов предикатного выражения из знаковых структур текста оригинала;

4) оппозиция языковых черт интенционального уровня с учётом специфики поэтического перевода и конкретики языкового материала может быть представлена как ‘буквальность’ (прямое значение) – ‘образность’ (непрямое

значение). В качестве доминирующей интенции в языковой личности любого переводчика выступает намерение создать адекватный текст перевода; в зависимости от выбираемой переводческой стратегии в структуре языковой личности на интенциональном уровне постулируется формально-смысловая оппозиция языковых черт 'тождественность' – 'преобразованность'.

Апробация работы.

Результаты исследования были изложены в форме очных докладов на V Международной научной конференции «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.), на Международной научно-практической конференции «Ключевые проблемы современной лингвистики и лингводидактики» (Тирасполь, 18-19 ноября 2021 г.), на Международной научно-практической конференции «Многоязычие и национальные культуры России и Приднестровья в зеркале английского, французского, немецкого, русского и других языков» (Тирасполь, 4 марта 2022 г.); в заочной форме на Международной научно-практической конференции «Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования» (Чебоксары, 25 мая 2020 г.), на XXV Международной научной конференции «Прикладные и фундаментальные исследования» (Сент-Луис, 3 апреля 2022 г.), на Международной научно-практической конференции «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 15 апреля 2022 г.), на всероссийской научной конференции «Достижения науки и технологий-ДНИТ-2021» (Красноярск, 10-11 декабря 2021 г.), на межвузовском научном конгрессе «Высшая школа: научные исследования» (Москва, 7 декабря 2019 г.).

По результатам исследования опубликовано 13 научных статей общим объёмом 5,18 п. л., из них 4 статьи – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Цели и задачи исследования определили **структуру работы**. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка словарей, списка источников фактического материала и двух приложений.

Во введении обосновывается выбор объекта и материала исследования, его предмет, актуальность и научная новизна исследования, определяются цели и задачи, решаемые в работе, характеризуется её теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе определяется теоретическая и методологическая база исследования ЯЛП поэтического текста.

В первом параграфе рассматриваются основные направления изучения языковой личности, развиваемые в области лингвистической науки. Особое внимание уделяется структурным моделям представления языковой личности в силу возможности их использования для изучения и сопоставительного исследования личностных особенностей, свойственных переводчикам поэтического текста. Уровневая модель организации языковой личности, разработанная С. А. Сухих и представляющая собой расширение модели Ю. Н. Караулова [1987], уточняется в диссертации с учётом специфики поэтического перевода.

Во втором параграфе определяются характеристики поэтического текста, которые обуславливают специфику его перевода. Рассматриваются трудности передачи формы и содержания стихотворного произведения, разнородность заключённой в нём информации, а также проблема воспроизведения в переводе исходного коммуникативного эффекта. В третьем параграфе освещается семантико-синтаксический подход к изучению структуры предложения и его значения; анализируются типологии аргументов и предикатов как компонентов ПВ.

Вторая глава описывает характерные трансформационные операции, распределённые на подвиды в рамках каждой из рассматриваемых оппозиций языковых черт в структуре языковой личности переводчика поэтического текста.

В первом параграфе представлены преобразования на уровне отдельных лексических единиц и целых ситуаций, которые свидетельствуют о проявлении у переводчика языковой черты ‘активность’ или ‘созерцательность’ в рамках экспонентного уровня дискурса. Помимо этого, предлагается уточнённая классификация семантических ролей аргументов в зависимости от их характера в отношении ‘активности’, ‘псевдо-активности’, ‘пассивности’ или ‘созерцательности’.

Во втором параграфе даётся характеристика переводческих преобразований в рамках оппозиций языковых черт ‘конкретность’ – ‘абстрактность’ и ‘аналитичность’ – ‘синтетичность’ на субстанциональном уровне дискурса.

В третьем параграфе обосновывается замена оппозиции ‘буквальность’ – ‘юмористичность’ на оппозицию ‘буквальность’ – ‘образность’, что осуществляется ввиду специфики перевода поэтического текста. Кроме того, в силу особенностей интенциональной сферы переводчика, вводится оппозиция языковых черт ‘тождественность’ – ‘преобразованность’. В рамках вышеуказанных языковых черт даётся подробная оценка переводческих трансформаций с разбитием их на подвиды.

В заключении обобщаются результаты проведённого исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы исследования.

Список использованной научной литературы включает в себя 192 источника на русском, английском и французском языках.

Приложение 1 содержит оригинал поэмы “Darkness” и её переводы с ритмическими схемами. В **Приложении 2** представлен подробный список смысловых и формальных преобразований исходного произведения, распределённых по уровням дискурса и языковым чертам, о которых они сигнализируют.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

1.1. КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1.1. Основные направления изучения языковой личности в рамках лингвистических наук

В начале XX века главенствующим направлением в лингвистике становится структурализм, который «ограничивается исследованием языка в ‘себе и для себя’» [Воркачѳв 2001: 64]. «Однако уже с конца прошлого века в рамках изменения научной парадигмы гуманитарного знания маятник начинает двигаться в обратную сторону, и на место господствующей сциентистской, системно-структурной и статической парадигме приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания» [Там же]. В результате смены научной парадигмы в лингвистике возникла тенденция к детальному и комплексному изучению человека как субъекта речевой деятельности, что явилось предпосылкой к развитию новых лингвистических направлений. Одним из них стало исследование концепта языковой личности, вначале в рамках литературоведения и лингводидактики, а затем и в русле лингвистического направления, названного «лингвистической персонологией» [Нерознак 1996: 112–116].

По мнению С. Г. Воркачева, «понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определѳнность» [Воркачѳв 2001: 70]. Термин ‘языковая личность’ впервые употребляется

Й. Л. Вайсгербером в книге «Родной язык и формирование духа» (1927 г.), а затем В. В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930 г.). Оба автора обращаются к данному понятию в связи с различием индивидуального и коллективного в языковой способности [Вайсгербер 2004: 81; Виноградов 1980: 61]. Тем не менее, вышеупомянутые авторы не дают точного определения интересующего нас объекта – впервые это делает Г. И. Богин, который называет языковую личность «центральным понятием лингводидактики» [Богин 1984: 3] и отмечает, что языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки» [Там же]. По мнению автора «языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Там же].

В широкий научный обиход вошло определение языковой личности, сформулированное Ю. Н. Карауловым. Исследователь называет языковой личностью, с одной стороны: «наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов», с другой – «собственно индивидуума, который выступает как носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [Караулов 1997: 671].

На современном этапе развития лингвистики проблема языковой личности изучается как в рамках собственно лингвистических наук, таких как лингвистическая персонология, социо- и коммуникативная лингвистика, психолингвистика и др., так и в смежных с лингвистикой областях – лингводидактике и лингвокультурологии. Кроме того, в русле собственно лингвистических исследований феномена языковой личности возник структурный подход к её изучению, результатом которого явилось создание уровневой модели

представления языковой личности [Караулов 1987], которая получила дальнейшее развитие, в частности, в области прагмалингвистики [Сухих 1998].

Далее рассмотрим основные направления исследований в рамках указанных лингвистических наук и подробно остановимся на рассмотрении уровневой модели языковой личности.

1. В рамках одного из направлений *лингвоперсонологии* – персонологии текста – выполнены работы Н. Д. Голева [2014] и Н. В. Мельник [2011]. Е. С. Рыжкова отмечает, что предметом исследования данного направления лингвистики «является текст, рассматриваемый учёными как персонотекст, т. е. как проявление типа языковых личностей» [Рыжкова 2019: 329]. Автор добавляет, что «в русле лингвоперсонологии текста исследователи проводят его анализ и стремятся выявить текстовые особенности, обусловленные языковыми способностями его создателя» [Там же]. В отношении исследуемого материала Е. С. Рыжкова указывает на то, что «лингвоперсонологическому анализу подвергаются тексты любого стиля, жанра и т. д., не только произведения мастеров художественного слова, но и вторичные тексты, под которыми исследователями понимаются в широком смысле тексты, созданные на базе других текстов» [Там же]. Вторичные тексты «сопоставляются с исходным, первичным текстом и выступают как своеобразное зеркало видения языковой личности» [Мельник 2011]. В русле лингвоперсонологии выполнена и работа Т. А. Головиной, в которой используются методы статистического анализа для выявления частотности употребления отдельных частей речи на материале текстов русских писателей [Головина 2008]. Е. С. Рыжкова пишет, что «лингвоперсонологический подход также применяется к изучению языковых единиц с помощью методов лингвистической статистики» [Рыжкова 2019: 329–330]. Сюда же можно отнести работы в области стилеметрии, ориентированные на изучение идиостиля автора – ср.: [Андреев 2011].

2. Феномен языковой личности также изучается в рамках *психолингвистики*. Здесь следует выделить труды К. Ф. Седова [Седов 1999; 2004; 2007], которые

легли в основу психолингвистики индивидуальных различий. К. Янь отмечает, что в качестве предмета исследования данного направления «выступает модель коммуникативной компетенции личности (включает в себя аспекты, показывающие коммуникативную составляющую разных уровней личности), а объектом его является коммуникативное (речевое) поведение, дискурс, который предстает перед учёным в виде процесса и продукта – конкретных речевых произведений (ими могут быть как связные тексты, так и результаты ассоциативных и других экспериментов)» [Янь 2020: 452].

Исследование И. А. Бубновой выполнено в русле психолингвистики личности, в рамках которой «человек рассматривается как представитель того или иного этноса и различных социальных групп, с одной стороны, и как носитель индивидуальных черт, которые являются производными от субъективно-личностного способа осмысления мира» [Бубнова 2017]. В работе В. В. Красных [2016] закладываются основы психолингвокультурологии. Исследователь отмечает, что «результатом анализа в русле названного научного направления становится речевой (коммуникативный) портрет личности, отражающий уникальность её способности к общению и представляющий собой объёмную модель коммуникативной компетенции человека» [Красных 2016: 13].

3. В рамках *социолингвистики* проблема языковой личности рассматривается в работах В. И. Карасика [1996; 1999; 2002], которые «ориентированы на изучение «лингвокультурных типажей» представителей тех или иных национальных культур» [Рыжкова 2019: 330]. Как отмечает К. Янь, «В. И. Карасик пишет о том, что языковую личность можно охарактеризовать с позиций либо заданного социального типа, либо определённых знаков, рассматриваемых как индикаторы статуса или роли» [Янь 2020: 453]. В таком случае исследование должно быть ориентировано «на выявление тех знаков, которые характеризуют заранее определённый тип личности» [Там же]. Автор поясняет, что «в концепции В. И. Карасика модель языковой личности базируется на связи этнокультурных и социологических начал в человеке говорящем, с одной

стороны, и индивидуальных особенностей, с другой» [Там же]. Работы О. В. Загоровской, в свою очередь, посвящены разработке метода «лексикографического портретирования» [Загоровская 2013], а также вопросам «взаимоотношения понятий ‘речевая культура’ и ‘языковая личность’» [Загоровская 2002]. Согласно Е. С. Рыжковой «в русле современной социолингвистики предпринимаются также отдельные попытки комплексного исследования проявления в речи пола, возраста, особенностей темперамента, образования и других характеристик личности» [Рыжкова 2019: 330] (ср., в частности, [Ерофеева 1991; 2004; 2009]).

4. В сферу задач *коммуникативной лингвистики* входит изучение языковой личности как участника коммуникативного процесса, что подробно рассматривается в таких отечественных работах как, к примеру: [Стернин 2000; 2001; Кашкин 2000; Прохоров 2016]. И. А. Бубнова отмечает, что «с этой точки зрения исследователи анализируют коммуникативные потребности и коммуникативные черты личности, её коммуникативные стратегии и тактики, индивидуальный стиль и манеру общения» [Бубнова 2017: 62]. Согласно Е. С. Рыжковой, в рамках коммуникативной лингвистики «исследуются языковые и коммуникативные личности отдельных людей – писателей, поэтов, педагогов, учёных, представителей различных профессий; коммуникативная личность подростка, мужчины, женщины и т. д.» [Рыжкова 2019: 330]. В этом русле выполнены, к примеру, работы Е. Ю. Лазуренко [2007] и И. А. Стернина [2000].

5. *Лингводидактика* в герменевтической традиции опирается на категорию языковой личности и её уровневое развитие. Работы по лингводидактике и относительной полноте владения языком Г. И. Богина [Богин 1977; 1978; 1980; 2009], работы тверской школы психолингвистики [Залевская 2003; 2009] прямо указывают на необходимость конструирования объекта лингводидактики вокруг языковой личности. Опираясь на понятия ‘языковая личность’, ‘относительная полнота владения языком’ и ‘виды словесности’, лингводидактика может разработать понятие «выделения языка как учебного предмета» [Литвинов 1990:

8]. Как отмечает К. Янь, «при структурировании языковой личности Г. И. Богин предложил выделить 5 уровней её анализа: 1) правильность; 2) интериоризация; 3) насыщенность; 4) адекватный выбор; 5) адекватный синтез» [Янь 2020: 453].

6. Основной задачей *лингвокультурологии* является изучение языковой личности в рамках языка и культуры. Так, В. Н. Телия считает, что данное направление лингвистики занимается описанием того, каким образом специфика употребления языковых единиц в процессе межличностного общения связана с особенностями менталитета отдельно взятого индивидуума [Телия 1996: 217–218]. В. В. Воробьёв, в свою очередь, изучает варианты описания языковой личности как представителя определённой национальности в категориях так называемых «доминант» [Воробьёв 2008: 116]. По утверждению К. Янь, «в данном контексте основная доминанта понимается как нормативное реагирование на какой-то фактор или ситуацию во внешнем мире, в чем проявляется специфика деятельности общества и личности» [Янь 2020: 452]. С. Г. Воркачëв определяет языковую личность как некий «семантический фоторобот» [Воркачëв 2001: 65], другими словами – «закрепленный в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, культуры и лингвокультуры» [Янь 2020: 452]. Формирование такого прототипа происходит «на основе установок мировосприятия и миропонимания, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отражённых в словаре» [Там же]. Е. В. Иванцова занимается разработкой концепции «этносемантической» языковой личности [Иванцова 2010]. Суть данного исследования заключается в обнаружении языковых особенностей индивидуумов, причисляемых к одной группе в отношении национальной принадлежности и менталитета. Проблемы лингвокультурологии рассматриваются также и в работе В. А. Масловой [2007], где осуществляется изучение языковой личности в рамках социума. По утверждению автора, становление личности носителя конкретного языка обусловлено его «психологическим отношением к родному языку и культуре» [Янь 2020: 452]. И. В. Зыкова исследует языковую личность с точки зрения «её

культуротворческих и языкотворческих способностей» [Зыкова 2017] и вводит понятие «культурно-языковая личность» [Там же].

7. В работе Г. А. Золотовой [2004] разрабатывается направление изучения языковой личности под названием *коммуникативная теория языка*. Автор пишет, что в рамках коммуникативной грамматики особое внимание уделяется «выявлению позиции говорящего в отборе речевых ресурсов и организации текста» [Золотова 2004: 20]. Как отмечает К. Янь, «в данном случае говорящий выступает в качестве субъекта речевой деятельности, социального общения и лица, воспринимающего и осмысляющего окружающий мир» [Янь 2020: 452]. Кроме того, важно упомянуть тот факт, что «коммуникативные способности даны каждой личности с рождения и в первые два–три года жизни человек овладевает родным языком для практического общения [Там же].

8. В русле вышеупомянутых лингвистических наук осуществляется активная разработка концепции *профессиональной языковой личности* (далее – ПЯЛ). В рамках когнитивного терминоведения ПЯЛ определяется как «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отражённых в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Голованова 2010: 263]. Е. И. Голованова отмечает, что ПЯЛ «раскрывается в особенностях производимых ею языковых и речевых единиц и целостных текстов, в своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса, подчинённого целям и задачам профессиональной деятельности» [Там же]. В ряде работ челябинской научной школы выявлена и описана структура уровней ПЯЛ; охарактеризованы основные типы ПЯЛ – тип вдумчивой личности и тип личности интуитивно-образного типа; разработано лексикографическое описание ПЯЛ [Голованова 2011; 2013]; предложена и апробирована методология дискурсивного исследования ПЯЛ (на основе естественных письменных речевых текстов предпринимателей) [Золотова 2013].

Теория *ПЯЛ переводчика* развивается в монографии А. Б. Бушева [2010]. Исследуя ПЯЛ переводчика, учёный характеризует её в первую очередь с точки зрения набора присущих ей переводческих компетенций. Данное понятие определяется им как «сложная многомерная лингвокогнитивная категория, включающая профессиональные навыки и умения, позволяющая переводчику осуществлять акт межъязыкового и межкультурного посредничества» [Бушев 2010: 93]. Автор добавляет, что «переводческая компетенция включает в себя языковую, текстотипологическую, социокультурную и риторическую компетенции» [Там же]. В качестве первостепенной задачи русской ПЯЛ переводчика А. Б. Бушев выделяет «максимальное освоение жанрово-стилистической палитры речи при переводе с иностранного языка на русский (приближение к узусу русской речи) и при понимании русских текстов» [Бушев 2010: 92].

Из всего разнообразия подходов к языковой личности мы ориентируемся на особенности ПЯЛ переводчика, рассматривая её прежде всего в стратумном ключе.

1.1.2. Структурные модели языковой личности

В области собственно лингвистических исследований основной вклад в развитие стратумной теории языковой личности принадлежит Ю. Н. Караулову. По справедливому замечанию О. Н. Шевченко, «в вопросе о структуре языковой личности практически все исследователи так или иначе ссылаются на модель языковой личности, предложенную Ю. Н. Карауловым; она часто используется как основа для анализа различных языковых личностей, видоизменяется, модифицируется. Модель состоит из трёх уровней: вербально-семантического (вербально-грамматического), или лексикона; лингво-когнитивного, или тезауруса; мотивационного, или прагматикона» [Шевченко 2005: 12]. «Каждый из уровней характеризуется своим набором единиц, которые в совокупности

охватывают все используемые при изучении языка единицы, своеобразно перераспределяя их соответственно специфике названных уровней» [Караулов 1997: 672].

Лексикон включает «фонд лексических и грамматических средств, использованных личностью при порождении ею достаточно представительного массива текстов» [Караулов 1987: 87]. «При изучении языковой личности Ю. Н. Караулов выдвигает на первый план интеллектуальные способности человека. Таким образом, низший, вербально-семантический уровень, предполагающий для носителя нормальное владение языком, признаётся нулевым, хотя и составляет необходимую предпосылку становления и функционирования языковой личности» [Шевченко 2005: 12].

Когнитивный уровень характеризует «свойственную ей картину мира и воплощен в её тезаурусе» [Караулов 1987: 87]. «Предполагается существование некой доминанты, определяемой национальной культурой, традициями и принятой в обществе идеологией. Таким образом, первый уровень изучения языковой личности предполагает выделение в её картине мира вариативной части на основе знания её ядерной составляющей» [Шевченко 2005: 12–13].

Мотивационный уровень, по мнению Ю. Н. Караулова «охватывает коммуникативно-деятельностные потребности личности, движущие ею мотивы, установки и цели» [Караулов 1987: 88]. Данный уровень, согласно автору, «резюмируется в наборе или сетке связанных с конкретными речевыми актами интенциональностей» [Там же]. «Инвариантом здесь надо считать представления о смысле бытия, цели жизни человечества и человека как вида гомо сапиенс, тогда как переменную часть составят индивидуальные мотивы и цели» [Там же: 38]. Ф. В. Бассин, в свою очередь, указывает на возможность исследования интенций, установок и эмоций личности на текстовом материале. Указанные аспекты личности, по его мнению, опредмечиваются в сложных формальных средствах текста, являющихся «знаковой объективацией значащих переживаний» [Бассин 1972: 120].

Уровневая модель языковой личности получила развитие в области прагмалингвистики применительно к исследованию диалогического дискурса [Сухих 1998]. Языковая личность понимается С. А. Сухих как «сложная многоуровневая функциональная система, включающая уровень владения языком (языковую компетенцию), уровень владения способами осуществлять речевое взаимодействие (коммуникативную компетенцию) и знания мира (тезаурус)» [Там же: 109]. В качестве одного из ключевых понятий в концепции исследователя выступает 'языковая черта', которая определяется им как «повторяющаяся особенность вербального поведения человека, склонного к определённому способу его реализации на экспонентном (формальном), субстанциональном и интенциональном уровнях дискурса» [Там же]. С. А. Сухих утверждает, что «экспонентный уровень дискурса охватывает всё многообразие словообразовательных и синтаксических структур, связь между элементами предложений и самими предложениями, а также грамматическую категорию залога, распространённость предложения, способы соотнесения субъекта и предиката в предложении (т. е. на экспонентном уровне дискурса проецируется языковая компетенция личности)» [Там же: 109–110]. «На субстанциональный уровень дискурса, включающий в себя семантические параметры темы (способы развития темы, объёмы референции семантических единиц, когерентность развития темы), проецируются структуры тезауруса языковой личности» [Там же: 110]. Кроме того, на данном уровне также определяются потенции дальнейших дискурсных вербализаций. «И, наконец, уровень интенциональной организации дискурса, куда входят система речевых действий, диалогическая модальность, коммуникативные схемы и стратегии, отражает уровень коммуникативной компетенции субъекта языкового общения» [Там же: 109–110].

Из вышеизложенного следует, что уровни дискурса, представленные в концепции С. А. Сухих, последовательно соотносятся с тремя уровнями структурной модели языковой личности Ю. Н. Караулова. Для наглядности представим их сопоставление в Таблице 1.

Варианты уровневого представления языковой личности

Ю. Н. Караулов		С. А. Сухих	
<i>Наименование уровня</i>	<i>Характеристика уровня</i>	<i>Наименование уровня</i>	<i>Характеристика уровня</i>
Вербально-семантический	Предполагает нормальное для носителя владение языком	Экспонентный	Отражает языковую компетенцию личности
Когнитивный	Воплощается в тезаурусе языковой личности	Субстанциональный	Отражает структуру дискурсивного потенциала языковой личности
Мотивационный	Охватывает коммуникативно-деятельностные потребности личности	Интенциональный	Отражает уровень коммуникативной компетенции субъекта языкового общения

Стоит отметить, что содержание каждого из сопоставляемых уровней в концепции С. А. Сухих представлено более детально. Так, у Ю. Н. Караулова лексикон «включает фонд лексических и грамматических средств» (без специальной экспликации), в то время как С. А. Сухих среди данных средств выделяет грамматическую категорию залога, распространённость предложения, способы соотнесения субъекта и предиката в предложении, а также сами связи между синтаксическими единицами. Отметим при этом, что наполняемость субстанционального и интенционального уровней в концепции С. А. Сухих обусловлена специфичностью диалогического дискурса, на материале которого проводилось исследование (и поэтому при взятии за основу этой системы с отмеченной индуктивной составляющей в неё могут быть внесены коррекции, связанные прежде всего с объектом и материалом исследования).

С. А. Сухих утверждает, что языковой личности присуще проявление свойственных ей языковых черт на определённом уровне дискурса. Так, «на экспонентном уровне языковая личность может быть описана как активная или пассивная (созерцательная), персуативная (убеждающая) или голословная; на субстанциональном же уровне ей присущи качества конкретности или абстрактности, аналитичности или синтетичности; на интенциональном уровне

находят выражение такие её черты как юмористичность или буквальность, конфликтность или кооперативность, директивность или интегративность» [Сухих 1998: 17–18].

Языковые черты, представленные С. А. Сухих, выявлены им на основании анализа диалогических дискурсов. Считаю, что указанная классификация языковых черт применима и для изучения языковой личности переводчика поэтического текста при некотором её уточнении в соответствии с учётом особенностей переводческой деятельности.

1.1.3. Структурная модель языковой личности переводчика поэтического текста

Уровневая модель представления языковой личности переводчика поэтического текста будет строиться нами на основании концепции С. А. Сухих. Совокупность оппозиций языковых черт, представленная на каждом из вышеупомянутых уровней дискурса, будет уточняться с учётом специфики переводческой деятельности и поэтического перевода, в частности. Анализ содержания каждой из языковых черт будем производить последовательно – начиная с экспонентного уровня дискурса.

Согласно С. А. Сухих, на экспонентном уровне дискурса находят своё отражение следующие оппозиции языковых черт: ‘активность’ – ‘созерцательность’, ‘персуативность’ – ‘голословность’ [Сухих 1998: 18].

С. А. Сухих отмечает, что «предпочтение конструкций со значением динамичности или статичности, активности или пассивности зависит от языковых черт ‘активность’ и ‘созерцательность’» [Сухих 1998: 111]. К формальным маркерам ‘активности’ он относит «глагольные формы со значением категории активности, действия, а также предпочтение предикативных единиц номинативным» [Там же]. К показателям ‘созерцательности’ – «употребление пассивных конструкций и стальных предикатов» [Там же].

Отметим, что оппозиция языковых черт ‘активность’ – ‘созерцательность’, по нашему мнению, весьма свойственна языковой личности переводчика поэтического текста. Как текст оригинала, так и текст перевода потенциально могут содержать в себе все из вышеуказанных формальных маркеров: синтаксические конструкции определённого типа, глагольные формы различного значения, предикативные и номинативные единицы. Преобразование характера исходной конструкции/единицы в отношении ‘динамичность/статичность’, а также ‘предикативность/номинативность’ будет свидетельствовать о проявлении у переводчика одной из вышеупомянутых языковых черт.

С другой стороны, языковые черты ‘персуативность’ и ‘голословность’, по нашему мнению, в структуре ЯЛП поэтического текста отсутствуют. Такой вывод исходит из самой сути данных языковых черт, различение которых производится С. А. Сухих на основании того, с какой степенью утвердительности языковая личность соотносит субъект и предикат в пропозиции при констатации фактов, а также применяет ли она аргументацию для увеличения степени достоверности утверждаемого. Так, ‘персуативность’ проявляется в использовании дополнительной или избыточной аргументации при наличии достоверного факта, при этом пропозиции характеризуются высокой степенью аффирмативности. ‘Голословность’, напротив, обнаруживает себя при использовании высокой степени утвердительности в констатации факта при неточном знании, что не допускает вероятностной модальности или развёрнутой аргументации [Сухих 1998: 111–112].

При создании текста перевода на основе оригинального произведения переводчик не осуществляет констатацию фактов как таковую, он лишь создаёт, в случае с поэтическим текстом, свою интерпретацию положения дел, представленного автором оригинала. В переводах поэтических произведений, как правило, отсутствует какая-либо аргументация, характер достоверности или ложности исходных фактов не оспаривается переводчиком. Более того, неотъемлемым условием успешного осуществления переводческой деятельности,

по нашему мнению, является отношение переводчика к исходному тексту как к истинному представлению ситуации.

Как указывалось выше, на субстанциональном уровне дискурса языковой личности присущи качества конкретности или абстрактности, аналитичности или синтетичности. Считаем, что оппозиции языковых черт 'конкретность' – 'абстрактность' и 'аналитичность' – 'синтетичность' также присущи ЯЛП поэтического текста. Так, субстанциональный уровень дискурса, согласно С. А. Сухих, «включает в себя семантические параметры темы: способы развития темы, объемы референции семантических единиц, когерентность развития темы» [Сухих 1998: 110]. С одним из вышеуказанных семантических параметров темы, а именно, с объёмом референции семантических единиц, и связано выделение С. А. Сухих оппозиции языковых черт 'конкретность' – 'абстрактность' на субстанциональном уровне дискурса. По утверждению автора, «субъекты языкового общения имеют склонность к употреблению или выбору языковых единиц с узкой или широкой сферой референции» [Сухих 1998: 113].

В случае с ЯЛП поэтического текста, показателем языковой черты 'конкретность', по нашему мнению, будет являться замена единицы в тексте оригинала единицей с более конкретным значением или с более узкой сферой референции в тексте перевода. С другой стороны, противоположная ей языковая черта 'абстрактность' будет проявляться в случаях замены исходной языковой единицы на единицу в тексте перевода с более абстрактным значением, с более широкой сферой референции (ср. трансформации 'конкретизации' и 'генерализации' у Я. И. Рецкера [1974]).

Языковые черты 'аналитичность' и 'синтетичность' связаны со склонностью субъекта описывать ситуации с определённой степенью детализованности или обобщённости [Сухих 1998: 113]. Применительно к диалогическому дискурсу данные языковые черты, по мнению С. А. Сухих, «характеризуются склонностью коммуниканта без дополнительных побуждений со стороны партнёра по общению детально конкретизировать тему диалога или

представлять её в обобщённом виде, что может приводить к нарушению конврсационного постулата о количестве информации» [Сухих 1998: 113].

В рамках исследования ЯЛП поэтического текста, языковая черта ‘аналитичность’, по нашему мнению, проявляется в случае представления исходной ситуации в более детализованном виде в переводе, что происходит за счёт добавления смысловых элементов различного типа к исходной ситуации. Количество информации, сообщаемое в соответствующей ситуации перевода, таким образом, превышает это количество в исходной ситуации. Что же касается противоположной аналитичности языковой черты ‘синтетичность’, то она проявляется, напротив, в более обобщённом представлении оригинальной ситуации в тексте перевода. Это реализуется за счёт опущения смысловых элементов, в поверхностной структуре представленных знаками различного типа. Количество информации, представленной в ситуации текста перевода, соответствующей оригинальной ситуации, таким образом, меньше.

В рамках интенционального уровня дискурса С. А. Сухих выделяет три оппозиции языковых черт: ‘конфликтность’ – ‘кооперативность’, ‘центрированность’ – ‘децентрированность’ и ‘буквальность’ – ‘юмористичность’ [Сухих 1998: 114–115]. Считаем, что первые две оппозиции языковых черт не входят в структуру ЯЛП поэтического текста и раскрываются только в отношении личности как участника диалога. Данный вывод основывается на том, что ‘конфликтность’ и ‘кооперативность’ разграничивают «черты личностных особенностей ведения диалога», а ‘центрированность’ и ‘децентрированность’ указывают, соответственно, на «доминирование своей самооценки» или на «способность становиться на позицию партнёра и адекватно оценивать себя» [Сухих 1998: 114–115]. Оппозиция языковых черт ‘буквальность’ – ‘юмористичность’, по нашему мнению, может быть использована для характеристики ЯЛП поэтического текста при некотором уточнении. Если учесть, что отвлечённое существительное ‘буквальность’ образовано от прилагательного ‘буквальный’, которое в качестве одного из возможных имеет значение «не

переносный, не метафорический; прямой» [ТСЕ], то противоположным по своему значению будет являться понятие ‘образный’, поскольку ‘образность’ определяется как «стилевая черта художественной речи, связанная с употреблением слов в переносном значении (метафор, эпитетов, сравнений, гипербол и т. п.)» [СЛТ].

На основании вышесказанного, будем выделять в ЯЛП поэтического текста оппозицию языковых черт ‘буквальность’ – ‘образность’. В качестве формальных маркеров буквальности мы будем рассматривать замену исходной образной языковой единицы на менее образную или безобразную единицу в тексте перевода. Показателями языковой черты ‘образность’, соответственно, будут являться замены противоположного характера.

Название интенционального уровня дискурса происходит, по всей видимости, от латинского ‘*intentio*’ – стремление. В русском языке данное понятие обозначает «направленность сознания, мышления на какой-либо предмет» [СПП]. Следовательно, на данном уровне дискурса должна опредмечиваться направленность сознания субъекта языка на определённый объект. На это указывает Ю. Н. Караулов, когда упоминает о расположении мотивов, целей, установок и «интенциональностей» личности в пределах мотивационного уровня [Караулов 1987: 88]. Именно интенциональный уровень в концепции С. А. Сухих совпадает, по нашему мнению, с мотивационным уровнем в концепции Ю. Н. Караулова.

Объект, на который направлено сознание переводчика, можно выявить путём анализа определения понятия ‘перевод’. Процесс перевода понимается исследователями как «трансформация текста на одном языке в текст на другом языке» [Бархударов 1975: 226], «воссоздание произведения, созданного на одном языке, средствами другого языка» [Гачечиладзе 1980: 184], «замена текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке» [Кэтфорд 1978: 91]. Таким образом, сознание и деятельность переводчика направлены на создание текста перевода на основе исходного произведения.

Именно это, по нашему мнению, является главной интенцией переводчика, в которой заключается вся суть переводческой деятельности.

Основным фактором, определяющим характер конечного продукта переводческой деятельности, в качестве которого выступает текст перевода, многие теоретики перевода считают выбор переводчиком той или иной 'стратегии перевода' [Комиссаров 1990; Алексеева 2004; Войнич 2009; Сдобников 2011].

А. Д. Швейцер определяет стратегию перевода как выработку программы переводческих действий и претворение этой программы в жизнь, что заключается в совершении рациональных операций, выражающихся в выборе буквального, вольного, дословного, точного видов перевода [Швейцер 1988: 24]. Н. К. Гарбовский под стратегией перевода понимает «стратегию преобразования им (переводчиком) исходного текста» [Гарбовский 2004: 508]. Последний также отмечает, что выбор переводческой стратегии заключается в избрании переводчиком «верного», то есть эквивалентного и адекватного, «вольного» или «буквального» перевода в качестве «генеральной линии поведения» [Гарбовский 2004: 310–311]. Согласно С. А. Сухих, интенциональный уровень дискурса включает в себя «коммуникативные стратегии» [Сухих 1998: 110]. В отношении ЯЛП поэтического текста это будут, следовательно, не коммуникативные (т. е. обеспечивающие эффективность диалогового общения), а переводческие (обеспечивающие качество перевода) стратегии.

В зависимости от того, какую стратегию выбирает переводчик в ходе осуществления своей деятельности – достигнуть установления отношения тождественности между оригиналом и переводом в отношении формы и содержания, либо идти по пути преобразования данных аспектов оригинала – мы выделяем в структуре ЯЛП поэтического текста оппозицию языковых черт 'тождественность' – 'преобразованность'. Термины 'тождественность' и 'преобразованность', используемые в настоящей работе для наименования соответствующих языковых черт, образованы от понятий 'тождество' и 'преобразование', являющихся базовыми в концепции уровневой

эквивалентности Н. К. Гарбовского [Гарбовский 2004]. Исследователем выделены три семиотических уровня: синтаксический, семантический и прагматический. В процессе выполнения своей профессиональной функции переводчик письменного текста осуществляет операции трансформации и деформации оригинального произведения, что прослеживается на каждом из трёх семиотических уровней. Конкретное переводческое преобразование способствует установлению между оригиналом и переводом одного из двух типов отношений: 'тождественности' либо 'преобразованности'. Соответственно, в зависимости от того, какая группа преобразований оказывается более многочисленной в отдельном случае (трансформационные операции как маркеры 'тождественности' и операции деформации как маркеры 'преобразованности'), языковая личность конкретного переводчика может быть охарактеризована как стремящаяся к 'тождественности', либо нацеленная на 'преобразованность' текста оригинала.

В зависимости от целей исследования, изучение языковой личности может идти в двух направлениях. В первую очередь, языковая личность может изучаться как «полноценное представление личности» [Караулов 1989], т. е. в совокупности её (а) ингерентных характеристик – «социальных ролей, профессиональных, возрастных, гендерных и прочих характеристик» [Шевченко 2005: 13]; (б) манифестационных характеристик – «на материале всей совокупности произведённых ею текстов (устных и письменных) – это наиболее полное возможное описание, включающее все виды составляющих языковую личность единиц в единстве с их организацией внутри неё: иерархия, пересечение» [Там же], а также противопоставление и внеположность. О. Н. Шевченко отмечает, что «такое глобальное комплексное исследование подразумевает, что анализу подвергаются абсолютно все произведённые личностью тексты, и, следовательно, возможно только для закрытой языковой личности, т. е. личности с завершённым дискурсом» [Там же]. Так, Ю. Н. Караулов указывает на то, что «полнота принципиально может быть гарантирована, если обеспечить условия для

фиксации всех текстов, произведённых личностью от момента начала говорения до смерти» [Караулов 1987: 85].

На основании анализа работ, в которых изучается феномен языковой личности, можно сделать вывод о том, что исследователи не ставят перед собой задачу построить исчерпывающую модель представления конкретного индивидуума как субъекта языковой деятельности. Напротив, описанию подвергается определённый аспект его «глобальной» языковой личности. Масштаб проводимого исследования намеренно ограничивается в зависимости от цели и задач работы, материала исследования, а также ситуации, в рамках которой изучается данная языковая личность (ср., к примеру, изучение языковой личности врача [Кочеткова 1999], поэта [Пшенина 2000], персонажей литературных произведений [Кузнецов 1999], [Трещалина 1998]).

В данной работе изучение проблемы языковой личности осуществляется в рамках теории перевода. О. Н. Шевченко, в свою очередь, отмечает, что ЯЛП является одним из видов языковой личности в её широком понимании – она «всегда ограничена социальной функцией переводчика, и в этом смысле объем её значения более узок» [Шевченко 2005: 14]. Автор утверждает, что «при таком направленном изучении одни из составляющих «глобальной» языковой личности оказываются в фокусе исследования, другие, будучи в равной степени ей присущи, не попадают в круг рассмотрения, так как не проявились в собранном исследователем материале или не релевантны для цели исследования» [Там же].

Таким образом, мы не преследуем цель осуществить построение всеобъемлющих моделей ЯЛП О. М. Сомова, М. П. Вронченко, А. П. Милюкова, М. А. Зенкевича и С. А. Степанова – анализу будет подвергаться только та сторона их языковых личностей, которая получила отражение в текстах переводов поэмы “Darkness” Дж. Г. Байрона.

Исходя из вышесказанного, мы будем рассматривать ЯЛП поэтического текста как иерархичное структурное образование, включающее в свой состав ряд признаков, которые могут быть выявлены на основе анализа преобразований,

осуществляемых переводчиком при создании текста перевода на основе оригинального стихотворного произведения.

1.2. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В качестве объекта настоящего исследования поэтический текст выбран нами не случайно – это обусловлено рядом его особенностей, которые мы подробно рассмотрим в данном разделе. В первую очередь, стихотворное произведение предполагает возможность множественности его интерпретаций в силу своей образности и насыщенности различными тропами и стилистическими фигурами. В. А. Тарасова применительно к поэтическому тексту указывает в этом отношении на «несводимость значений слов к их словарным дефинициям и мотивированность каждого знака целым текстом» [Тарасова 2015: 278].

М. Торселл отмечает, что текстовая коннотация носит субъективный характер, а в отношении поэзии практически всё, что приходит на ум читателю в процессе знакомства с произведением, можно считать уместным [Thorsell 1998: 31]. К поэтическому тексту применительна и точка зрения Д. Белло, который утверждает, что любое существенное высказывание имеет не один, а несколько вариантов перевода [Bellos 2011: 5]. Ж. Боаз-Бейе, в свою очередь, говорит о том, что художественные тексты по самой своей сути предполагают возможность множественных интерпретаций [Boase-Beier 2010: 108]. В. А. Тарасова утверждает, что при переводе поэтического текста «максимально проявляется феномен потенциальности, обусловленный как языковыми факторами, так и особой моделью адресации» [Тарасова 2015: 278].

В Толковом переводоведческом словаре Л. Л. Нелюбина поэтический перевод определяется как «один из наиболее сложных видов художественного перевода», который представляет собой передачу «с одного языка на другой язык и, что ещё важнее, из одной культуры в другую культуру поэтического произведения, воспринимаемого как поэтическое произведение» [ТПС: 162].

О. Пас называет поэтический перевод искусством создания поэтического произведения близкого оригиналу (цит. по: [Honig 1985: 155]). Согласно Ф. Джонс, перевод поэзии может быть определён как трансляция исходного стихотворного произведения средствами другого языка [Jones 2011: 170]. По мнению Н. А. Фатеевой, «перевод поэзии – это особая сфера перевода, которая, с одной стороны, в концентрированном виде отражает большинство особенностей и трудностей перевода как процесса и как ремесла, а с другой – не может подчиняться типологии многих правил, выработанных для перевода нехудожественных и художественных прозаических текстов» [Фатеева 2016: 57].

Перевод поэтического текста, как указывалось выше, является одним из наиболее сложных видов перевода в принципе и художественного перевода, в частности. Последовательно рассмотрим трудности передачи поэтического текста на язык перевода с учётом трёх видов отношений знаков в семиотике: отношение ‘знак – знак’ (формальный уровень или уровень синтактики), отношение ‘знак – понятие’ (содержательный уровень или уровень семантики) и отношение ‘знак – коммуникант’ (уровень прагматики) [Peirce 1998]. На основе данных типов отношений в теории перевода были построены так называемые ‘уровневые’ модели эквивалентности.

Понятие ‘переводческой эквивалентности’ выступает в качестве одного из базовых в теории перевода. В. Н. Комиссаров обращает внимание на необходимость «различать потенциальную достижимую эквивалентность, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов» [Комиссаров 1990: 51] и «реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода» [Там же]. Анализируя категорию эквивалентности, автор справедливо указывал на её уровневый характер: «сопоставление переводов с их оригиналами показывает, что существует несколько типов эквивалентности, в каждом из которых разные части содержания исходного текста. Изучение уровней эквивалентности позволяет определить, какую степень близости к оригиналу переводчик может достичь в

каждом конкретном случае» [Комиссаров 2002: 134]. На данный момент в рамках науки о переводе уровневые модели эквивалентности предложены Г. Егером [1978], А. Д. Швейцером [1988], В. Н. Комиссаровым [1990], В. Г. Гаком [1997], Н. К. Гарбовским [2004] и др. Все указанные концепции в качестве уровней эквивалентности выделяют уровень языковых форм (синтаксический), уровень языковых значений (семантический) и уровень ситуаций (прагматический). Ниже рассмотрим трудности достижения эквивалентности при создании текста перевода на основе оригинального поэтического произведения в соответствии с вышеназванными уровнями эквивалентности.

1. Формальный уровень.

В первую очередь необходимо отметить, что передача формы в рамках поэтического перевода не сводится к достижению эквивалентности на уровне синтаксиса, которая предполагает расположение языковых элементов в предложении текста перевода в последовательности, идентичной исходному предложению [Гарбовский 2004: 393]. Напротив, достижение синтаксического тождества в отношении поэтического текста в большинстве случаев не только невозможно, но и нежелательно. Согласно К. Норд, перевод зачастую ассоциируется с дословной верностью оригинальному произведению, хотя результатом такого перевода не всегда будет являться достижение исходной цели сообщения [Nord 1997: 4]. Согласно этому функциональному подходу, перевод необходимо осуществлять «сверху вниз», т. е. процесс функционального перевода должен начинаться с прагматического уровня, что включает в себя определение того, какую функцию в итоге должно выполнять переведённое сообщение [Там же: 68]. О превосходстве функции языкового сообщения над его формой упоминает и Дж. Томпсон [Thompson 2004: 7]. На главенствующее положение прагматического уровня над семантическим и синтаксическим в рамках концепции уровневой эквивалентной указывают в своих трудах и упомянутые теоретики перевода.

Форма поэтического произведения является тем аспектом, который отличает его от прочих видов текста. Её составляет комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, к числу которых относятся метр, ритм и рифма.

Метр в стихотворном тексте, по мнению Е. Эткинда – «один из элементов сложнейшего единства многочисленных факторов, которые называются стихом» [Эткинд 1965: 131]. Л. Перрен утверждает, что все выдающиеся поэтические произведения отличаются тем, что метр функционирует в тесной связи с другими элементами стиха, в результате чего создаётся желаемый эффект [Perrine 1963: 739]. И. Бродский отмечает, что «размеры суть средство изменения структуры времени» [Бродский 1998: 252].

Согласно Ю. М. Лотману, понимание ритма и метра оригинального произведения ведёт к отысканию «стилистического ключа» подлинника [Лотман 1972: 124]. Ритм, как отмечает М. Л. Лозинский, является «самым глубинным, самым мощным организующим началом поэзии» [Лозинский 1987: 98]. Об организующем характере ритма говорит и Т. Барни [Barney 2008: 27].

В отношении рифмы отметим, что в качестве объекта настоящего исследования выступает поэма Дж. Г. Байрона “Darkness”, написанная ‘белым стихом’, который представляет собой «нарочито нерифмованный стих» [ЛЭ]. В связи с этим, передача рифмы оригинального стиха не входит в задачу переводчика, создающего переводной текст на основе исходного нерифмованного поэтического произведения и, следовательно, не будет рассматриваться в рамках данной работы.

Стоит упомянуть тот факт, что формальные элементы поэтического текста, по мнению многих исследователей [Лотман 1964; Эткинд 1970; 1974; Гончаренко 1972; Алякринский 1982; Попова 1984 и др.], обладают и определённым содержанием. Так, Н. С. Гумилёв называет форму «единственным средством выразить дух» [Гумилёв 1990: 69]. Автор добавляет, что «у каждого метра есть своя душа, свои особенности и задачи» [Там же: 72]. Так, ямб – «свободен, ясен и твёрд», хорей – «окрылённый, всегда взволнован», дактиль – «мощен,

торжественен», анапест – «стремителен и порывист», амфибрахий – «баюкающий и прозрачный» [Там же: 72–73].

Учитывая сложные отношения формального и содержательного аспектов в поэтическом тексте, рассмотрим основные трудности, возникающие при передаче заложенных в исходном стихотворном произведении смыслов в процессе создания текста на языке перевода.

2. Смысловый уровень.

Передача содержательной стороны исходного поэтического произведения осложняется образностью последнего и, как правило, присутствием в нём значительного количества тропов. Троп – термин стилистики, который обозначает «перенесение смысла слов, употребление слова в переносном, иносказательном значении» [ЛЭ]. Тот факт, что слово в поэтическом тексте приобретает значение отличное от словарного, является, как упоминалось выше, причиной потенциальной множественности интерпретаций отдельного стиха. А по справедливому замечанию Ж. Боаз-Бейе, переводчик должен не навязывать читателю свою собственную интерпретацию произведения, а оставить текст «открытым» для как можно большего количества прочтений [Boase-Beier 2010: 116].

Одновременная передача содержания и формы поэтического текста является одной из основных трудностей для переводчика при работе со стихотворными произведениями. Многие исследователи рассматривают данное явление как ‘конфликт’ или ‘столкновение’ содержания и формы в поэзии.

А. В. Фёдоров отмечает, что «требования передачи ритма, рифмы, строфики и т. д., с одной стороны, и слова – с другой, приходят порой в более резкое столкновение, чем требования точности буквальной и точности смысловой в переводе прозаическом» [Фёдоров 1991: 108]. По мнению автора, «переводчик должен воспроизводить не только содержание и не просто лишь какие-то (основные) черты плана выражения (чего в прозе, как правило, может быть достаточно), но стремиться к воспроизведению ритмических и метрических

особенностей, сохранению количества и принципа чередования стоп (если они неодинаковы). Кроме того, переводчик поэзии должен воспроизводить особенности рифмы, тип чередования рифм, каденции, строение строф. По возможности переводчик должен передавать и звукопись подлинника» [Фёдоров 1941: 57]. Ю. Найда отмечает, что форма зачастую приносится в жертву ради сохранения содержательных аспектов произведения, но, в то же время, предостерегает от перевода лирической поэзии прозой [Найда 1978: 116]. И. В. Томашева, в свою очередь, утверждает, что прозаический перевод стихотворного произведения хоть и «передаёт понятийное содержание, в нём не воспроизводится эмоциональная насыщенность и ‘аромат’ оригинала, а перед переводчиком ставится задача не только передать информацию, но и создать у читателя перевода приблизительно такое же настроение, как и у читателя оригинала» [Томашева 1995]. Согласно И. Ю. Поповой, стремление к абсолютно полной передаче смысловой составляющей произведения «повлекло бы за собой изменения в форме, а формальные элементы в поэтическом произведении обладают как содержательной, так и эстетической ценностью» [Попова 1984: 50]. О. А. Алякринский обращает внимание переводчика на необходимость как можно более точной передачи метрико-ритмового своеобразия подлинника, которое «образует «скелет» поэтического смысла» [Алякринский 1982: 22].

Как отмечает О. М. Филатова, перевод поэтического произведения сопровождается тем, что «содержание втискивается в определённые формальные рамки» [Филатова 2007: 56]. Кроме того, «воспроизвести в переводе и содержание, и форму удаётся очень редко» [Там же]. По словам Л. С. Бархударова, «при замене текста на исходном языке текстом на языке перевода должен сохраняться определённый инвариант; мера сохранения этого инварианта и определяет собой меру эквивалентности текста перевода тексту подлинника» [Бархударов 1975: 9]. Ю. М. Лотман утверждает, что «по отдельности ни семантика, ни оформление текста не могут быть препятствием для художественного перевода: любое содержание может быть абсолютно точно и

полно передано, любые формальные особенности воспроизведены или компенсированы. Подлинную трудность представляют для переводчика сложные отношения, возникающие между элементами формы и содержания. Вот эти связи, отношения, видимо, по-настоящему непереводимы» [Лотман 1964: 183]. С. Л. Сухарев-Мурышкин видит первостепенную задачу переводчика в необходимости «установить функциональную эквивалентность между структурой оригинала и структурой перевода, воссоздать в переводе единство формы и содержания, под которым понимается художественное целое, то есть донести до читателя тончайшие нюансы творческой мысли автора, созданных им мыслей и образов, уже нашедших своё предельно точное выражение в языке подлинника» [Сухарев-Мурышкин 1977: 13]. Согласно П. Ньюмарку, трудность осуществления адекватного перевода возрастает в тот момент, «когда внимание переводчика должно быть одинаково сосредоточено как на форме, так и на содержании переводимого сообщения» [Newmark 1988: 162]. С. Ф. Гончаренко пишет о том, что «информация поэтического текста явственно подразделяется на два принципиально различных подвида: смысловую и эстетическую» [Гончаренко 1999]. Исследователь определяет смысловую информацию как «содержащиеся в тексте сведения, позволяющие установить его соотнесённость с некоторым сегментом реальности, с некоторой внеязыковой ситуацией» [Гончаренко 1987: 38–49].

Согласно И. Р. Гальперину, смысловая информация бывает фактуальной и концептуальной [Гальперин 1981]. О. М. Филатова поясняет, что «фактуальная информация есть сообщение о некоторых фактах и/или событиях, которые имели, имеют, либо будут иметь место в реальном или вымышленном мире» [Филатова 2007: 60]. С другой стороны, «концептуальная смысловая информация представляет собой, в конечном счёте, концепцию мира, то есть авторский вывод о том, каков этот мир или каковым он должен или не должен быть. Эта информация всегда имплицитна по своей природе и как бы не имеет собственных

вербальных носителей – она объективируется не вербальной формой, а с помощью фактуального содержания» [Там же].

Согласно С. Ф. Гончаренко «в истинно поэтическом тексте есть ещё целый информационный массив, передающийся помимо собственного смысла» [Гончаренко 1999]. Он именуется автором как «эстетическая информация» [Там же]. Исследователь отмечает, что «в поэзии, и особенно в лирической поэзии, эстетическая информация часто главенствует не только над фактуальной, но и над концептуальной информацией» [Там же].

3. Уровень прагматики.

Прагматическое тождество в случае с поэтическим переводом достигается, как отмечает Н. К. Гарбовский, когда оригинальное стихотворное произведение в переводе сохраняет стихотворную форму. Вариант перевода стиха прозой исследователь считает прагматически не тождественным [Гарбовский 2004: 392]. В подтверждение упомянутой позиции о главенствующем положении прагматического уровня над семантическим и синтаксическим, Ж. Боаз-Бейе, отстаивая примат перлокутивного эффекта, заявляет, что успешный перевод достигается не пословным воспроизведением оригинала, не точным и последовательным воспроизведением смыслов, а воссозданием эффекта, который производит исходное сообщением. Одним из основных инструментов воздействия автора на читателя поэтического произведения, по нашему мнению, является стиль. В этом отношении Ж. Боаз-Бейе указывает на необходимость для переводчика художественного текста в первую очередь обращать внимание на авторский стиль, а затем уже на содержание произведения [Boase-Beier 2004: 285]. Э. Гутт отмечает необходимость сохранения в переводе стилистических особенностей исходного текста, поскольку они представляют собой те «подсказки», с помощью которых читатель сможет интерпретировать произведение так, как это задумывалось автором [Gutt 1991: 127].

Возвращаясь к вопросу достижения прагматического тождества между оригинальным поэтическим произведением и его переводом, отметим, что

Н. К. Гарбовский, хотя и относил перевод поэзии прозой к прагматическому преобразованию, тем не менее, не исключал возможности такого способа перевода и объяснял это намерением переводчика как можно точнее передать смысл, заложенный в оригинале [Гарбовский 2004, 395]. М. А. Волошин утверждает, что «добросовестный гипсовый слепок в прозе <...> не даёт благоуханий цветущего стиха, но он даёт точность» [Волошин 1979: 161]. О. Г. Ревзина, однако, отмечала разницу между прозой и поэзией: «смысл стихотворения отнесён к ситуации и человеку вообще, в то время как в прозе вербализуется конкретная ситуация с её конкретными участниками» [Ревзина 2002: 421].

Многочисленные трудности, с которыми сталкивается переводчик поэтического текста, стали поводом для возникновения дискуссии в отношении принципиальной возможности осуществления перевода стихотворного текста. Так, В. фон Гумбольдт упоминал об этом в своём письме А. Шлегелю (1796), в котором говорил о переводе как о «попытке разрешить невыполнимую задачу» (цит. по: [Копанев 1972: 251]). По его мнению, «переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт своего подлинника» [Там же]. Из содержания письма становится понятным, что В. фон Гумбольдт отрицает возможность существования такого перевода, который может быть назван «полноценным, т. е. сбалансированным – не вдающимся в крайности буквализма и «адаптирующего» произвола, равноудалённым и от того, и от другого» [Тюленев 2004: 19].

А. А. Потебня также придерживался мнения о непереводаемости поэзии [Потебня 1997; 2007]. Согласно О. М. Филатовой, «он подчёркивал, что языки принципиально асимметричны. Это проявляется в лексико-грамматических и эмоционально-стилистических структурах, которые могут быть выражены посредством отдельных слов или их сочетаний, что и отличает один язык от

другого. Слово одного языка не совпадает со словом другого. Ещё менее вероятно совпадение сочетаний разнящихся между собой слов. В итоге исчезает, по выражению А. А. Потебни, «соль» этих слов. Поэтому непереводимы, в частности, остроты. Более того, мысли оригинала и его перевода не совпадают, поскольку лишаются своей словесной формы. Они оказываются неравными друг другу» [Филатова 2007: 40]. Р. Якобсон, в свою очередь, утверждал, что «поэзия по определению непережима» [Jakobson 1959: 238].

Вышеупомянутая точка зрения относительно возможности перевода поэзии критикуется, в частности, в работе Ю. Найды и Р. Тейбер. Исследователи утверждают, что сообщение, передаваемое одним языком, может быть выражено и средствами другого языка [Nida, Taber 1969: 4].

В работе С. Басснетт и А. Лефевра вопрос о переводимости считается по своей сути «абсурдным» ('preposterous'). В качестве доказательства возможности перевода они указывают на тот факт, что данный вид деятельности осуществляется практически во всём мире на протяжении уже, по крайней мере, четырёх тысяч лет [Bassnett, Lefevere 1998: 1]. В. Коллер по данному вопросу говорит следующее: «Если в каждом языке всё то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, всё то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой» (цит. по: [Швейцер 1988: 102]).

В рамках настоящей работы мы будем придерживаться позиции исследователей, которые считают осуществление переводческой деятельности (и поэтического перевода в частности) возможным. Однако стоит помнить о том, что текст перевода, созданный на основе оригинального стихотворного произведения, на практике никогда не может быть эквивалентным оригиналу во всех отношениях.

1.3. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СТРУКТУРЫ И ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1.3.1. Типы семантических ролей аргументов как партиципантов предметной ситуации

Языковая личность переводчика поэтического текста проявляет себя на экспонентном, субстанциональном и интенциональном уровнях дискурса в тех случаях, когда осуществляются переводческие операции трансформации и деформации в отношении смысловой структуры оригинального произведения. Согласно Н. К. Гарбовскому, переводческие преобразования – это «операции по преобразованию тех или иных элементов исходного текста в переводе» [Гарбовский 2004: 372]. Операция деформации, с другой стороны, является «искажением какого-либо параметра текста оригинала» [Гарбовский 2004: 513].

Установление сути локальных переводческих преобразований представляется возможным путём обращения к плану содержания предложения. Данное понятие, по мнению С. Е. Кузьминой, «получает разные терминологические обозначения в трудах отечественных и зарубежных лингвистов: ‘система с отношениями’ [Ломтев 1979], ‘логико-грамматические отношения’ и ‘логико-грамматические типы предложений’ [Адмони 1973; Арутюнова 1976], ‘типовое значение предложения’ [Золотова 1973; Чейф 1975; Lyons 1995; Всеволодова 2000], ‘семантико-грамматическая структура’ [Алисова 1971], ‘семантическая структура предложения’ [Сусов 1973; Богданов 1977] и др.» [Кузьмина 2009: 93] (см. также: [Васильев 1980; 2002; Маляров 2005]).

В качестве базовой концепции настоящего исследования в отношении методики семантического анализа глубинных структур предложения выбран подход В. В. Богданова [Богданов 1977]. Следовательно, план содержания предложения мы будем вслед за ним называть «семантической структурой».

Как отмечает В. В. Богданов, семантическая структура предложения выступает в качестве смысловой стороны ПВ (лингвистического аналога

пропозиции). Последнее, в свою очередь, представляет собой знаковую структуру, которая в качестве составляющих её элементов всегда содержит как минимум один предикатный знак (выполняющий организующую функцию), а также нуль, один или более аргументов [Там же: 39–50]. В роли аргументов, по мнению В.В. Богданова, выступают непредикатные знаки [Там же: 29–32].

В. В. Богданов указывает на необходимость проведения различия между предикатными и непредикатными знаками. Это различие, по его мнению, пронизывает всю систему языка и находит своё отражение как в особенностях семантического поведения этих знаков, так и в характере их синтаксического функционирования. В конечном счёте, это различие связано с онтологией реальной действительности и поэтому носит не только лингвистический, но логический и общепhilosophический характер [Там же: 29].

Разграничивая предикатные и непредикатные знаки, В. В. Богданов основывается на концепции «вещей, свойств и отношений» А. И. Умова [Уемов 1963], который считает последние основными категориями реальной действительности. А. И. Уемов подчёркивает, что «объективно существуют как вещи, так и свойства и отношения» [Там же: 72] и что «все эти категории определяются друг через друга, причем центральной, основной категорией среди них является категория вещи» [Там же: 52]. Особое положение вещей он видит в том, что «вещи обладают большей относительной самостоятельностью, чем свойства и отношения» [Там же: 84].

По утверждению В. В. Богданова, А. И. Уемов ставит в соответствие вещи субъект (или имя), а свойству и отношению – предикаты. В. В. Богданов, в свою очередь, выделяет «имя, выражающее свойство другого имени или связь между другими именами, и сами связываемые имена» [Богданов 1977: 29]. Согласно автору, «первые разумно назвать предикатными знаками, а вторые – непредикатными знаками [Там же]. Непредикатные знаки являются аргументными именами вещей, «которые участвуют в конкретных ситуациях, развёртывающихся в реальной действительности» [Там же]. По мнению

В. В. Богданова, базой для разграничения непредикатных и предикатных знаков служит различие между вещью, с одной стороны, и свойством и отношением – с другой. Любому слову, являющемуся знаком вещи, должен быть приписан в семантической структуре семантический признак или сема «вещность». Этот признак не имеет ничего общего с грамматической предметностью [Там же: 32–33].

Свойства и отношения, в свою очередь, принципиально отличаются от вещей, а это приводит к существенному отличию предикатных знаков от непредикатных. Согласно В. В. Богданову, «в семантической структуре предикатного знака всегда будут присутствовать в качестве конституирующих семы ‘свойство’ или ‘отношение’» [Там же: 31]. «Важнейшей особенностью предикатной семантемы является её способность взаимодействовать с определенным числом аргументных семантем» [Там же: 54].

В зависимости от того, какими свойствами обладают одушевлённые или неодушевлённые объекты реальной действительности, являющиеся участниками ситуации, о которой сообщает конкретная синтаксическая единица, аргументам присваиваются так называемые «семантические функции» (или роли).

Проблема разработки типологий аргументов и предикатов рассматривалась в трудах как отечественных [Гак 1968; Алисова 1971; Почепцов 1971; 1981; Кацнельсон 1972; Юрченко 1972; Золотова 1973; Сусов 1973; Апресян 1974; Сильницкий 1974; Адмони 1976; Арутюнова 1976; Богданов 1977; Вардуль 1977; Демьянков 1980; Мухин 1980; Русская грамматика 1980; Москальская 1981; Булыгина 1982; Селивёрстова 1982; Касевич 1988; Мельчук 1995] (см. также: [Васильев, 2007]), так и зарубежных исследователей [Чейф 1975; Лайонз 1978; Tesnière 1959; Fillmore, 1966; 1968; 1969; 1970; 1971; Anderson 1971; Starosta 1978; Cook 1998; Downing, Locke 1992] (см. также: [Звегинцев 1981; Васильев 1983; 2016]). По утверждению И. А. Матросовой «в языкознании отсутствует общепринятая падежная классификация аргументов. Подходы к таксономии

отличаются по основаниям классификации, по количеству выделяемых ролей и по терминологии, используемой для их обозначения» [Матросова 2009: 148].

Существенный вклад в разработку семантико-синтаксических моделей предложения внёс родоначальник падежно-ролевой семантики ученик Н. Хомского Ч. Филлмор (последнее место работы – Калифорнийский университет в г. Беркли). Согласно И. А. Матросовой, Ч. Филлмор «ввёл такие понятия, как «глубинная структура» и «падежная роль»¹» [Там же]. По утверждению автора, «свою синтаксико-сементическую модель Ч. Филлмор называет «падежной грамматикой», в которой падежные отношения – главные составляющие теории. Для обозначения ролей аргумента Ч. Филлмор заимствует понятие падежа из традиционной грамматики, но использует этот термин для обозначения ‘семантического падежа’» [Там же]. В концепции Ч. Филлмора разграничиваются обязательные и факультативные падежи, а падежные окружения глагола, в которые он способен входить, определяют его значение [Там же]. Первый вариант типологии падежных ролей, представленный в [Fillmore 1966], включал пять наименований: «эргатив, агентив, датив, комитатив и инструменталь» [Матросова 2009: 149]. Впоследствии, Ч. Филлмор представил расширенную классификацию семантических ролей аргументов [Fillmore 1968: 24–25], в число которых вошли: «агентив как одушевлённый возбудитель действия; датив как лицо, затронутое состоянием или действием; инструменталь как неодушевлённая сила или предмет, вовлечённый в действие; фактитив как предмет или существо, возникающее в результате действия; локатив как место действия или его пространственная ориентация; объектив как предмет, затрагиваемый действием» [Матросова 2009: 149].

Типология семантических функций разрабатывалась также У. Куком [Cook 1998]. По утверждению И. А. Матросовой, автор выделял пять падежных ролей:

---

¹ Заметим при этом, что само изучение знаковых репрезентантов предметной ситуации восходит ещё к древнеиндийской грамматике Панини, автора первой в Индии нормативной и построенной на системных принципах грамматики санскрита, своеобразного Восьмикнижия (Aṣṭādhyāyī), созданного в V-IV вв. до н. э. Также отметим в этой связи концепцию синтаксических актантов Л. Теньера [Tesnière 1959].

«*Agent*, *Experiencer*, *Benefactive*, *Object*, *Locative*» [Матросова 2009: 149]. Участник ситуации в роли *Agent* понимался исследователем как лицо, инструмент или сила природы, способная осуществлять действие, выраженное глаголом. По сути, *Agent* в концепции У. Кука – это производитель действия. *Object* определялся им как объект действия, которое совершается его активным производителем. Участник в роли *Experiencer* выступает как лицо, которое испытывает эмоции, ощущает что-либо посредством органов чувств или познаёт что-либо. *Benefactive* описывает падежную роль участника ситуации, который обладает чем-либо или получает/теряет собственность. Следовательно, данный падеж может быть как позитивным, так и негативным. *Locative* обозначает положение в пространстве. У. Кук отмечает, что данный падеж может называть либо определённое местоположение, либо направление. Исследователь также говорит о том, что в предложении может быть более чем один участник, обладающий данной семантической ролью [Cook 1998].

А. Даунинг и Ф. Локе [Downing, Locke 1992] в своей концепции разграничивают семь следующих типов семантических ролей участников ситуации: «*Agent*, *Force*, *Affected*, *Effected*, *Recipient*, *Beneficiary*, *Causative Agent*» [Матросова 2009: 150]. Участник ситуации в роли *Agent* – «сущность, способная действовать сама по себе, изменяя свои и чужие качества и местоположение. *Agent* характеризуется такими чертами как одушевленность, намеренность, мотивированность, ответственность» [Там же]. В предложении данный аргумент, как правило, выступает в функции подлежащего. Неодушевлённый участник ситуации в роли *Force* так же как и *Agent* характеризуется силой и энергией, однако совершаемые им действия не являются намеренными. К аргументам данной группы А. Даунинг и Ф. Локе относят различные природные явления: ветер, снег, дождь и так далее. *Force* также как и *Agent* в предложении играет роль подлежащего. Участник ситуации в семантической роли *Affected* – «объект, который подвергается воздействию, выраженному глаголом» [Там же: 151]. В составе предложения участник в роли

'Affected' «часто выступает в функции прямого дополнения» [Там же]. Аргумент в роли 'Effected' «обозначает объект, который претерпевает изменение в результате действия» [Там же]. Так же как 'Affected', 'Effected' выполняет функцию прямого дополнения. 'Recipient' определяется как «получатель благ» и может выступать как в роли дополнения, так и в роли подлежащего в предложениях с пассивным залогом. Как и 'Receipient', 'Beneficiary' является объектом действия со стороны активного аргумента, однако при этом он не получает от него никакой пользы. 'Beneficiary' зачастую играет роль дополнения в предложениях с такими глаголами как «приносить», «покупать», «готовить» и редко становится подлежащим в пассивной конструкции. Наконец, 'Causative Agent' является активным участником ситуации, в результате воздействия которого 'Affected Participant' (участник ситуации в роли объекта действия) изменяет своё состояние. Конечное состояние объекта действия выражается определением.

Существует ряд прочих подходов в рамках падежно-ролевой семантики, которые весьма полно описаны в [Маляров 2005] (отечественные концепции) и в [Васильев 1983] (зарубежные – американские – концепции). Мы ограничимся принятием за основу лишь одной, отечественной, теории.

Для осуществления сопоставительного анализа поэмы "Darkness" Дж. Г. Байрона и её переводов, выполненных О. М. Сомовым, М. П. Вронченко, А. П. Милюковым, М. А. Зенкевичем и С. А. Степановым, нами использовалась типология семантических функций аргументов, разработанная В. В. Богдановым. По утверждению автора «предлагаемая система, полученная методом обследования текстов на четырех языках, включает в себя следующие семантические функции» [Богданов 1977: 52]:

1. *Агентив* – активный одушевлённый производитель действия: «*Старуха положила руку на плечо сына*»².

2. *Пацентив* – одушевлённый аргумент как объект действия, состояния или отношения: «*Марусю Тыбурций держал на руках*».

² Определения семантических функций аргументов и примеры на все 14 семантических ролей взяты из монографии В. В. Богданова [1977: 52–55].

3. *Бенефициатив* – одушевлённый аргумент выступает в функции адресата, получателя, того, в пользу или в ущерб кого совершается действие: «*Прислуга принесла Илье записку*».

4. *Экспериенсив* – одушевлённый аргумент в физическом или психическом состоянии, которое выражается предикатом: «*С трудом различал Кузьма тёмные, туманные фигуры мужиков*».

5. *Объектив* – неодушевлённый аргумент как объект действия, состояния или отношения: «*Я вынул из кармана складной нож*».

6. *Перцептив* – одушевлённый или неодушевлённый аргумент, являющийся объектом физического или психического действия или состояния: «*Закрывая глаза, я видел его*».

7. *Композитив* – аргумент как материал, вещество, состав или содержимое другого предмета, выступающего в роли аргумента: «*На дворе караульщик стучал в чугунную доску*».

8. *Инструментатив* – семантема аргумента как орудие или инструмент: «*Зубы разные бывают. Один рвёшь щипцами, другой козьей ножкой, третий ключом*».

9. *Медиатив* – аргумент как средство: «*Это ты укрыл меня ночью простынёю?*».

10. *Элементив* – активный неодушевлённый производитель действия (природный, стихийный): «*Скривились домики, другие совсем обрушились, иные волнами сдвинуты*».

11. *Ономасиатив* – название, прозвище или кличка одушевлённого или неодушевлённого аргумента: «*Прозывают Будильником на деревне его*».

12. *Локатив* – аргумент как место: «*Но внук учёбы этой не постиг и, к горечи твоей, ушёл в страну чужую*».

13. *Дескриптив* – аргумент как носитель свойства, которое выражается предикатом: «*Окна в светлице были маленькие*».

14. *Результатив* – аргумент как результат действия предиката: «Если бы паче всякого чаяния матушка родила **дочь**, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта».

Типология семантических ролей аргументов, разработанная В. В. Богдановым, является, на наш взгляд, оптимальной с точки зрения количества представленных семантических функций. Рассмотренная концепция также представляется подходящей для сопоставительного анализа семантических структур английского и русского языка, поскольку построена на базе материала нескольких языков.

1.3.2. Разновидности предикатных знаков

Как указывалось выше, предикатный знак выполняет организующую функцию в ПВ и в качестве конституирующей всегда имеет сему «свойство» или «отношение».

В. А. Плуноян отмечает, что для решения многих задач грамматического описания лингвистам необходимо располагать семантической классификацией предикатов [Плуноян 2011: 77]. Семантические (или ‘акциональные’) классификации предикатов, по словам В. А. Плунояна, строятся на основе разграничения последних по признаку динамичности/статичности. Так, «крайнее положение в таком континууме занимают названия стативных ситуаций (англ. *states*), или стативов – (непрерывных) свойств и состояний, проявления которых максимально независимы от времени» [Там же: 77–78]. Собственно «глагольная область» на семантико-грамматической шкале начинается именно с состояний (стативные глаголы). Вторая группа глаголов – динамические, они обозначают либо изменения, либо те состояния, для поддержания которых «требуется постоянный приток энергии» [Там же: 78].

В отечественном языкознании широкое распространение получила типология предикатов, разработанная акад. Л. В. Щербой, который выделил

действия, состояния и качества [Щерба 1974 (б): 90–91]. Среди зарубежных исследователей, занимавшихся вопросом разработки типологии предикатов, стоит упомянуть Дж. Лайонза [Lyons 1977] и У. Чейфа [Чейф 1975]. И. А. Матросова отмечает, что «Дж. Лайонз рассматривал в предикатах, с одной стороны, состояние, а с другой – событие, процесс, деятельность и акт. В основе данного противопоставления лежит разница между статичными и динамичными ситуациями» [Матросова 2010]. Напротив, «в концепции У. Чейфа называются три основных типа предикатов: состояния, процессы и действия. Промежуточное положение занимают действия-процессы (*Тигр убил слона*) и предикаты амбиентного действия и состояния (*Холодно, It's raining*)» [Там же] (см. также: [Васильев 1982]). Ю. С. Степанов строит свою типологию предикатов на базе десяти категорий Аристотеля. В концепции исследователя представлены следующие классы предикатов: сущность, количество, качество, отношение (соотнесённое), место, время, положение, состояние (обладание), действие и претерпевание (страдание) [Степанов 1981: 150–160]. Н. Н. Болдырев выделяет 6 функциональных типов глагольных предикатов: акциональные и каузативно-акциональные предикаты (обозначают действия), неакциональные предикаты (обозначают процессы), предикаты свойства, статальные и релятивные предикаты [Болдырев 2016: 58–61].

Стоит отметить, что представленные классификации отличаются друг от друга как количеством рассматриваемых в них типов предикатов, так и пониманием отдельных категорий. В. В. Богданов, в свою очередь, отмечает, что классификации предикатов имеют различные основания деления, часто не сопоставимые друг с другом, поэтому опираться на них трудно. Исследователь предлагает «основываться на системе общепризнанных исходных классов, разграничивающих действия, состояния, свойства и отношения» [Богданов 1977: 51]. В рамках данной работы мы опираемся на концепцию типов предикатов В. В. Богданова.

На основании сущностной характеристики семантических ролей аргументов в классификации В. В. Богданова можно дать следующее толкование рассматриваемым предикатным категориям:

1) «действие» – динамичная характеристика участника ситуации; то, что выполняется им в силу внутреннего (предложение 1) или внешнего движущего фактора (предложение 2): *Иван строит дом. / Машина опрокинулась.* [Богданов 1977: 57]);

2) «состояние» – статичная ограниченная во времени характеристика участника ситуации (*Ивану везёт. / Мальчик волнуется. / Окно закрыто.* [Там же]);

3) «свойство» – статичная ингерентная характеристика участника ситуации (*Парус алый. / Иван сильный.* [Там же]);

4) «отношение» – характеристика, отражающая определённый тип взаимосвязи между участниками ситуации (*У Ивана есть сын. / Сын выше отца.* [Там же: 58]).

Отметим, что В. В. Богданов вкладывает в категорию «действие» достаточно широкое содержание и противопоставляет её только свойствам и состояниям. Схожую трактовку категории «действие» находим и в [Щерба 1974 (б)]. Однако специфика практического материала, анализируемого в работе, требует субкатегоризации предикатов действия на отдельные типы.

Согласно В. В. Богданову, субкатегоризация исходных классов аргументов, представленных в его концепции, может производиться по семантическим признакам аргументов в тех случаях, когда исходной схемы оказывается недостаточно [Богданов 1977: 59]. Таким образом, субкатегоризацию предикатов действия можно произвести на основании учёта особенностей состава и семантических признаков аргументов конкретного предиката действия. Представим данную категоризацию ниже.

1. Предикат действия, которое выполняется в силу внутреннего движущего фактора:

а) активное агентивное (или элементивное) действие, не имеющее направленности: *Мальчик бежит. / Солнце светит.*

б) активное агентивное (или элементивное) воздействие, направленное на объект: *Отец наказывает сына. / Вода точит камень.*

Воздействие (которое всегда характеризуется направленностью в отличие от действия) понимается нами как «действие, оказываемое кем-либо или чем-либо на кого-либо или что-либо; влияние» [СРЯ]. Стоит, однако, упомянуть, что в определённых случаях направленным может быть именно действие, а не воздействие, поскольку в некоторых активных ситуациях не оказывается какого-либо влияния на имеющийся объект, к примеру: *Я ищу книгу (учителя)* (в качестве объекта действия выступает аргумент в объективе или пациентиве). / *Я смотрю на книгу (учителя)* (в качестве объекта действия выступает неодушевлённый или одушевлённый перцептив).

2. Предикат действия, которое выполняется в силу внешнего движущего фактора:

а) псевдо-активное действие, не имеющее направленности (в качестве объекта такого действия выступает не-инициирующий его аргумент в роли объектива или пациентива): *Машина опрокинулась. / Мальчик упал* (неинтенциональное действие).

б) псевдо-активное воздействие, направленное на объект (в качестве воздействующего объекта выступает не-инициирующий его аргумент в роли объектива, пациентива, инструментатива или медиатива): *Камень упал на строителя. / Мальчик упал на товарища* (неинтенциональное действие). / *Ключ открыл дверь. / Занавеска закрыла окно.*

Характер действий и воздействий, рассматриваемых в пункте 2, считаем псевдо-активным, поскольку валентно-необходимый аргумент при соответствующем предикате действия или воздействия не является в подобных ситуациях активным деятелем (агентивом или элементивом), а наделяется активностью извне.

В соответствии с представленными выше положениями, будем выделять следующие разновидности ситуаций на основании типа организующего предиката в репрезентирующем их ПВ:

1. Динамичные ситуации.

а) Активные ситуации с организующим предикатом действия или воздействия.

б) Псевдо-активные ситуации с организующим предикатом псевдо-активного действия или воздействия.

2. Статичные ситуации.

а) Созерцательные ситуации с организующим предикатом состояния.

б) Созерцательные ситуации с организующим предикатом свойства.

3. Ситуации с предикатом отношения.

Стоит отметить, что в рамках своей концепции В. В. Богданов относит к предикатным все виды знаков, за исключением непредикатных. Типология знаков, рассматриваемых им в качестве предикатных, строится на основе учёта характера последних. Выделяется два основных типа предикатных знаков в этом отношении: 'включающие' и 'включённые'. 'Включающий' предикат имеет в качестве аргумента нижестоящий предикат, 'включённый' – является аргументом для вышестоящего предиката [Там же: 77].

Включающие предикаты подразделяются В. В. Богдановым на следующие виды:

1. Фазисные предикаты – обозначают различные фазы протекания действия, к примеру: *начинать, стать, приниматься*.

2. Модальные предикаты – выражают *способность, обязанность, необходимость* и так далее.

3. Каузативные предикаты – обозначают возбуждение действия, 'каузацию', например: *заставлять, обязать, побудить, повелеть*.

4. Кванторы – подразделяются на несколько типов – общности (*все, каждый*), существования (*есть, нет*), числовые (*два, три*).

5. Наречия-сирконстанты и сирконстанты – выступают в функции обстоятельств и выражают *цель, результат, причину, образ действия* и так далее [Там же: 78–96].

Включённые предикаты представлены следующими типами: инфинитив (*позвать, купить*), имя действия (*созерцание, бег*), имя качества (*ласковость, белизна*) [Там же: 98].

Отдельно рассматриваются нематричные предикаты, выступающие не как основной, а как зависимый компонент синтаксической структуры (причастия и деепричастия, инфинитив, прилагательное в определительной функции), а также абстрактные слова-предикаты (частицы), к примеру: *лишь, только*.

Применительно к анализу языкового материала нами будет использоваться подразделение предикатных знаков на свойства, состояния и действия (на основе учёта их характеристик в отношении статичности/динамичности), а также классификация предикатов В.В. Богданова, в которой последние распределены с точки зрения включающего/включённого характера на 8 типов. Помимо этого, в качестве конкретных объектов исследования будут рассматриваться нематричные предикаты и частицы-предикаты.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Концепция языковой личности рассматривается в рамках собственно лингвистических, а также смежных с языкознанием направлений. Личностные особенности индивидуума изучаются с точки зрения его готовности производить речевые поступки; создавать тексты, в которых отражается присущее ему видение мира. Поэтому персонологический подход к анализу дискурсивной деятельности переводчика охватывает важнейшие стороны последней.

2. В рамках структурного подхода к исследованию языковой личности создаются уровневые модели представления её характеристик. Отличительные признаки языковой личности формализуются на одном из трёх уровней дискурса:

экспонентном, субстанциональном или интенциональном. Такое стратумное представление отражает неоднородность и взаимодействие свойств объекта и поэтому даёт возможность системного исследования языковой личности.

3. Отличительные черты языковой личности переводчика поэтического текста выявляются путём анализа осуществлённых им преобразований оригинального произведения. Из этого следует, что формальные маркеры, обнаруживаемые путём сопоставительного исследования исходного текста и текста перевода, могут быть распределены по отдельным группам в зависимости от того, какую языковую черту личности они характеризуют.

4. Языковая черта представляет собой определённую закономерность в вербальном поведении личности, которая склонна к его реализации на одном из трёх уровней дискурса. Поэтому модель языковой личности переводчика поэтического текста может быть представлена в виде оппозиций свойственных ему языковых черт.

5. Перевод поэтического текста обладает присущей только ему спецификой в силу ряда особенностей стихотворного произведения. Его передача на язык перевода сопряжена с необходимостью воспроизведения как формальной, так и смысловой стороны подлинника. Из этого следует, что внимание к формальному аспекту подразумевает воссоздание в переводе ритмической структуры оригинала; передача смысловой стороны подлинника требует сохранения оригинальной системы тропов и образов; достижение же эквивалентного коммуникативного эффекта осложняется невозможностью передачи всех аспектов исходного поэтического произведения одновременно.

6. Семантико-синтаксический подход к изучению структурного и содержательного аспектов предложения позволяет проникнуть в суть формально-содержательных переводческих преобразований; путём сопоставления исходного и переводного текстов становится возможным установить характер осуществлённых переводчиком преобразований – операций трансформации и деформации смысловой структуры подлинника.

7. Характеристика переводческих преобразований должна учитывать центральные смысловые компоненты речений на исходном и переводном языках; поэтому она может осуществляться в рамках изменений, происходящих с ПВ в процессе перевода. Анализ в таком случае должны подвергаться компоненты, входящие в его состав: аргументы-актанты как знаковые репрезентанты участников референтных ситуаций и предикаты, выражающие свойства и отношения между аргументами.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА УРОВНЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

2.1. ЭКСПОНЕНТНЫЙ УРОВЕНЬ

2.1.1. Оппозиция ‘активность’ – ‘созерцательность’

2.1.1.1. Языковая черта ‘активность’

Перейдём к анализу случаев проявления языковой черты ‘активность’ у рассматриваемых нами переводчиков. Одним из формальных маркеров данной языковой черты, по мнению С. А. Сухих, как уже упоминалось, является употребление глагольных форм со значением категории активности.

Применительно к переводческой деятельности, употребление тех или иных глагольных форм сводится к передаче соответствующих единиц исходного текста на язык перевода. В результате межъязыкового преобразования единица в тексте перевода может оказаться активнее. Очевидно, к примеру, что передача глагольного предиката активного действия исходного текста глагольным предикатом активного действия в тексте перевода не является отдельным показателем ‘активности’, поскольку степень активности данного предикатного знака не изменилась ввиду сохранения его семантического типа. Напротив, показателем активности будем считать замену единицы текста оригинала на единицу с более выраженным значением активности в тексте перевода.

В. А. Плунгян отмечает, что по своим свойствам «предикаты образуют континуум, одним из главных организующих параметров внутри которого является признак статичности/динамичности» [Плунгян 2011: 78]. Крайнее положение в таком континууме, по мнению исследователя, занимают «стативные» предикаты, обозначающие свойства и состояния. При этом свойства рассматриваются как более стабильные чем состояния характеристики: «для последних, хотя и характерна длительность, но для них также естественно иметь начало и конец» [Плунгян 2011: 78].

Определённые части речи, согласно В. А. Плуногяну, имеют тенденцию обозначать те или иные преимущественные аспекты ситуации, а различие в их семантике имеет «градуальный» характер. Так, существительные «тяготеют к обозначению стабильных совокупностей свойств», глаголы – «к обозначению изменяющихся состояний или переходов от одного состояния к другому», а прилагательные «занимают промежуточную позицию» [Плуногян 2011: 73]. Таким образом, располагаясь между существительными, зачастую обозначающими стабильные совокупности свойств, и глаголами, обозначающими состояния или действия, прилагательные обозначают «постоянные качества (свойства) и временные состояния» [ЛЭС].

«Собственно глагольная» область, по утверждению исследователя, начинается именно с состояний. «Стативные» глаголы, обозначающие состояния, противопоставляются обширному классу динамических глаголов [Плуногян 2011: 78]. С. А. Сухих упоминает именно глагольные формы как показатель активности, поскольку они могут выступать в качестве наиболее «активного» типа предикатов в том случае, когда являются динамическими, т. е. обозначают действие.

Континуальный характер черты: предикаты

Рассмотрим теперь различного типа преобразования, свидетельствующие о проявлении у переводчиков языковой черты ‘активность’, суть которых заключается в замене менее ‘динамических’ исходных предикатов более ‘динамическими’ предикатами в текстах перевода. Назовём данный тип преобразований **движением от статичности к динамичности**. В рамках данной группы преобразований мы будем рассматривать переход предикатных знаков в категорию более ‘динамических’ без сопутствующей смены семантических ролей аргументов, в которых они выступают по отношению к предикату-сказуемому. В. В. Богданов отмечает, что один и тот же аргумент (как компонент конкретного ПВ) может выступать в различных семантических функциях по отношению к

разным предикатам в одном и том же ПВ. Данное положение объясняется на примере предложения *Я не хочу умирать*. В данном случае аргумент *я*, обозначающий одушевлённое лицо, выступает как экспериенсив по отношению к предикату *хочу*, но как пациентив в отношении предиката *умирать* [Богданов 1977: 80]. Так, при замене предиката на более динамический, одна из его семантических ролей может измениться. Однако его основная семантическая функция, определяемая предикатом-сказуемым, всегда будет оставаться неизменной. В результате анализа практического материала выяснилось, что изменение степени статичности/динамичности предиката, играющего в предикатном выражении организующую роль, всегда влечёт изменение семантических функций участников ситуации. Описание этой группы преобразований будет представлено отдельно.

Рассмотрим примеры движения от статичности к динамичности в рамках адъективных и глагольных предикатов. Изменение характера предикатов-существительных будем рассматривать в рамках другой группы замен, поскольку С. А. Сухих относит предпочтение предикативных единиц номинативным к отдельной категории формальных маркеров [Сухих 1998: 111].

Рассмотрение движения от статичности к динамичности начнём с замен на более 'динамичный' тип наиболее 'статичного' типа предикатов – адъективного предиката, обозначающего постоянные свойства. При этом будем разграничивать действие и воздействие на основании разделения, осуществлённого нами ранее.

А. Замена адъективного предиката свойства на адъективированный предикат-причастие окачествленного действия как свойства: 1) *the icy earth swung blind* – *ослепшая земля* <...> *металась* [С. А. Степанов]; 2) *the icy earth swung* – *замерзшая земля кружилась* [М. А. Зенкевич].

Причастие представляет собой нефинитную форму глагола, которая «обозначает признак имени, связанный с действием» и совмещает в себе «свойства глагола и прилагательного» [ЛЭС]. Данная точка зрения высказывалась и В. А. Богородицким, который указывал на «посредствующее положение»

причастия между глаголом и именем прилагательным [Богородицкий 1935: 104–105]. В. В. Виноградов отмечал, что в причастии «глагольность выражается как окачественное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного» [Виноградов 1972: 221]. И. К. Сазонова выделяет у причастия стативные, адъективные и глагольные значения, причём стативные и адъективные значения «не выходят за рамки глагольной семантической зоны» [Сазонова 1989: 9–11]. Таким образом, предикат-причастие занимает промежуточное положение между адъективными предикатами-прилагательными и глагольными предикатами на шкале ‘статичность/динамичность’, поскольку обладает как стативным значением (что сближает его с прилагательным), так и динамическим глагольным значением (сближающим его с глаголом).

Причастие может адъективироваться – «утратить глагольные признаки (время, залог и вид)» [Борисоглебская 1998: 213]. Процесс адъективации причастий, по мнению М. Д. Степановой, «не связан с морфологическими или функциональными изменениями слова и должен рассматриваться как процесс семантический» [Степанова 1953: 168]. Таким образом, факт утраты причастием некоторых глагольных признаков сопровождается изменением семантики, суть которого, по нашему мнению, состоит в смещении значения данной единицы в сторону более ‘статичного’ по сравнению с собственно причастием, что происходит по причине утраты динамического глагольного значения.

Далее рассмотрим переход адъективного предиката свойства в собственно причастие-предикат окачественного воздействия как свойства.

Б. Замена адъективного предиката свойства на нематричный предикат в виде причастного оборота с предикатом-причастием окачественного воздействия как свойства в его составе: *a fearful hope* – *одна надежда, смешанная со страхом* [О. М. Сомов]. Данный пример иллюстрирует замену адъективного предиката свойства *fearful* (‘робкая, исполненная страха’) на нематричный предикат, выраженный причастным оборотом со страдательным предикатом-причастием свойства *смешанная*, которое образовано от глагольного предиката

смешивать и существительным-предикатом *страх*, в котором заключена основная сема исходного предиката.

Следующий тип замен представляет собой переход от адъективного предиката свойства к предикату-деепричастию состояния.

В. Замена адъективного предиката свойства на предикат-деепричастие состояния: *the brutes <...> tremulous* – *хищники, дрожа* [С. А. Степанов].

Деепричастие понимается как «неизменяемая форма глагола, обозначающая действие (состояние, отношение) как сопутствующий признак другого действия (состояния, отношения)» [СЛТ]. Оно зачастую рассматривается как гибридная наречно-глагольная категория [Виноградов 1972: 308] или как часть речи, в которой равноправны глагольность и значение наречия [Пешковский 2001: 128]. Свойство деепричастия обозначать состояние, действие или воздействие сближает предикат-деепричастие с глагольным предикатом в отношении ‘статичность/динамичность’.

Ниже мы рассмотрим сначала случаи замен предикатов-деепричастий, а затем и глагольных предикатов на более ‘динамические’. Отметим, что характеристика ‘статичность/динамичность’ зависит, в первую очередь, от значения, которое данный предикат выражает (значение свойства, состояния, действия или воздействия). Следовательно, глагольный предикат состояния будет выступать как менее ‘динамический’ в сравнении с предикатом-деепричастием действия или воздействия.

Г. Замена адъективного предиката свойства на предикат-деепричастие воздействия: *vipers crawl'd and twin'd themselves among the multitude, hissing, but stingless* – *they were slain for food* – *гадюки ползали у ног толпы, шипели, извиваясь, не кусая, их убивали люди и съедали* [М. А. Зенкевич].

Д. Замена адъективного предиката свойства на нематричный предикат в виде деепричастного оборота с предикатом-деепричастием воздействия в его составе: *vipers <...> twin'd themselves <...> stingless* – *аспиды <...> свивались <...> не жала никого* [С. А. Степанов]. В предыдущих примерах мы

рассматривали одиночные деепричастия без зависимых слов. Здесь перед нами деепричастный оборот с предикатом-деепричастием воздействия, которое образовано от глагола *жалить*.

Е. Замена адъективного предиката свойства на глагольный предикат воздействия: *vipers <...> stingless – ехидны <...> не трогали* (людей) [А. П. Милюков].

Далее рассмотрим замены адъективированного причастия-предиката окачествленного состояния (а затем и действия) как свойства, который обладает несколько более выраженным, по сравнению с адъективным предикатом свойства, значением динамичности в силу его «глагольного» происхождения.

Ж. Замена адъективированного причастия-предиката окачествленного состояния как свойства на глагольный предикат действия: *the stars did wander darkling – звёзды <...> померкли и <...> скитались* [А. П. Милюков]. Адъективированное причастие-предикат окачествленного состояния как свойства *darkling* ('темнеющие'), образованное от глагольного предиката состояния *to darkle* ('чернеться'), заменено на глагольный предикат действия *померкли*.

З. Замена адъективированного причастия-предиката окачествленного действия как свойства на глагольный предикат действия: *vipers crawl'd <...> hissing – гадюки ползали <...> шипели* [М. А. Зенкевич]. Адъективированное причастие-предикат окачествленного действия как свойства *hissing* ('шипящие'), образованное от глагольного предиката действия *to hiss* ('шипеть'), заменено на глагольный предикат действия *шипели*.

Следующим в градации предикатов в отношении 'статичность/динамичность' выступает собственно причастие-предикат окачествленного состояния как свойства.

И. Замена предиката-причастия окачествленного состояния как свойства в составе причастного оборота на глагольный предикат состояния: *they died, unknowing who he was – мёртвыми упали <...>, хотя они не знали – чьё лицо* [М. А. Зенкевич].

К. Замена предиката-причастия окачественного состояния как свойства в составе причастного оборота на глагольный предикат действия: *they died, unknowing who he was – и умерли. <...> они друг друга не узнали* [А. П. Милуков].

Таким образом, движение от статичности к динамичности можно проследить на примерах смены семантического типа предиката на более ‘динамический’, что может происходить, как было показано выше, внутри одной частеречной категории. С. А. Сухих отмечает, что употребление стальных предикатов (предикатов состояния или свойства) является показателем языковой черты ‘созерцательность’ [Сухих 1998: 111]. Следовательно, о противоположной ей языковой черте ‘активность’ сигнализирует замена свойства на состояние, действие или воздействие, а также замена состояния на действие или воздействие. Таким образом, наиболее ‘статичным’ из рассмотренных типов предикатов является адъективный предикат свойства, выраженный прилагательным. Наиболее ‘динамическими’, соответственно, предикат-деепричастие и глагольный предикат, обозначающие действие или воздействие.

С. А. Сухих к числу показателей языковой черты ‘активность’ также относит предпочтение предикативных единиц номинативным. Данное предпочтение, по нашему мнению, выражается в замене единицы с более выраженным номинативным характером на единицу с более явным предикативным характером. Под номинативной функцией слова понимается «предназначенность слова для называния (именования) предметов, явлений, их свойств и отношений» [СЛТ]. Исходя из данного определения, номинативной функцией обладают как непредикатные, так и предикатные знаки, поскольку первые обозначают предметы (вещи), а вторые – явления, свойства и отношения.

Считаем, однако, что предикативность как свойство языкового знака имеет градуальный характер. Значение предикативности отсутствует в непредикатных знаках, обозначающих вещи. Такие знаки могут выражаться только именем существительным или субстантивным местоимением [Богданов 1977: 32].

Противопоставление в системе номинативных средств языковых единиц, приспособленных к идентификации элементов действительности (непредикаты) и к сообщению об их признаках (предикаты) находим и в определениях данных типов знаков в Лингвистическом энциклопедическом словаре. Имя (или непредикатный знак в противопоставление предикатному) «это слово или словосочетание, именуемое субстанцию», а предикат – «это сообщение о свойствах субстанции» [ЛЭС: 336, 394]. В существительных-предикатах значение предикативности присутствует, по нашему мнению, в меньшей степени, поскольку их основной функцией является функция номинации – именованья предметов, а не выражения свойств или отношений между ними, что присуще всем остальным предикатам [Богданов 1977: 30]. О доминирующей номинативной функции существительного можно судить исходя из его определения: «существительное – часть речи, обозначающая предмет и выражающая значение предметности в формах рода, числа и падежа» [ТСО].

Группа преобразований, суть которых заключается в предпочтении знака с более выраженным предикативным характером исходному знаку с доминирующей номинативной функцией, представлена заменами, которые рассматриваются ниже.

А. Замена существительного-непредиката на существительное-предикат свойства: *the dropping dead lur'd their lank jaws* – *иль новый их алчности не представлялся труп* [М. П. Вронченко].

Б. Замена существительного-непредиката на существительное-предикат действия: 1) *lifted up their eyes* – *подъяли <...> взор* [М. П. Вронченко]; 2) *lifted up their eyes* – *обратили взор* [А. П. Милюков].

В. Замена существительного-предиката на глагольный предикат воздействия: 1) *which answer'd not with a caress* – *немогиую уже ласкать его* [О. М. Сомов] (существительное-предикат свойства); 2) *they were slain for food* – *их, убивая, поедали люди* [М. П. Вронченко] (существительное-предикат свойства); 3) *they were slain for food* – *их убивали люди и съедали* [М. А. Зенкевич];

4) *without a surge* – *не колебали* [О. М. Сомов] (существительное-предикат действия).

С. А. Сухих в качестве формального маркера активности выделяет также употребление конструкций со значением динамичности. Ранее мы рассмотрели изменение характера отдельной единицы в сторону смены её значения на более ‘динамическое’ в переводе, а также предпочтение предикативных единиц номинативным. Теперь рассмотрим изменение характера целой ситуации, которое, как будет показано далее, всегда будет сопровождаться изменениями в наборе аргументов и/или их семантических функций, а также изменением семантики предиката-сказуемого и опциональной смене его предикатного типа (в отношении значений состояния, действия или воздействия). Поскольку в рамках исследования мы обращаемся к глубинному уровню, движение в сторону активности будем рассматривать не в рамках ‘конструкций’, под которыми С. А. Сухих, по всей видимости, подразумевает конструкции синтаксические, а в рамках ситуаций.

Обращение С. А. Сухих именно к поверхностному (экспонентному) уровню в этом отношении прослеживается в его выборе в качестве формального маркера ‘созерцательности’ фактов употребления пассивных конструкций. В рамках данного исследования, вслед за В. А. Плунгяном мы будем рассматривать категорию залога как семантически «пустую»: «залоговые преобразования изменяют прагматическую интерпретацию ситуации, но никогда не затрагивают её собственно семантическую интерпретацию. Состав участников ситуации и их семантические роли при переходе от активного к любому другому производному залогоу остаются неизменными, причём это верно для залоговой системы любого типа» [Плунгян 2011: 204].

Изменение ситуации, в результате которого она преобразуется в новую ситуацию с сопутствующим изменением состава аргументов и/или их семантических функций, обозначается в лингвистике термином ‘актантная деривация’ [Плунгян 2011: 202]. В зависимости от характера изменения актантной

структуры ситуации, актантная деривация бывает трёх типов: повышающий тип (с добавлением нового участника), понижающий тип (с устранением исходного участника) и интерпретирующий тип (с изменением семантической роли участника) [Плунгян 2011: 202–213].

Как будет показано ниже, в случае с межъязыковым преобразованием исходной ситуации, встречается как «чистый» тип, который проявляется только в добавлении или устранении участника ситуации либо в изменении семантической функции последнего, так и «смешанные» типы, суть которых заключается в сочетаемости добавления/устранения участника ситуации и изменении его семантической роли.

Стоит отметить, что актант в концепции В. В. Богданова, выбранной нами в качестве теоретической базы исследования, рассматривается как компонент синтаксической структуры, которому на уровне семантической структуры соответствует аргумент [Богданов 1977: 96]. С целью соблюдения терминологического единообразия вместо термина ‘актантная деривация’ будем использовать формулировку ‘изменение состава аргументов’. Понятие ‘состав’ будет рассматриваться нами в широком смысле и, следовательно, отражать как количество аргументов, так и их качественную характеристику.

Общие соображения об аргументной репрезентации черты

Анализ определений семантических функций аргументов, представленных в концепции В. В. Богданова, позволил распределить их на группы в соответствии с их отнесённостью к активным, псевдо-активным, пассивным или созерцательным участникам ситуации. Активный аргумент, являющийся необходимым участником активной ситуации, понимается нами как производитель действия или воздействия. Это исходит из самого определения активности, которая понимается как «активная, энергичная деятельность» [ТСУ]. В активной ситуации с предикатом-сказуемым ненаправленного действия единственным необходимым

участником является активный аргумент. В активной ситуации с предикатом-сказуемым направленного воздействия помимо активного воздействующего аргумента обязательно должен присутствовать объект воздействия, который мы будем называть пассивным участником ситуации. Прилагательное 'пассивный' в данном случае будет иметь следующее значение: «определяющий состояние предмета, на который направлено действие; обусловленный деятельностью другого; в противоположность активному, то есть деятельному» [ПСИС].

Псевдо-активным аргументом мы будем называть участника псевдо-активной ситуации, который является объектом действия или воздействующим объектом.

Аргумент, который пребывает в определённом состоянии или является носителем какого-либо свойства, будет управляться статальным предикатом и выступать в качестве неотъемлемого участника созерцательной ситуации. Будем называть соответствующие семантические роли 'созерцательными'. Аргументы данных семантических ролей будут рассматриваться именно как 'созерцательные', а не 'пассивные', поскольку они не являются объектами воздействия активного аргумента. Отметим, что в качестве участника созерцательной ситуации помимо обязательного 'созерцательного' аргумента может выступать и 'пассивный' аргумент в функции 'перцептив', то есть объект, который воспринимается созерцательным аргументом.

Рассмотрим, какие семантические функции будут получать активные, псевдо-активные и пассивные участники в динамичных ситуациях, а также участники статичных ситуаций. Кроме того, считаем возможным последующее разделение некоторых из представленных семантических функций на подвиды в зависимости от характера организующего ПВ предиката-сказуемого³.

1. Активные аргументы (являются источниками активного действия или воздействия в активных ситуациях):

---

³ Представленное ниже распределение семантических ролей аргументов на группы по критериям 'активность' / 'псевдо-активность' / 'пассивность' / 'созерцательность' базируется на концепции В. В. Богданова [1977].

а) агентив или элементив как производители действия, не имеющего направленности: *Я бегу. / Солнце встаёт.*

б) агентив или элементив как производители воздействия, направленного на объект: *Я подвинул шкаф. / Солнце сожгло пшеницу.*

2. Псевдо-активные аргументы (являются объектами действия или воздействующими объектами в псевдо-активных ситуациях):

а) псевдо-активный пациентив или объектив как объекты действия, выполняющегося в силу внешнего движущего фактора: *Я упал (неинтенциональное действие). / Костёр погас.*

б) псевдо-активный пациентив, объектив, инструментатив или медиатив как воздействующие объекты: *Камень упал на строителя. / Мальчик упал на товарища (неинтенциональное действие). / Ключ открыл дверь. / Занавеска закрыла окно.*

Характер активности данных аргументов отличается от активности, свойственной активным деятелям. Если обратиться к Толковому переводоведческому словарю Л. Л. Нелюбина, мы найдём следующее определение субъекта действия: «предмет, совершающий или вызывающий действие» [ТПС: 217]. Аргументы, входящие в силу присваиваемой им семантической роли в группу активных деятелей, могут совершать действие самостоятельно и «вызывать» действие, которое выполняется другим аргументом: *Я читаю книгу. / Я заставил его прочитать книгу.* Аргументы псевдо-активной группы, в свою очередь, не могут в силу своих семантических ролей совершать или вызывать действие, но они, тем не менее, являются участниками динамичной ситуации, поскольку организующим предикатом в репрезентирующем её предикатном выражении является предикат действия. Как отмечалось ранее, С. А. Сухих относит предпочтение конструкций со значением динамичности (а не статичности), активности (а не пассивности) к показателям языковой черты 'активность'. Псевдо-активные ситуации не являются собственно активными, но при этом они динамичные. Следовательно, переход от статичной созерцательной

ситуации к динамичной псевдо-активной ситуации будет свидетельствовать об активности.

2. Пассивные аргументы (объекты воздействия).

а) инструментатив и медиатив как объекты воздействия, посредством которых активный участник ситуации воздействует на конечный объект: *Я открыл дверь **ключом**. / Я укрыл его **одеялом**.*

б) пациентив и объектив как объекты воздействия: *Начальник уволил **работника**. / Машина сбила **столб**.*

Как отмечалось ранее, объектив и пациентив в некоторых активных ситуациях могут выступать как объекты действия (а не воздействия) в том случае, когда они не подвергаются какому-либо изменению: *Я ищу **книгу** (**учителя**).*

в) бенефициатив как объект воздействия, получающий в его результате пользу или ущерб: *Я дал **мальчику** конфету.*

г) результатив как объект воздействия, по завершении которого он претерпевает смену состояния: *Я построил **дом**.*

В качестве исключения выступает аргумент в семантической роли 'перцептив', который может являться как объектом действия со стороны активного аргумента, так и объектом состояния созерцательного аргумента.

д) перцептив как объект действия или состояния:

*Я смотрю на **мальчика** (**стол**). / Я вижу **мальчика** (**стол**).*

Вышеупомянутые аргументы, которым присваиваются определённые семантические роли, выступают как участники активных или псевдо-активных ситуаций (за исключением перцептива как объекта состояния). Предикативным центром таких ситуаций является глагольный предикат действия или воздействия в функции сказуемого. Активный участник такой ситуации – субъект действия или воздействия, пассивный – его объект. Однако ситуации могут быть не только активного, но и созерцательного характера. В качестве организующего центра смысловой структуры, соответствующей такого рода ситуациям, должен выступать стательный предикат – предикат свойства или состояния. Аргумент как

носитель свойства или объект состояния не является ни субъектом активного действия или воздействия, ни пассивным объектом воздействия. Таким образом, его нельзя охарактеризовать в рамках оппозиции ‘активность’ – ‘пассивность’. Данная оппозиция работает только для активных ситуаций.

Ниже рассмотрим семантические роли аргументов, являющихся необходимыми участниками созерцательной ситуации. Данный тип аргументов будем называть ‘созерцательными’.

3. Аргументы, пребывающие в определённом состоянии или характеризующиеся каким-либо свойством.

а) пациентив, объектив и экспериенсив как объекты состояния: *Я лежу.* / *Камень лежит.* / *Я слышу.*

б) дескриптив как носитель свойства: *Мальчик смелый.*

Будем причислять ситуации с бенефициативом именно к созерцательным по причине того, что предложение с адъективным предикатом, выражающим качество (свойство) аргумента, в целом выражает состояние [Tesnière 1959: 170–171].

Ситуация считается активной, если в ней присутствует активный аргумент (в случае с ненаправленным действием) либо активный аргумент и объект (в случае с направленным воздействием). В псевдо-активной ситуации с предикатом действия обязательно должен присутствовать не-инициирующий его объект, в псевдо-активной ситуации с предикатом воздействия – псевдо-активный воздействующий объект и объект воздействия. В созерцательной ситуации обязательно должен присутствовать аргумент, пребывающий в каком-либо состоянии или характеризующийся каким-либо свойством, а также объект состояния в ситуации с перцептивом. Однако существуют аргументы таких семантических ролей, которые никак не влияют на характер ситуации. Эта группа аргументов также лежит вне оппозиции ‘активность’ – ‘пассивность’. Кроме того, они не пребывают в определённом состоянии и не являются носителями какого-либо свойства.

4. Аргументы, не являющиеся активными, псевдо-активными или созерцательными участниками ситуации.

1) Ономасиатив, локатив и композитив: *Его зовут Шариком. / Я еду в Москву. / Этот браслет выполнен из стали.*

Согласно В.В. Богданову, в качестве участника ситуации может выступать только непредикатный знак, обозначающий вещь в собственном смысле этого слова [Богданов 1977: 35]. По нашему мнению, в качестве аргументов ПВ, представленных в рассматриваемых поэтических текстах, могут выступать и предикатные знаки. Зачастую, это связано с употреблением приёма олицетворения и соответствующим изменением значения языковой единицы, в семантической структуре которой появляется сема 'одушевлённость'. Данная сема является одной из необходимых в составе семантической структуры одушевлённого аргумента [Богданов 1977: 60]. Аргументы, представляющие собой предикатные знаки, будем называть 'предикатными'. Это, по нашему мнению, соответствует учёту принципа онтологической транспозиции ('овеществления' предиката) при сохранении функционального подобия предикатных аргументов непредикатным (роль участника ситуации).

О возможности рассмотрения предикатов как непредикатных знаков (аргументов) упоминал и сам В. В. Богданов, указывая на целесообразность выбора наиболее удобного способа представления предикатных слов в семантической структуре предложения [Богданов 1977: 34].

Более того, мы считаем, что семантические функции 'локатив', 'ономасиатив' и 'компози́тив' в концепции исследователя не являются вещами в собственном смысле этого слова, а, следовательно, не являются и непредикатными знаками. Так, аргумент в функции 'локатив', называющий место, обозначает, если исходить из определения понятия 'место': «пространство, которое занято или может быть занято кем-либо или чем-либо» [ТСУ]. Пространство само по себе не является вещью, а только потенциальнымместилищем материальных объектов либо их комбинацией. Например, локатив

комната является комбинацией физических объектов, её составляющих (стены, потолок, пол), а также потенциальнымместилищем для различных предметов быта. Аргумент ‘ономасиатив’ как кличка не является вещью, а только называет её. Семантическая роль ‘компози́тив’ как материал или вещество, из которого состоит предмет, также называет не саму вещь, а лишь субстанцию, из которой она состоит. Вещь, согласно Аристотелю, это единство материи и формы [King 1956]. Следовательно, материал или вещество – это ещё не вещь.

Транспозиция аргументов при переводе

Теперь на конкретных примерах рассмотрим, как аргументы исходных ситуаций получают в переводе иные семантические роли и, вследствие характера данного изменения, сигнализируют о проявлении у конкретного переводчика языковой черты ‘активность’ или ‘созерцательность’.

Языковая черта ‘активность’ проявляется, таким образом, в случаях замены исходной ‘созерцательной’ ситуации с организующим её предикатом состояния или свойства на ‘псевдо-активную’ или ‘активную’ ситуацию с предикатом-сказуемым действия или воздействия. Кроме того, ‘активность’ также прослеживается, по нашему мнению, в случаях смены исходной семантической роли аргумента с ‘пассивной’ на ‘активную’ без изменения типа ситуации, а также при добавлении ‘активной’ или ‘псевдо-активной’ ситуации в текст перевода или опущении созерцательной ситуации. Рассмотрим данные преобразования по порядку.

1. Замена созерцательной ситуации на псевдо-активную

Суть преобразований такого рода заключается в замене исходной ситуации с организующим её предикатом состояния или свойства и аргументом ‘созерцательной’ семантической роли на псевдо-активную ситуацию.

Отметим, что количество аргументов результирующей ситуации может отличаться от количества аргументов исходной ситуации. При системном

характере такого изменения впоследствии будем выделять отдельные группы преобразований на основании данного критерия. Рассмотрим отдельные типы преобразований внутри категории замен созерцательной ситуации на псевдо-активную.

1.1. Замена семантической роли исходного ‘созерцательного’ аргумента на ‘псевдо-активную’ с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

А. Замена дескриптива псевдо-активным объективом: 1) *all was black* – *всё* <...> *погрузилось во мрак* [М. П. Вронченко]. В данном случае предикатный дескриптив *all* (‘*всё*’) в переводе заменяется предикатным псевдо-активным объективом *всё*; 2) *the world was void* – *мир опустел* [А. П. Милуков]. В исходной ситуации предикатный дескриптив *the world* (‘*мир*’) выступает как носитель свойства, выраженного адъективным предикатом *void* (‘*пустой*’). В переводе аргумент *мир* выступает в роли предикатного объекта как не-инициирующего участника псевдо-активной ситуации.

Б. Замена дескриптива псевдо-активным пациентивом: 1) *and War, which for a moment was no more* – *и брань, на миг умолкшая* [М. П. Вронченко]; 2) *the waves were dead* – *уснули волны* [М. А. Зенкевич].

Данный тип замен схож с заменой, представленной выше. Разница состоит лишь в том, что в качестве ‘псевдо-активного’ аргумента в тексте перевода выступает образный предикатный пациентив. В силу применения переводчиком приёма олицетворения данному аргументу присваивается сема ‘одушевлённость’, что позволяет рассматривать его как пациентив. Вслед за Г. Н. Скляревской будем рассматривать олицетворение как отдельный вид метафоры [Скляревская 1993: 37], а аргументы такого рода называть образными.

В. Замена пациентива как объекта состояния псевдо-активным пациентивом: *they slept* – *гибли корабли* [М. А. Зенкевич]. В исходной ситуации пациентив *they* (‘они’) пребывает в состоянии *to sleep* (‘спать’), которое выражено глагольным предикатом *slept* (‘спали’). В переводе соответствующий

оригинальному пациентив *корабли* выступает в роли псевдо-активного пациентива.

Г. Замена пациентива как объекта состояния псевдо-активным объективом: *they slept on the abyss – останки мачт* <...> *шли ко дну* [С. А. Степанов]. Данный тип замен аналогичен предыдущему за тем лишь исключением, что аргумент в переводе теперь неодушевлённый.

1.2. Замена семантической роли исходного ‘созерцательного’ аргумента на ‘псевдо-активную’ с увеличением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

А. Замена дескриптива псевдо-активным объективом: 1) *all was black – всё* <...> *погрузилось во мрак* [О. М. Сомов]. Предикатному дескриптиву *all* (‘всё’) как носителю свойства, которое выражено адъективным предикатом *black* (‘чёрное’), в переводе соответствует аргумент *всё* в роли псевдо-активного объектива. Кроме того, происходит добавление локатива *во мрак*; 2) *the world was void – мир соделался* <...> *запустением* [О. М. Сомов]. В данном случае предикатный дескриптив *the world* (‘мир’) заменяется предикатным псевдо-активным объективом *мир*.

Созерцательная ситуация оригинального текста также может быть изменена на псевдо-активную путём присвоения исходному аргументу в локативе псевдо-активной семантической роли. Данный тип преобразования мы выделяем в особую группу, поскольку, как указывалось ранее, мы не относим локатив к ‘активной’, ‘псевдо-активной’, ‘пассивной’ или ‘созерцательной’ семантической функции.

1.3. Замена семантической роли исходного аргумента на ‘псевдо-активную’ с уменьшением количества аргументов («смешанный» тип):

Замена локатива псевдо-активным объективом: 1) *they did live by watchfires – зажглись огни повсюду* [М. П. Вронченко]; 2) *they did live by watchfires – пожары вспыхнули* [А. П. Милюков]. Локативу *by watchfires* (‘у сигнальных

костров’) в примере 1 соответствует предикатный объектив *огни*, в примере 2 – предикатный объектив *пожары*.

2. Замена созерцательной ситуации на активную

Данный тип преобразований отличается от предыдущего тем, что в результирующей ситуации сказуемое-предикат выражено глагольным предикатом активного действия или воздействия. Как результат – наличие в ситуации перевода активного аргумента: агентива или элементива.

2.1. Замена семантической роли исходного ‘созерцательного’ аргумента на ‘активную’ с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

А. Замена объектива как объекта состояния на агентив: 1) *the rivers* <...>, *ocean* <...> *stood still* – *реки, океан* – *замолкли* [М. П. Вронченко]. В данной ситуации аргументы *rivers* (‘реки’) и *ocean* (‘океан’) в объективе пребывают в состоянии *to stand still* (‘быть неподвижным’). В переводе вследствие применения олицетворения аргументы стали активными производителями действия *замолкнуть*. Следовательно, им необходимо присвоить семантическую функцию ‘агентив’.

Аналогичное по своей сути преобразование обнаруживаем и в переводе А. П. Милюкова. Отметим, что исходному предикатному объективу *the tides* (‘приливы и отливы’) в переводе соответствуют два отдельных слова в идентичной семантической роли ‘предикатный образный агентив’: *приливы* и *отливы*. Значение, заключённое в одной языковой единице оригинала, передаётся двумя словами в силу осуществления переводчиком приёма семантического перераспределения.

2) *the tides were in their grave* – *успокоились приливы и отливы* [А. П. Милюков].

Б. Замена пациентива как объекта состояния на агентив: *the tides were in their grave* – *в гроб легли приливы* [М. П. Вронченко]. Предикатному образному пациентиву *the tides* (‘приливы и отливы’) как объекту, пребывающему в

состоянии *to be in* <...> *grave* ('быть в могиле') в переводе соответствует предикатный образный агентив *приливы*, выполнивший действие *лечь*.

В. Замена дескриптива на агентив: *all was black* – *мрак не отступал* [С. А. Степанов]. Исходный предикатный дескриптив *all* ('всё') заменяется в ситуации перевода предикатным образным агентивом *мрак*.

Г. Замена пациентива как объекта состояния на нулевой агентив: *they did live by watchfires* – *разводили огни* [О. М. Сомов].

Пациентив *they* ('они') пребывает в состоянии, выраженном глагольным предикатом *to live* ('жить'). В исходной семантической структуре присутствует также локатив *by watchfires* ('у сигнальных костров'). В переводе аргумент *they* получает роль агентива, но не представлен в поверхностной структуре, поэтому является «нулевым» (ср.: [Плунгян 2011: 218]). Данный аргумент выполняет воздействие *разводить*, направленное на объектив *огни*.

Отметим, что аргументу *they* в исходной ситуации мы приписываем семантическую роль 'пациентив', а не 'экспериенсив', хотя он и пребывает в некотором состоянии. Значение термина 'экспериенсив', образованного от глагола 'to experience' («чувствовать, испытывать»), нам позволяет уточнить определение данного слова из Cambridge Dictionary: «If you experience something, it happens to you, or you **feel** it» [Camb.]. Таким образом, состояние, в котором пребывает экспериенсив, всегда связано с каким-либо ощущением. Это подтверждается и примерами употребления аргумента в экспериенсиве в следующих предложениях: «*Но чувствовали* ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело», «*Haben Sie den Gendarm gesehen*» [Богданов 1977: 53]. Пациентив же, используя формулировку В.В. Богданова, выступает в данной ситуации как «объект состояния» [Богданов 1977: 52].

2.2. Замена семантической роли исходного 'созерцательного' аргумента на 'активную' с уменьшением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

А. Замена объектива как объекта состояния на агентив: *the brows of men* <...> *wore an unearthly aspect* – *чудовищные* *мне* <...> *ложались на чело*

[С. А. Степанов]. Предикатный объектив *aspect* ('вид') заменяется предикатным образным агентивом *тени*.

Б. Замена пациентива как объекта состояния на агентив: *the tides were in their grave* – замерли **приливы** [М. А. Зенкевич]. В данном случае осуществляется замена исходного предикатного образного пациентива *the tides* ('приливы и отливы') на предикатный образный агентив *приливы*.

Ранее мы рассматривали виды замен аргумента 'созерцательной' семантической роли на 'активный' или 'псевдо-активный' аргумент. Однако результирующая ситуация может быть преобразована в активную и путём замены исходного предиката, который не является аргументом, на активного участника ситуации.

2.3. Замена исходного предиката, не являющегося аргументом, на 'активный' аргумент без изменения семантической роли исходного 'пассивного' аргумента.

А. Замена сирконстанта причины на агентив: *the brows of men by the despairing light wore an unearthly aspect* – **отчаянье** <...> лица <...> **искажало** [А. П. Милюков]. В переводе А. П. Милюкова, аргумент *отчаянье* в функции предикатного образного агентива *искажает лица*.

Б. Замена сирконстанта причины на элементив: *the brows of men by the despairing light wore an unearthly aspect* – **умирающее пламя** <...> **придавало им вид необыкновенный** [О. М. Сомов]. Сирконстанту причины *by the despairing light* ('при свете, вводящем в отчаянье') в переводе соответствует предикатный элементив *пламя*, выполняющий воздействие *придавать вид* на объектив *им*. Данный сирконстант рассматривается как причина в силу того, что в исходной ситуации 'лица людей' имели 'жуткий вид' именно по причине нахождения 'у вводящего в отчаянье света'.

Исходная ситуация может получить активный характер в тексте перевода путём добавления в неё активного аргумента. При этом семантическая роль

исходного созерцательного аргумента также изменяется – он становится объектом воздействия активного участника ситуации.

2.4. Добавление ‘активного’ аргумента со сменой семантической роли исходного ‘созерцательного’ аргумента («смешанный» тип).

А. Добавление нулевого агента в результирующую ситуацию: *their bones were tombless* – *их не хоронили* [М. А. Зенкевич]. В ситуацию перевода добавлен нулевой агент, выполняющий воздействие, выраженное глагольным предикатом *хоронить*. Исходный аргумент *bones* (‘кости’) в дескриптиве в переводе представлен личным местоимением *их*. Он получает семантическую функцию ‘объектив как объект воздействия’.

Б. Добавление агента в результирующую ситуацию: *their bones were tombless* – *но трупов не закапывал никто* [С. А. Степанов]. Дескриптив *bones* в оригинале является носителем свойства, которое выражено адъективным предикатом *tombless* (‘без могил’), в переводе данному аргументу соответствует объектив *трупы*, являющийся объектом воздействия, которое выражено глагольным предикатом *закапывать* и выполнено агентивом *никто*. Кроме повышающего аспекта в виде добавление агента, присутствует и аспект интерпретации в виде смены семантической функции аргумента *bones* с дескриптива на объектив.

3. Замена псевдо-активной ситуации на активную

Данный тип преобразований представляет собой не замену статичной ситуации на динамичную (замену созерцательной ситуации на псевдо-активную или активную), а замену динамичной псевдо-активной ситуации на динамичную активную ситуацию.

3.1. Замена псевдо-активной семантической роли исходного аргумента на ‘активную’ с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

А. Замена псевдо-активного объектива агентивом: *the flashes fell upon them* – *вспышки* <...> *ужасный вид всем лицам придавали* [М. А. Зенкевич]. Предикатный псевдо-активный объектив *the flashes* (‘вспышки’) в исходной

ситуации сочетается с предикатом воздействия *to fall upon* ('падать на'), которое направлено на пациентив *they* ('они'). В ситуации перевода аргумент *вспышки* выступает в роли образного предикатного агентива, поскольку является активным участником ситуации, осуществляющим воздействие *придавать вид*, которое направлено на объектив *лица*.

3.2. Замена псевдо-активной семантической роли исходного аргумента на 'активную' с увеличением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

А. Замена псевдо-активного пациентива на агентив: *the wildest brutes came tame and tremulous* – *звери* дикие покинули леса [А. П. Милюков]. Пациентив *brutes* ('звери') в оригинале претерпевает смену состояния, которая выражена глагольным предикатом *to come* ('становиться'). В переводе указанный пациентив получает семантическую функцию агентива и выполняет действие *покидать*. Кроме того, изменение семантики предиката-сказуемого позволяет присоединить к нему ещё один аргумент, что и происходит в переводе – добавляется локатив *леса*.

Схожее преобразование состава аргументов с изменением семантики предиката-сказуемого обнаруживаем у С. А. Степанова на примере перевода той же ситуации. Разница лишь в том, что вместо локатива добавляется аргумент *люди* в пациентиве: *the <...> brutes came tame and tremulous* – *хищники*, дрожа, бежали к людям [С. А. Степанов].

3.3. Замена исходного предиката не являющегося аргументом на 'активный' аргумент без изменения семантической роли исходного аргумента.

А. Замена существительного-предиката состояния агентивом:

1) *men forgot their passions in the dread* – в людях ужас заглушил все страсти [М. П. Вронченко]. Исходному пациентиву *men* ('люди') в переводе соответствует пациентив *в людях*. Предикатному перцептиву *passions* ('страсти') соответствует предикатный объектив *страсти*. Существительное-предикат состояния *in the dread* ('в ужасе'), в котором пребывает пациентив, в переводе заменяется предикатным образным агентивом *ужас*, выполнившим воздействие

заглушить на предикатный объектив *страсти*, который относится к пациентиву *люди*. В оригинале глагольный предикат относится к классу ‘действие’.

2) Такой же характер изменения состава аргументов рассматриваемой ситуации обнаруживаем и в переводе А. П. Милюкова: *men forgot their passions in the dread* – *тревога* отчаяньем наполнила сердца людей [А. П. Милюков]. В переводе предикату состояния *in the dread* (‘в ужасе’) соответствует предикатный образный агентив *тревога*, осуществляющий воздействие *наполнять отчаяньем* на объектив *сердца*, который является частью пациентива *люди*.

Б. Замена сирконстанта причины агентивом:

1) *of their mutual hideousness they died* – *обоих* умертвило *омерзенье* [С. А. Степанов]. Сирконстанту причины *of their mutual hideousness* (‘из-за их взаимного безобразия’) в переводе соответствует предикатный образный агентив *омерзенье*, который осуществляет воздействие *умертвлять* на пациентив *оба*. В оригинале псевдо-активный пациентив *they* (‘они’) является аргументом предиката действия *to die* (‘умирать’). Причина данного действия выражается указанным сирконстантом. В переводе, с другой стороны, причина воздействия агентивна.

2) Наблюдаем данный тип преобразования состава аргументов и в переводе А. П. Милюкова: *of their mutual hideousness they died* – *их взгляд* свирепый умертвил [А. П. Милюков].

3) Аналогичное преобразование прослеживается и у М. П. Вронченко, однако, здесь также передаётся и смысл, заключённый в адъективном предикате свойства *mutual* (‘взаимное’) при существительном-предикате *hideousness* (‘безобразие’). Как следствие, в смысловой структуре переводного текста появляется аргумент в пациентиве *другого*. В оригинале, дословно, – ‘взаимное безобразие’, в переводе – *страшный вид другого*: *of their mutual hideousness they died* – *каждый* <...> *другого* *видом* *страшным* умерщвлён был [М. П. Вронченко]. Отметим, что в данном случае замена предиката, не являющегося аргументом, на аргумент ‘активной’ семантической роли всегда

сопровождается увеличением количества аргументов в результирующей ситуации.

4. Смена семантической роли исходного аргумента с ‘пассивной’ на ‘активную’ без изменения типа ситуации

Данный тип преобразования заключается в замене исходного ‘пассивного’ аргумента как объекта воздействия со стороны ‘активного’ аргумента на ‘активный’ аргумент. Указанное преобразование является следствием устранения из исходной ситуации нулевого активного участника ситуации. Количество аргументов в ситуации перевода всегда меньше, чем в исходной.

А. Замена объектива как объекта воздействия на агентив:

1) *all hearts were chill'd into a selfish prayer* – *все* <...> *взмолились* об одном [А. П. Милюков]. В данном случае объективу *hearts* (‘сердца’) соответствует нулевой агентив при субстантивированном кванторе общности *все*.

2) *the winds were wither'd* – *ветры затаились* [А. П. Милюков]. Здесь аргумент *the winds* (‘ветры’) приобретает в переводе роль предикатного образного агентива вследствие применения переводчиком приёма олицетворения.

Стоит отметить, что в тех случаях, когда мы присваивали активному неодушевлённому аргументу функцию ‘элементив’, олицетворение тоже присутствует, однако, является ‘стёртым’, т. е. уже не воспринимается как стилистическая фигура. В случае же явного употребления приёма олицетворения мы считаем необходимым присваивать как природным, так и иным неодушевлённым активным аргументам функцию ‘агентив’. На эту необходимость указывает и В. В. Богданов [Богданов 1977: 75].

Б. Замена пациентива как объекта воздействия на агентив:

1) *men were gather'd round their blazing homes* – *к пылающим домам сходились толпы* [С. А. Степанов]. Аргументу *men* (‘люди’) в тексте перевода соответствует аргумент ‘толпы’. Семантическая функция данного аргумента меняется с ‘пассивной’ пациентивной на ‘активную’ агентивную. При этом нулевой активный аргумент, выполнивший воздействие *to gather* (‘собирать’) на одушевлённый объект *men* (‘люди’) в переводе отсутствует. Вследствие этого

исходный глагольный предикат воздействия в переводе заменяется глагольным предикатом действия.

Идентичное преобразование исходного состава аргументов находим в переводах М. А. Зенкевича и О. М. Сомова: 2) *Men were gather'd – сходились люди* [М. А. Зенкевич]; 3) *Men were gather'd – люди сходились* [О. М. Сомов].

В. Замена объектива как объекта воздействия на элементив.

Следующий пример также иллюстрирует устранение нулевого активного производителя воздействия из исходной ситуации, однако набор аргументов несколько отличен. В оригинале, как и в примерах выше, присутствует аргумент как объект воздействия со стороны нулевого активного аргумента, но теперь это неодушевлённый аргумент, которому, следовательно, необходимо присвоить семантическую функцию 'объектив'. В качестве активного производителя действия в ситуации перевода выступает аргумент в элементиве: *the winds were wither'd – не дули ветры* [М. А. Зенкевич].

Смена семантической роли исходного аргумента с 'пассивной' на 'активную' может происходить и вследствие замены, представленной ниже.

5. Добавление активной или псевдо-активной ситуации в текст перевода или опущение созерцательной ситуации

Считаем данные преобразования показателями активности, поскольку добавление активной (или псевдо-активной), а не созерцательной ситуации или опущение созерцательной ситуации, а не активной (или псевдо-активной), следует рассматривать как определённое предпочтение переводчика. С. А. Сухих в качестве показателя языковых черт отмечает именно «предпочтение» в выборе той или иной единицы [Сухих 1998: 96, 111, 126]. Переводчик предпочёл опустить или добавить ситуацию именно такого характера.

5.1. Опущение созерцательной ситуации:

1) *Darkness had no need of aid from them – She was the Universe – тьма над всей вселенной непроницаемой висела пеленой* [А. П. Милюков];

2) *the world was void, the populous and the powerful was a lump* – прекрасный мир стал дикою пустыней [М. П. Вронченко].

5.2. Добавление активной ситуации: *and each sate sullenly apart gorging himself in gloom* – и каждый, удаляясь, садился одиноко и ел с отчаяньем кровавую добычу [А. П. Милюков]. В переводе происходит добавление активной ситуации (*каждый*), удаляясь, садился к уже существующей активной ситуации *каждый* <...> ел.

5.3. Добавление псевдо-активной ситуации: *but two of an enormous city did survive* – и в городе одном, обширном, многолюдном, все умерли; остались двое [А. П. Милюков].

Результатом такого рода опущений и добавлений является увеличение количества активных или псевдо-активных ситуаций в тексте перевода.

2.1.1.2. Языковая черта ‘созерцательность’

Рассмотрение в предыдущем разделе оппозиции обсуждаемой черты по причинам параллельного характера семантики избавляет нас от необходимости подробного освещения свойств ‘созерцательности’.

Континуальный характер черты: предикаты

Противоположная ‘активности’ языковая черта ‘созерцательность’ прослеживается в случаях применения переводчиком преобразований, противоположных по своей сути преобразованиям, сигнализирующим об активности. На ‘созерцательность’, соответственно, указывает **движение от динамичности к статичности**, о котором свидетельствует замены, представленные ниже.

А. Замена глагольного предиката воздействия на предикат-причастие окачественного воздействия как свойства в составе причастного оборота: *all*

hearts were chill'd – все сердца, **сжатые** холодным эгоизмом [О. М. Сомов]. Глагольный предикат воздействия заменён на предикат-причастие окачественного воздействия как свойства от глагольного предиката воздействия *сжимать*.

Б. Замена глагольного предиката действия на адъективированное причастие-предикат окачественного действия как свойства: *the moon <...> had expir'd* – **померкнувшей** луны [А. П. Милюков]. Глагольный предикат действия заменён на предикат-причастие окачественного действия как свойства от глагольного предиката действия *меркнуть*.

Как видно из примеров, предикат-причастие, заменяющий исходный глагольный предикат, образуется от глагольного предиката идентичного характера в отношении значения ‘действие/воздействие’.

В. Замена адъективированного причастия-предиката окачественного воздействия как свойства на адъективный предикат свойства: *of crowned kings* – **монархов венценосных** [М. А. Зенкевич]. Адъективированное причастие-предикат окачественного воздействия как свойства, полученного в результате осуществления воздействия *to crown* (‘*короновать*’), в процессе перевода преобразуется в адъективный предикат свойства *венценосные*.

Стоит отметить, что в рассматриваемых нами переводах зачастую прослеживается замена глагольного предиката действия или воздействия на предикат-деепричастие действия или воздействия. Не считаем это преобразование показателем ‘созерцательности’, поскольку предикат-деепричастие, как и глагольный предикат, обозначает в данных случаях действие (примеры 1 и 2) или воздействие (примеры 3 и 4).

Например:

- 1) *shriek'd, and died* – **вздрыгнув, пали** [М. П. Вронченко];
- 2) *lay down <...> and wept* – **упавши ниц <...> рыдали** [М. А. Зенкевич];
- 3) *gnash'd their teeth and howl'd* – **скрежеща зубами, выли** [М. П. Вронченко];

4) *hid their eyes and wept* – **закрыв** глаза, *рыдали* [А. П. Милюков].

Ещё одним типом преобразований в рамках ‘созерцательности’ является замена единицы с ярко выраженной предикативностью на единицу с преобладающим значением номинативности. Расположим данные преобразования в порядке перехода от единицы с максимально выраженным значением предикативности – глагольного предиката действия или воздействия, к в максимальной степени непредикативному существительному-непредикату. Такой характер градации прямо противоположен движению от номинативных единиц к предикативным в случае с языковой чертой ‘активность’.

Отметим, что относительно языковой черты ‘созерцательность’ характер данных замен представляет собой собственно номинализацию (или субстантивацию), суть которой заключается в «переходе слов других частей речи в разряд имён существительных» [ССЛТ]. Предикаты-существительные, полученным путём субстантивации, В. А. Плунгян называет «номинализованными» [Плунгян, 2011: 173]. Рассмотрим типы данных замен ниже.

А. Замена глагольного предиката действия на предикат-существительное действия:

1) *shriek'd, and died* – **с воплем** *пали замертво* [С. А. Степанов];

2) *the <...> birds shriek'd* – **птицы с криком** [М. А. Зенкевич].

Б. Замена глагольного предиката состояния на предикат-существительное состояния: *they (ships) slept <...>* – **в дремоте** *<...> корабли* [М. А. Зенкевич].

В. Замена адъективированного причастия-предиката окачественного действия как свойства на предикат-существительное действия:

1) *vipers crawl'd <...> hissing, but stingless* – **ядовитые ехидны** *<...> вились со свистом* [А. П. Милюков];

2) *the crackling trunks* – **деревья** *<...> с треском* [А. П. Милюков].

Г. Замена адъективированного причастия-предиката окачественного воздействия как свойства на предикат-существительное состояния: *the wild birds*

<...>, *terrified did flutter on the ground* – и птицы хищные влачили по земле, в *искуге* [А. П. Милюков].

Д. Замена адъективированного причастия-предиката окачественного состояния как свойства на предикат-существительное состояния: *they rak'd up, and shivering scrap'd* – с *тпенетом* они приподняли [О. М. Сомов].

Е. Замена адъективного предиката состояния на предикат-существительное состояния:

1) *happy were those* – и *счастье тем* [С. А. Степанов];

2) *came* <...> *tremulous* – познали *тпенет* [О. М. Сомов].

Ж. Замена адъективного предиката свойства на предикат-существительное свойства: *silent depths* – *тишина бездн* [О. М. Сомов].

З. Замена предиката-существительного действия на существительное-непредикат: *and their feeble breath blew for a little life* – и *грудью* тощею огонь из них раздули [А. П. Милюков].

Транспозиция аргументов при переводе

Языковая черта ‘созерцательность’ обнаруживается в случаях применения переводчиком преобразований исходных ситуаций, которые, по своей сути, являются прямо противоположными преобразованиям, указывающим на проявление языковой черты ‘активность’. Рассмотрим их ниже в порядке движения от активных ситуаций к ситуациям псевдо-активного и созерцательного характера.

1. Замена активной ситуации на псевдо-активную

1.1. Замена семантической роли исходного аргумента с ‘активной’ на ‘псевдо-активную’ с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

А. Замена агентива на псевдо-активный объектив:

1) *War* <...> *did glut himself again* – *брань* <...> *зажглася вновь* [М. П. Вронченко]. В данном случае предикатный образный агентив *War* ('Война') совершил воздействие *to glut oneself* ('насыщаться'), направленное на самого себя. В переводе аргумент *брань* выступает в семантической роли псевдо-активного объектива.

2) *morn came* – *утро* *наставало* [О. М. Сомов]. Предикатный образный агентив *morn* ('утро') выполнивший действие, выраженное глагольным предикатом *to come* ('приходить'), в переводе заменён предикатным псевдо-активным объективом *утро* с глагольным предикатом *наставать*. Отметим, что в ситуации перевода аргумент выступает в роли псевдо-активного объектива по той причине, что действие *наставать* в силу семантики обозначающего его глагольного предиката не может быть выполнено активным аргументом (в отличие от действия *to come*).

Б. Замена агентива на псевдо-активный перцептив: *the dropping dead lur'd their lank jaws* – *новый их алчности не представлялся труп* [М. П. Вронченко]. Нулевой предикатный образный агентив при субстантивированном прилагательном *the* <...> *dead* ('мёртвые') выполнил воздействие, выраженное глагольным предикатом *to lure* ('манить') и направленное на объектив *jaws* ('челюсти'). Данный объектив метонимичен по своему характеру, поскольку выступает как часть целого – челюсть как часть человеческого тела. На самом деле, «приманиваются» здесь не челюсти, а их обладатель. В переводе нулевому агентиву соответствует перцептив *труп* при псевдо-активном глагольном предикате действия *представляться* («появляться перед глазами» [СРЯ]). Указанный перцептив является объектом восприятия подразумеваемого экспериенса *люди*, которые вследствие метафоры получают наименование на основе их отличительного признака – алчности. В оригинале ему соответствует уже указанный объектив.

1.2. Устранение нулевого ‘активного’ аргумента с заменой семантической роли исходного ‘пассивного’ аргумента на ‘псевдо-активную’ и уменьшением количества участников ситуации («смешанный» тип).

Устранение нулевого активного участника означает то, что ситуация прекращает быть активной. Оставшийся аргумент, который в исходной ситуации играет роль объекта воздействия, в ситуации текста перевода становится псевдо-активным аргументом.

А. Замена объектива как объекта воздействия псевдо-активным объективом:

1) *the winds were wither'd* – **ветры** увяли [О. М. Сомов];

2) *the bright sun was extinguish'd* – *потухло* <...> **солнце** [М. П. Вронченко];

3) *the habitations* <...> *were burnt for beacons* – **жилища** <...> *в кострах* *истлели* [М. П. Вронченко];

4) *forests were set on fire* – *вспыхнули леса* [А. П. Милюков].

Б. Замена пациентива как объекта воздействия псевдо-активным пациентивом:

1) *they were slain for food* – **сами** *делались добычей голодных* [А. П. Милюков]. Пациентиву *they* ('они') в переводе соответствует пациентив *сами*. Характер предиката-сказуемого меняется с предиката воздействия на предикат действия. В переводной ситуации появляется нулевой бенефициатив при субстантивированном прилагательном *голодные*.

2) *the crowd was famish'd* – **народы** *исчезали* [А. П. Милюков]. В данном случае предикатный пациентив как объект воздействия *the crowd* ('толпа') заменяется предикатным псевдо-активным пациентивом *народы*.

1.3. Замена исходного ‘активного’ аргумента на предикат, не являющийся аргументом, без изменения семантической роли исходного ‘пассивного’ аргумента.

А. Замена агентива на сирконстант причины: *till hunger clung them* – *доколе сами они не падали от голода* [О. М. Сомов]. В активной ситуации оригинального текста предикатный образный агентив *hunger* ('голод') осуществляет воздействие

to cling ('прилипнуть') направленное на пациентив *they*. В переводе пациентив *они* выступает уже не как объект воздействия со стороны его активного производителя, а как псевдо-активный аргумент. Причина действия *надать* в переводе неагентивна и выражается сирконстантом причины *от голода*.

Б. Замена нулевого агентива на сирконстант причины: *the crowd was famish'd* – *от голода все вымерли* [М. А. Зенкевич]. Нулевой активный аргумент в исходной активной ситуации осуществил воздействие *to famish* ('морить голодом') направленное на пациентив *the crowd*. В переводе псевдо-активная ситуация неагентивна – причина, выраженная сирконстантом *от голода*, является каузатором действия *вымирать*, которое происходит с нулевым пациентивом при субстантивированном кванторе *все* в роли подлежащего.

Данный тип преобразований сопровождается уменьшением количества участников ситуации, поскольку один из её участников заменяется единицей, не являющейся аргументом.

2. Замена активной ситуации на созерцательную

2.1. Замена семантической роли исходного 'активного' аргумента на 'созерцательную' («чистый» тип).

А. Замена нулевого производителя воздействия на нулевой экспериенсив: *the bright sun was extinguish'd* – *мнилось солнце* [М. П. Вронченко]. В данном случае исходный нулевой агентив, который осуществляет воздействие, выраженное глагольным предикатом *to extinguish* ('погасить') на объектив *the <...> sun*, в переводе заменяется на нулевой экспериенсив, который пребывает в состоянии, выраженном глагольным предикатом *казаться*. В качестве активного производителя действия в рассматриваемой ситуации выступает именно агентив, поскольку из контекста становится понятно, что действие выполнено *тьмой*. Кроме того, в силу олицетворения данный агентив ещё и образный.

Б. Замена нулевого агентива на нулевой пациентив: *some lay down* – *многие лежали* [М. П. Вронченко]. Исходный нулевой агентив при субстантивированном кванторе *some* ('некоторые'), выполнивший действие *to lie down* ('лечь'), в

переводе заменяется нулевым пациентивом при субстантивированном кванторе *многие*. Данный пациентив в ситуации перевода пребывает в состоянии, которое выражено глагольным предикатом *лежать*.

В. Замена агента на экспериенсив:

1) *himself sought out no food* – *без пищи сам* [М. П. Вронченко]. Агентив исходной активной ситуации *himself* ('сам') не стал выполнять действие *to seek out* ('искать'), направленное на предикатный объектив *food* ('еда'). В переводной созерцательной ситуации исходному агентиву соответствует аргумент в экспериенсиве *сам* в состоянии *пребывания без пищи*.

2) Идентичное преобразование находим у С. А. Степанова: *himself sought out no food* – *сам, без пищи* [С. А. Степанов].

Г. Замена элементива на объектив как объект состояния:

1) *the icy earth swung* – *хладная земля* <...> *чернелась* [М. П. Вронченко]. В исходной активной ситуации элементив *the* <...> *earth* ('земля') является производителем действия *to swing* ('качаться'). В соответствующей ситуации в тексте перевода аргумент *земля* выступает в роли объектива как объекта состояния, выраженного глагольным предикатом *чернеться*.

2) Аналогичный характер преобразования данная ситуация получает и у А. П. Милюкова: *the icy earth swung* – *хладная земля* <...> *висела* [А. П. Милюков].

Д. Замена нулевого агента на объектив как объект воздействия: *the dropping dead lur'd their lank jaws* – *людей* <...>, *кинуться готовых на мертвечину* [М. А. Зенкевич]. В данном случае образный нулевой агентив при субстантивированном прилагательном *the* <...> *dead* выполнил воздействие *to lure*, которое направлено на предикатный объектив *jaws*. В переводе метонимия нейтрализуется и вместо объектива используется аргумент в пациентиве *люди*, который пребывает в состоянии готовности совершить воздействие *кинуться*, в качестве объекта которого выступает объектив *мертвечина*, в исходной ситуации выполнявший роль образного агента.

Е. Замена агента на дескриптив: *nothing stirr'd – мёртво было всё* [А. П. Милуков]. В исходной ситуации агентив *nothing* ('ничего') выполнил действие, выраженное глагольным предикатом *to stir* ('шевелиться'). В переводной ситуации исходному агентиву соответствует дескриптив *всё*, как носитель свойства, выраженного адъективным предикатом *мёртво*.

2.2. Устранение 'активного' аргумента с сохранением семантической роли исходного аргумента («смешанный» тип).

А. Устранение агента: *morn <...> brought no day – дня нет, как нет!* [М. П. Вронченко]. Оригинальная активная ситуация в качестве агента имеет образный предикатный аргумент *morn* ('утро'), который выполняет воздействие *to bring* ('приносить'). В роли объектива как объекта воздействия выступает аргумент *day* ('день'). В переводной ситуации агентив устраняется, а объектив *день* как объект состояния сопровождается бытийным предикатом *нет*.

Б. Устранение нулевого активного аргумента: *the winds were wither'd – ни дуновенья* [С. А. Степанов]. Вследствие устранения исходного нулевого активного аргумента, выполнившего воздействие *to wither* ('зубить') на объектив *the winds*, ситуация в переводе становится созерцательной. Предикатному объективу *the winds* ('ветры') как объекту воздействия в переводе соответствует предикатный объектив *дуновенье* как объект состояния, которое выражено скрытым бытийным предикатом *не было*.

2.3. Устранение нулевого 'активного' аргумента с изменением семантической роли исходного аргумента («смешанный» тип).

А. Устранение нулевого активного аргумента с заменой объектива на экспериенсив: *all hearts were chill'd – все сердца <...> чувствовали* [О. М. Сомов]. В исходной ситуации объектив *hearts* ('сердца') выступает как объект действия. В ситуации перевода экспериенсив *сердца* выступает как объект состояния. В данном случае осуществляется метонимический перенос, поскольку *чувствуют* не *сердца*, а их обладатели – люди.

3. Замена псевдо-активной ситуации на созерцательную

Это замена ‘псевдо-активной’ семантической роли исходного аргумента на ‘созерцательную’ («чистый» тип), а конкретно – замена псевдо-активного пациентива на объектив как объект состояния:

1) *the moon* <...> *had expir'd before* – *луна* <...> *уже не существовала* [О. М. Сомов].

В исходной псевдо-активной ситуации аргумент *the moon* (‘луна’) выступает в роли пациентива по причине олицетворения. В результате действия *to expire* (‘умирать’), его состояние меняется: он становится «мёртвым». В переводе отсутствует данный динамический аспект. Аргумент *луна* выступает как объектив, которому сопутствует бытийный предикат *существовать*, описывающий статичное пребывание объектива в определённом состоянии – в данном случае, состоянии «несуществования». Следовательно, исходно псевдо-активная ситуация в переводе предстаёт как созерцательная.

Аналогичное по своей сути преобразование находим у С. А. Степанова:

2) *the clouds perish'd* – *ни облаков* [С. А. Степанов].

4. Добавление созерцательной ситуации в текст перевода или опущение активной (или псевдо-активной) ситуации

4.1. Опущение активной ситуации: *and kept the birds and beasts and famish'd men at bay, till hunger clung them* – *и лаем отгоняя жадных птиц, зверей и голодом терзаемых людей* [А. П. Милюков].

4.2. Опущение псевдо-активной ситуации:

1) *shriek'd, and died – even of their mutual hideousness they died* – *вскричали и умерли в ужасе от их взаимного безобразия* [О. М. Сомов];

2) *forests were set on fire – but hour by hour they fell and faded* – *леса они в безумье подожгли* [С. А. Степанов].

4.3. Добавление созерцательной ситуации:

1) *look'd up <...> on the dull sky, the pall of a past world* – *очи подымали к небу, не видя, что оно, как гробовой покров, чернея, над землёй несчастною висело* (добавление ПВ с предикатом-деепричастием состояния) [А. П. Милюков];

2) *he was faithful to a corse* – *пёс остался верным: он у трупа сидел* (семантическая функция 'объектив' у существительного *corse* ('труп') заменена в переводе на локатив; добавлена созерцательная ситуация с экспериенсивом и глагольным предикатом состояния) [А. П. Милюков];

3) *the crowd was famish'd* – *земля пуста* – *и народы исчезали* [А. П. Милюков].

На основании анализа преобразований, сигнализирующих о проявлении у переводчика языковой черты 'активность' либо 'созерцательность', выделим три типа ЯЛП поэтического текста относительно данных языковых черт: активный, созерцательный и сбалансированный тип. Отметим, что термин 'сбалансированный' в рамках данного исследования не имеет аксиологической нагрузки.

Активный тип ЯЛП поэтического текста подразумевает преимущественное использование им преобразований, являющихся показателями 'активности'. Созерцательный тип – преимущественное использование преобразований, свидетельствующих о 'созерцательности'. Сбалансированный тип обозначает отсутствие склонности переводчика к преимущественному использованию какой-либо одной из двух групп рассматриваемых преобразований. Представим количественную характеристику соответствующих переводческих преобразований в Таблице 2.

Количественная характеристика переводческих преобразований, являющихся показателями 'активности' или 'созерцательности'

Тип преобразования в рамках указанной языковой черты	Сом.	В.	М.	З.	Ст.
Активность					
Движение от статичности к динамичности в пределах лексической единицы	5	1	8	7	6
Замена лексической единицы на более предикативную	4	3	2	1	2
Замена созерцательной ситуации на псевдо-активную	2	3	4	6	3
Замена созерцательной ситуации на активную	3	5	2	2	3
Замена псевдо-активной ситуации на активную	1	-	3	1	3
Смена семантической роли исходного аргумента с 'пассивной' на 'активную' без изменения типа ситуации	-	-	4	2	2
Добавление активной (или псевдо-активной) ситуации в текст перевода или опущение созерцательной ситуации	1	1	3	-	1
Итого:	16	13	26	19	20
Созерцательность					
Движение от динамичности к статичности в пределах лексической единицы	1	-	1	1	1
Замена лексической единицы на менее предикативную	4	-	2	2	3
Замена активной ситуации на псевдо-активную	4	8	10	6	4
Замена активной ситуации на созерцательную	2	7	2	1	4
Замена псевдо-активной ситуации на созерцательную	1	-	-	-	-
Добавление созерцательной ситуации в текст перевода или опущение активной (или псевдо-активной) ситуации	1	-	7	3	4
Итого:	13	15	22	13	16

На основе полученных данных можно сделать вывод о ярко выраженной активности ЯЛП поэтического текста М. А. Зенкевича, умеренной активности (приближающейся к сбалансированности) у О. М. Сомова, А. П. Милюкова и С. А. Степанова. ЯЛП поэтического текста М. П. Вронченко – умеренно созерцательная (приближается к сбалансированности).

2.2. СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

2.2.1. Оппозиция ‘конкретность’ – ‘абстрактность’

2.2.1.1. Языковая черта ‘конкретность’

Данная языковая черта у ЯЛП поэтического текста проявляется в случаях применения трансформации конкретизации. Н. К. Гарбовский утверждает, что «конкретизацией называется трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более широким объёмом и менее сложным содержанием, заключённое в слове или словосочетании исходного текста, понятием с более ограниченным объёмом, но сложным, более конкретным содержанием» [Гарбовский 2004: 433].

Ниже рассмотрим примеры употребления переводчиками трансформационной операции конкретизации. Кроме того, считаем возможным выделение отдельных видов конкретизации в зависимости от того, какой тип значения в пределах языковой единицы конкретизируется в переводе.

1. Конкретизация

А. Конкретизация значения действия или воздействия:

1) *Morn came and went* – утро наставало, **убегало** [О. М. Сомов]. В ситуации оригинала утро ‘уходило’, в ситуации перевода – *убегало*. Действие *убегать* означает «передвигаясь бегом, удаляться откуда-либо, от кого-либо, чего-либо» [СРЯ]. Таким образом, в переводе происходит добавление дифференциальных сем образа действия и удаления к архисеме «перемещение в пространстве».

2) *dogs assail'd their masters* – псы хозяев **грызли** [С. А. Степанов]. Воздействие *грызть* в переводе обозначает один из видов воздействия *нападать* ('to assail').

Б. Конкретизация значения состояния:

1) *their bones were tombless* – кости их **лежали** без погребенья [О. М. Сомов]. В оригинальной ситуации объектив как объект состояния *bones*

(‘кости’) пребывает в состоянии «бытия без погребения». В ситуации перевода данное значение конкретизируется и объектив *кости* оказывается в состоянии, выраженном глагольным предикатом *лежать*: «находиться в горизонтальном положении» [СРЯ]. Таким образом, в переводе к архисеме «нахождение» («бытие») добавляется дифференциальная сема «положение в пространстве».

2) *their bones were tombless* – их кости <...> без погребенья *тлели* [А. П. Милюков]. В данном случае значение состояния *быть*, имеющего крайне широкий объём, заменяется более конкретным состоянием *тлеть*, со значением «разрушаться от гниения, разлагаться, гнить» [СРЯ].

Конкретизации значения свойства в рассматриваемых переводах выявлено не было. Тем не менее, такая замена представляется вполне возможной. К примеру: *Светлая футболка*. – *Бежевая футболка*.

В. Конкретизация значения предмета:

1) *a mass of holy things* – множество *утварей* священных [О. М. Сомов]. Исходное понятие с широким объёмом *things* (‘вещи, предметы’) в переводе заменяется понятием *утварь* с идентичной архисемой «предмет» и совокупностью дифференциальных сем: «утварь – совокупность **предметов**, необходимых в обиходе, в какой-либо области жизни» [СРЯ].

Такую же замену наблюдаем и в переводе М. П. Вронченко: 2) *a mass of holy things* – *утварей* обломки [М. П. Вронченко].

3) *fed their funeral piles with fuel* – приносили *дров* на гаснущий огонь [А. П. Милюков]. Предикатный объектив оригинальной ситуации *fuel* (‘топливо’) в переводе конкретизируется и заменяется объективом *дрова*, у которого одна из сем совпадает с архисемой в исходном понятии: «дрова – распиленные и обычно расколотые на поленья деревья, идущие на **топливо**» [СРЯ].

При конкретизации иногда может изменяться исходный тип значения языковой единицы, рассмотрим такую ситуацию ниже.

Г. Изменение типа значения при конкретизации: *lifeless* – ни *птицы* нет, ни *зверя* [С. А. Степанов]. В данном случае, значение суффикса ‘-less’ исходного

прилагательного в переводе выражается отрицательными частицами *ни* <...>, *ни*. Значение, заключенное в корне *life* ('жизнь'), характеризующееся абстрактностью, в переводе конкретизируется и выражается отдельными существительными *птица* и *зверь*, обозначающими конкретные формы жизни. Таким образом, значение свойства, заключённое в адъективном предикате *lifeless* ('безжизненный') в переводе преобразуется в значение предметности, выражаемое непредикатными существительными.

В качестве отдельного подвида трансформационной операции конкретизации выделяют также конкретизацию при повторной номинации. В. Г. Гак отмечает, что повторная номинация – это «наименование уже ранее обозначенного в контексте денотата: предмета, действия, качества» [Гак 1998: 524]. Рассмотрим примеры применения данной трансформационной операции, распределив факты её употребления по вышеуказанным типам значений языковых единиц.

2. Конкретизация при повторной номинации

Конкретизация значения предмета при повторной номинации:

1) *Even dogs assail'd their masters, all save one* <...>, *himself sought out no food* – *самые псы напали на господ своих, все, исключая одного* <...>, *сей пёс пиши не искал* [О. М. Сомов]. В оригинальной ситуации автор не называет напрямую активного участника ситуации, выполняющего действие *to seek out* ('искать'). Тот факт, что это *пёс*, понятен из контекста. Однако переводчик решает заменить возвратное местоимение *himself* ('сам') на существительное *пёс* путём осуществления операции конкретизации при повторной номинации.

2) *Darkness had no need of aid from them – She was the Universe.* – *мрак не имел уже в них нужды; мрак была вселенная!* [О. М. Сомов]. В данном случае в оригинале образный предикатный агентив *Darkness* ('Тьма') называется один раз, а впоследствии заменяется личным местоимением *she* ('она'). Автор конкретизирует значение личного местоимения при повторной номинации путём его замены на существительное-предикат *мрак*.

Конкретизация при повторной номинации возможна и в отношении значения действия или воздействия, что демонстрируется Н. К. Гарбовским [Гарбовский 2004: 223]. Потенциально, она также может затрагивать значения свойства и состояния. Тем не менее, в рассматриваемых переводах такие замены выявлены не были.

В качестве одного из типов замен единицы с широкой сферой референции на единицу с более узкой сферой отнесённости, выделяем также вид синекдохи, при котором целое заменяется составляющей его частью. Назовём такой тип синекдохи ‘уточняющим’ и рассмотрим примеры осуществления этого преобразования.

3. ‘Уточняющая’ синекдоха

1) *their lank jaws* – *истончённые зубы их* [О. М. Сомов]. Существительное-непредикат *jaws* (‘*челюсти*’) заменяется существительным-непредикатом *зубы* (*зубы* являются составной частью целого *челюсти*).

2) *twin'd themselves among the multitude* – *под ногами вились* [А. П. Милюков]. Существительному-предикату *multitude* (‘*толпа*’) в составе локатива *among the multitude* (‘*среди толпы*’) в переводе соответствует существительное-непредикат *ноги* в составе локатива *под ногами*. Рассматриваем данное преобразование как ‘уточняющую’ синекдоху в виду того, что *ноги* являются частью тела человека, а толпа это «множество людей».

3) *beheld each other's aspects* – *в глаза друг другу <...> глянули* [М. А. Зенкевич]. Существительное-непредикат *aspect* (‘*лицо*’) заменяется существительным-непредикатом *глаза* (*глаза* являются частью *лица*).

4) *gorging himself* – *чрево насыщал* [С. А. Степанов].

В оригинале активный производитель воздействия ‘*насыщает себя*’ – в переводе он насыщает «своё чрево» (*чрево* являются частью человеческого тела).

Ещё одним показателем проявления у ЯЛП поэтического текста языковой черты ‘конкретность’ является, по нашему мнению, замена нулевого, имплицитно подразумеваемого участника ситуации на эксплицитно выраженный в

предложении аргумент. Отсутствие в синтаксической (поверхностной) структуре языковой единицы, которая должна называть участника ситуации, присутствующего на уровне семантической (глубинной) структуры, обусловлено, как отмечает В. А. Плунгян, «нежеланием или неспособностью говорящего конкретизировать некоторый не называемый им аргумент» [Плунгян 2011: 216]. Следовательно, явление обратного характера – конкретизация эксплицитно не выраженного аргумента, является показателем языковой черты ‘конкретность’. Назовём вышеупомянутый тип преобразований ‘конкретизацией нулевого аргумента’ и рассмотрим примеры её употребления ниже.

4. Конкретизация нулевого аргумента

А. Конкретизация нулевого агента:

1) *the meagre by the meagre were devour'd* – *иссохшие трупы были пожираемы людьми, также иссохшими* [О. М. Сомов]. В данном случае нулевой агентив при субстантивированном прилагательном *the meagre* (‘мощие’) в переводе конкретизируется и заменяется подразумеваемым аргументом *люди*.

2) *they were slain for food* – *их, убивая, поедали люди* [М. П. Вронченко]. Данный пример иллюстрирует замену генерализованного нулевого агента на конкретный агентив *люди*, представленный в поверхностной структуре.

Б. Конкретизация нулевого образного активного аргумента:

1) *cities were consum'd* – *грады сделались жертвою пламени* [О. М. Сомов]. Нулевой образный активный участник ситуации в переводе заменяется образным предикатным бенефициативом *пламя*.

2) *hearts were chill'd* – *сердца, сжатые <...> эгоизмом* [О. М. Сомов]. Нулевой образный активный аргумент заменяется образным предикатным агентивом *эгоизм*.

В. Конкретизация нулевого объектива:

1) *the meagre by the meagre were devour'd* – *иссохшие трупы были пожираемы людьми, также иссохшими* [О. М. Сомов]. В первом примере данной группы замен помимо нулевого агента конкретизируется и нулевой объектив

при втором субстантивированном прилагательном *the meagre*. Он заменяется подразумеваемым объективом *трупы*.

Г. Конкретизация нулевого дескриптива:

1) *the populous and the powerful was a lump* – *грады, страны* цветущие и многолюдные составляли одну только смешанную груду [О. М. Сомов]. В переводе происходит восстановление подразумеваемых дескриптивов *грады* и *страны* при субстантивированных прилагательных *the populous* ('многолюдные') и *the powerful* ('могущественные').

2.2.1.2. Языковая черта 'абстрактность'

В теории перевода трансформация, по сути противоположная конкретизации, обозначается термином 'генерализация'. По мнению Н. К. Гарбовского «генерализацией называется трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более ограниченным объёмом и более сложным содержанием, заключённое в слове или словосочетании исходного текста, понятием с более широким объёмом, но менее сложным, менее конкретным содержанием» [Гарбовский 2004: 425–426].

Ниже рассмотрим примеры употребления переводчиками трансформационной операции генерализации в отношении некоторых из указанных ранее типов значений языковых единиц.

1. Генерализация

А. Генерализация значения свойства: *vipers* <...> *stingless* – *безвредные* <...> *змеи* [М. П. Вронченко]. В оригинальной ситуации дескриптив *vipers* ('ядовитые змеи') обладает свойством *stingless* ('не способные укусить'). В ситуации перевода дескриптиву *змеи* соответствует свойство *безвредные*. Переводчик, в данном случае, идёт по пути обобщения понятия, поскольку воздействие *укусить* является одним из способов осуществления воздействия *нанести вред*.

Б. Генерализация значения предмета:

1) *vipers crawl'd* – **змеи** ползали [О. М. Сомов]. В данном случае исходному агентиву *vipers* ('ядовитые змеи') в переводе соответствует агентив *змеи*, который лишён дифференциальной семы *ядовитые*.

2) *hard clay* – **вещество** недвижимое [О. М. Сомов]. Оригинальному композитиву *clay* ('глина') в переводе соответствует композитив *вещество*. Понятие 'вещество' выступает как гипероним по отношению к гипониму *глина*, поскольку *глина* является одной из разновидностей веществ.

При генерализации значения его тип, также как и в случае конкретизации, может меняться. Рассмотрим это на примерах.

В. Изменение типа значения при генерализации:

1) *vipers* <...> **stingless** – *ядовитые ехидны* <...> **не трогали** [А. П. Милюков]. Значение свойства адъективного предиката *stingless* ('не способные укусить') в переводе преобразуется в значение воздействия, которое выражено глагольным предикатом *не трогали*. Суть генерализации заключается в замене семы «укус» на сему «нападение» (в данном случае 'трогать' означает «нападать на кого-либо» [СРЯ]). Воздействие, выражаемое предикатом-существительным 'укус', является одним из способов совершения воздействия «нападать».

2) *stars* <...> **rayless** – *звёзды* <...> **без света** [М. А. Зенкевич]. Исходное значение свойства, заключённое в адъективном предикате *rayless* ('не имеющие лучей') в переводе преобразуется в значение предметности, выраженное предикатом-существительным *свет* с предлогом *без*, который передаёт значение суффикса '-less'. Генерализация заключается в замене конкретной формы существования света *луч* на родовое понятие *свет*.

Генерализация значения при повторной номинации потенциально возможна [Гарбовский 2004: 225], однако в текстах рассматриваемых переводов не было выявлено ни одного случая её применения.

Как и в случае с языковой чертой ‘конкретность’, в пределах ‘абстрактности’ выделяем межъязыковую синекдоху. Суть данного преобразования в отношении ‘абстрактности’ состоит в замене части на целое, к которому она относится. Назовём данный перенос ‘генерализующей’ синекдохой и рассмотрим употребление данного преобразования на примерах.

2. ‘Генерализующая’ синекдoha

1) *to look once more into each other's face* – дабы взглянуть ещё друг на друга [О. М. Сомов]. В оригинальной ситуации в качестве перцептива выступает аргумент *face* (‘лицо’), в переводе участник в роли ‘экспериенсив’ не смотрит на какую-то отдельную часть человека (в данном случае, ‘лицо’), а не человека в целом, что выражается глагольным предикатом действия с аргументами: *взглянуть <...> друг на друга*.

2) *some did rest their chins* – другие покоились лицами [О. М. Сомов]. Исходному объективу *chins* (‘подбородки’) в переводе соответствует объектив *лица*, выступающий как целое по отношению к его части – ‘подбородку’.

3) *the <...> trunks extinguish'd* – гасло за **древом** *древом* [М. П. Вронченко]. Вследствие применения межъязыковой генерализующей синекдохы объектив *trunks* (‘стволы’) был заменён на объектив *древом*. Исходный аргумент выступает как часть по отношению к целому – аргументу *древом* в тексте перевода.

4) *upon whose brow* – на **лицах** <...> *их* [А. П. Миллюков]. Объектив *brow* (‘чело, лоб’) относится как часть к целому *лица* – аргументу в роли объектива.

Преобразование, противоположное конкретизации нулевого участника ситуации, представляет собой генерализацию аргумента до такой степени, что он более не выражается эксплицитно. Рассмотрим это на примерах.

3. Генерализация эксплицитно выраженного аргумента, в результате которой он становится нулевым

А. Генерализация объектива как объекта воздействия: *famine fed upon all entrails* – всех голод истреблял [А. П. Миллюков]. Объектив *entrails* (‘внутренности’) в результате изменения семантики глагольного предиката-сказуемого в переводе преобразуется в нулевой пациентив при

субстантивированном кванторе общности *всех*. В оригинальной ситуации ‘*голод ел внутренности*’, в ситуации перевода *всех* (людей, живых существ) *голод истреблял*.

Б. Генерализация пациентива как объекта воздействия: *the crowd was famish'd – от голода все вымерли* [М. А. Зенкевич]. Исходный предикатный пациентив как объект воздействия *the crowd* (‘*толпа*’), который определяется как «a large number of persons especially when collected together» [Camb.] («большое количество людей, зачастую собранных вместе») в переводе заменяется нулевым псевдо-активным пациентивом при кванторе общности *все*. В оригинале ‘*толпу/большое количество людей морили голодом*’ в переводе *от голода все* (люди, живые существа) *вымерли*.

На основании характера и количества преобразований, осуществлённых переводчиками в рамках языковых черт ‘конкретность’ и ‘абстрактность’, мы разграничиваем ‘конкретный’, ‘абстрактный’ и ‘сбалансированный’ тип ЯЛП поэтического текста. Количественное представление осуществлённых переводчиком трансформаций представлено в Таблице 3.

Таблица 3.

Количественная характеристика переводческих преобразований, являющихся показателями ‘конкретности’ или ‘абстрактности’

Тип преобразования в рамках указанной языковой черты	Сом.	В.	М.	З.	Ст.
Конкретность					
Конкретизация	7	4	9	8	6
‘Уточняющая’ синекдоха	1	1	3	2	2
Замена генерализованного имплицитно выраженного в поверхностной структуре аргумента на конкретный эксплицитно выраженный аргумент	8	2	1	1	2
Итого:	16	7	13	11	10
Абстрактность					
Генерализация	4	4	4	2	2
‘Генерализующая’ синекдоха	5	5	6	4	1
Замена конкретного эксплицитно выраженного в поверхностной структуре аргумента на генерализованный имплицитно выраженный аргумент	-	-	2	1	-

Тип преобразования в рамках указанной языковой черты	Сом.	В.	М.	З.	Ст.
Итого:	9	9	12	7	3

Исходя из полученных данных, относим ЯЛП С. А. Степанова к ‘конкретному’ в высокой степени типу, ЯЛП О. М. Сомова и М. А. Зенкевича – к ‘конкретному’ в умеренной степени типу, ЯЛП М. П. Вронченко – к умеренно ‘абстрактному’ (стремится к ‘сбалансированному’) типу, ЯЛП А. П. Милюкова – к ‘сбалансированному’ типу.

2.2.2. Оппозиция ‘аналитичность’ – ‘синтетичность’

2.2.2.1. Языковая черта ‘аналитичность’

Как указывалось ранее, языковая черта ‘аналитичность’ проявляется у переводчика в том случае, когда исходная ситуация представляется в тексте перевода в более детализованном виде, что происходит за счёт добавления к ней смысловых элементов различного типа. Данные смысловые элементы в поверхностной структуре репрезентируются знаковыми единицами. Характер знаков, добавляемых в ПВ в тексте перевода, соответствующее оригинальному ПВ, отличается существенным разнообразием. Ниже на конкретных примерах рассмотрим добавления различного типа знаков в ПВ в текстах выполненных переводов. Вначале рассмотрим добавление тех компонентов ПВ, которые являются его ‘ядром’ – организующего предиката, который на поверхностном уровне зачастую играет синтаксическую роль сказуемого, а также валентно необходимых аргументов при нём.

Об организующей роли предиката в ПВ упоминает В. В. Богданов [Богданов 1977: 39]. Л. Теньер считает центром предложения «глагольный узел», выражающий «своего рода маленькую драму», которая включает в себя следующие компоненты: обязательное действие (т. е. глагольный предикат), действующие лица (т. е. аргументы) и обстоятельства (т. е. сирконстанты) [Tesnière 1959: 117].

Ниже рассмотрим добавления знаков различного типа в ПВ текста перевода. Начнём с анализа добавлений ‘ядерных’ компонентов ПВ: глагольного предиката-сказуемого и управляемых им аргументов. Затем рассмотрим добавления различных знаков к глагольному предикату-сказуемому и, наконец, добавления различного типа знаков к аргументам.

Добавляемые в ПВ текста перевода глагольные предикаты-сказуемые, как видно на примерах, всегда выступают в синтаксической функции однородных сказуемых. Они добавляются к уже имеющимся в исходном ПВ глагольным предикатам-сказуемым.

1.1. Добавление глагольного предиката в функции однородного сказуемого к исходному глагольному предикату-сказуемому:

1) *the bright sun was extinguish'd* – *потухло, мнилось солнце* [М. П. Вронченко];

2) *the stars did wander* – *звёзды покосились и разбрелись* [С. А. Степанов];

3) *they did live by watchfires* – *жили у спасительных костров – жгли хижины* [С. А. Степанов].

Вторым по рангу неотъемлемым участником ПВ является валентно необходимый при глагольном предикате-сказуемом аргумент. Как и в случае с предикатом-сказуемым, такие аргументы уже существуют в исходной ситуации. Добавляться может лишь аргумент в той же семантической роли, который на уровне синтаксиса выступает в функции однородного члена предложения.

1.2. Добавление валентно необходимого аргумента при предикате-сказуемом к исходному валентно необходимому аргументу: *the huts <...> were burnt* – *и дома, и хижины <...> сжигались* [М. А. Зенкевич] (добавление аргумента в функции объектива как объекта воздействия).

Добавляемый в ПВ аргумент также может выступать в качестве опционального, необязательного элемента ПВ.

1.3. Добавление опционального аргумента к глагольному предикату-сказуемому.

А. Добавление предикатного объектива как объекта воздействия:

1) *each sate sullenly apart* – каждый уходил насытиться в отдалении своею **добычею** [О. М. Сомов];

2) *they slept on the abyss without a surge* – не колебали **волн** [О. М. Сомов];

3) *each sate sullenly apart* – каждый, <...> ел с отчаяньем кровавую **добычу** [А. П. Милюков].

Б. Добавление локатива: *fell down* – **падали с них в воду** [М. П. Вронченко] (добавление двух локативов).

1.4. Добавление опционального аргумента к исходному аргументу.

А. Добавление аргумента как целого по отношению к исходному объективу-части:

1) *trunks* – **пни дерев** (добавление объектива) [О. М. Сомов];

2) *the hand* – **длань хозяина** (добавление пациентива) [С. А. Степанов].

Б. Добавление аргумента к исходному объективу (между аргументами устанавливаются отношения притяжательности):

1) *to a corse* – **телу своего господина** (добавление пациентива) [О. М. Сомов];

2) *the huts* – **хижины рабов** (добавление пациентива) [А. П. Милюков];

3) *the flashes* – **пламени <...> вспышки** (добавление предикатного объектива) [М. А. Зенкевич];

4) *with <...> their feeble breath* – **дыханьем слабым помертвевших уст** (добавление объектива с адъективным предикатом свойства) [М. П. Вронченко].

В. Добавление аргумента как основания для сравнения:

1) *with their <...> skeleton hands* – **руками, иссохшими, как остов** (добавление объектива) [М. П. Вронченко];

2) *cities were consum'd* – **как страшные костры, горели города** (добавление объектива с адъективным предикатом свойства) [А. П. Милюков];

3) *happy were* – **счастливее других себя считали** (добавление пациентива) [М. А. Зенкевич].

Глагольные предикаты, добавляемые в ПВ текста перевода, могут выступать не только в роли организующих предикатов-сказуемых, но и в качестве примыкающих к ним предикатов включающего характера. Среди них В. В. Богданов, как указывалось ранее, выделяет фазисные, модальные и каузативные глагольные предикаты. В ходе анализа языкового материала были обнаружены случаи добавления к исходным глагольным предикатам-сказуемым модальных предикатов.

1.5. Добавление модального предиката к глагольному предикату-сказуемому:

- 1) *smil'd* – **смилились** улыбнуться [О. М. Сомов];
- 2) *made a flame* – **успели** развести <...> пламя [О. М. Сомов];
- 3) *blew for* – **тщились** <...> раздуть [О. М. Сомов];
- 4) *blew for a little life* – **пытались** пламя слабое раздуть [М. А. Зенкевич];
- 5) *to look once more* – **желая** заглянуть еще [А. П. Милюков].

Помимо глагольных предикатов, к глагольным предикатам-сказуемым также может быть добавлено наречие-сирконстант или сирконстант в синтаксической функции обстоятельства, которые имеют, по мнению В. В. Богданова включающий характер [Богданов 1977: 96].

1.6. Добавление наречия-сирконстанта к глагольному предикату-сказуемому.

А. Добавление наречия-сирконстанта времени:

- 1) *and came* – **и вновь** наставало [О. М. Сомов];
- 2) *beside the dying embers of an altar-place* – **на пепелище, где прежде был алтарь** [С. А. Степанов].

Б. Добавление наречия-сирконстанта места: *did glut himself again* – **повсюду** зажглася вновь [М. П. Вронченко].

В. Добавление наречия-сирконстанта образа действия или воздействия:

- 1) *the bright sun was extinguish'd* – **солнце вдруг** исчезло с неба [А. П. Милюков];

2) *Famine had written Fiend* – **грозно** десница глада начертала: враг [М. П. Вронченко];

3) *and each <...> sate sullenly* – и каждый <...> угрюмо, **жадно** ел [М. А. Зенкевич].

1.7. Добавление сирконстанта к глагольному предикату-сказуемому.

А. Добавление сирконстанта времени: *made a flame* – вспыхнул он **на миг** [А. П. Милюков].

Б. Добавление сирконстанта места:

1) *blew for a little life* – **на углях** вздули пламя [М. П. Вронченко];

2) *came tame* – **посреди людей** бродили, как ручные [А. П. Милюков];

3) *the bright sun was extinguish'd* – солнце вдруг исчезло **с неба** [А. П. Милюков].

В. Добавление сирконстанта образа действия или воздействия:

1) *men were gather'd* – люди **толпами** сходились [О. М. Сомов];

2) *gorging himself in gloom* – ел **с отчаяньем** кровавую добычу [А. П. Милюков];

3) *kept the birds <...> at bay* – **лаем** отгоняя жадных птиц [А. П. Милюков].

Г. Добавление сирконстанта причины: *died* – **от ужаса** <...> мёртвыми упали [М. А. Зенкевич].

Рассмотрим теперь типы предикатных знаков, которые могут быть добавлены к исходным аргументам.

1.8. Добавление адъективного предиката свойства к исходному аргументу:

1) *the world was void* – **прекрасный** мир стал **дикою** пустыней [М. П. Вронченко];

2) *a lump* – **глыбой безобразной** [М. П. Вронченко];

3) *the thrones* – **царские** престолы [А. П. Милюков];

4) *the hand* – **безжизненную** руку [А. П. Милюков];

5) *gorging himself in gloom* – в **кромеином** мраке чрево насыщал [С. А. Степанов].

1.9. Добавление квантора к исходному аргументу.

А. Добавление числового квантора: *enemies* – **два** врага [О. М. Сомов].

Б. Добавление квантора общности:

1) *the habitations* – **все** жилища [О. М. Сомов];

2) *passions* – **все** страсти [М. П. Вронченко];

3) *the stars* – звёзды **все** [А. П. Милюков].

1.10 Добавление частицы-предиката к исходному аргументу.

А. Ограничительная:

1) *two* – **только** двое [О. М. Сомов];

2) *was a lump* – **лишь** месиво осталось [С. А. Степанов].

В некоторых случаях переводчик добавляет новую ситуацию в текст перевода и, следовательно, ПВ, которое её репрезентирует.

1.11. Добавление ПВ в текст перевода:

1) *the bright sun was extinguish'd* – **казалось мне, что солнце вдруг исчезло с неба** [А. П. Милюков];

2) *the crowd was famish'd* – **земля пуста – и народы исчезли** [А. П. Милюков];

3) *two <...> did survive* – **все умерли; остались двое** [А. П. Милюков].

2.2.2.2. Языковая черта 'синтетичность'

Противоположная аналитичности языковая черта 'синтетичность' проявляется в случаях опущения вышеуказанных типов знаков. Рассмотрим данные виды опущений в том же порядке, что и добавления в случае с языковой чертой 'аналитичность'.

1.1. Опущение глагольного предиката в функции однородного сказуемого при исходном глагольном предикате-сказуемом:

1) *saw, and shriek'd, and died* – **вскричали и умерли** [О. М. Сомов];

2) *saw, and shriek'd, and died* – **с воплем пали замертво** [С. А. Степанов];

3) *rak'd up, and <...> scrap'd* – сгребли [М. П. Вронченко];

4) *the <...> birds <...> did flutter on the ground and flap their useless wings* – птицы <...> махали крыльями (глагольный предикат действия в функции однородного сказуемого с локативом) [М. А. Зенкевич];

5) *morn came, and went – and came* – заря мерцала, исчезала [А. П. Милюков].

1.2. Опущение валентно необходимого аргумента при предикате-сказуемом.

А. Опущение объектива:

1) *the rivers, lakes and ocean all stood still* – озёра и моря стояли неподвижно (объектив как объект состояния) [А. П. Милюков];

2) *the thrones, the palaces of crowned kings – the huts <...> were burnt* – жгли хижины и царские чертоги (объектив как объект воздействия) [С. А. Степанов].

1.3. Опущение опционального аргумента при глагольном предикате-сказуемом.

А. Опущение локатива: *those who dwelt within the eye of the volcanos, and their mountain-torch* – кои жили близ грозных горнил огнедышащих (опущение локатива с притяжательным местоимением) [О. М. Сомов].

Б. Опущение композитива: *the world was void, <...> a chaos of hard clay* – прекрасный мир стал дикою пустыней, <...> хаосом (опущение композитива с адъективным предикатом свойства) [М. П. Вронченко].

1.4. Опущение опционального аргумента при исходном аргументе.

А. Опущение аргумента, который состоит с исходным аргументом в отношении притяжательности:

1) *the brows of men* – лицам (опущение пациентива) [М. А. Зенкевич];

2) *within the eye of the volcanos* – близ грозных горнил (опущение объектива) [О. М. Сомов].

В ходе анализа практического материала нами не было выявлено случаев опущения фазисного, модального или каузативного предикатов при глагольном предикате-сказуемом.

Ниже рассмотрим случаи опущения наречий-сирконстантов и сирконстантов при глагольных предикатах-сказуемых.

1.5. Опущение наречия-сирконстанта при глагольном предикате-сказуемом.

А. Опущение наречия-сирконстанта времени:

- 1) *then they lifted up their eyes* – они подняли глаза [О. М. Сомов];
- 2) *and then again* – и вновь [М. П. Вронченко];
- 3) *had expir'd before* – исчезла [А. П. Милюков].

Б. Опущение наречия-сирконстанта образа действия: *fell down piecemeal* – падали [М. П. Вронченко].

1.6. Опущение сирконстанта при глагольном предикате-сказуемом.

А. Опущение сирконстанта времени: *but hour by hour they fell and faded* – деревья <...>, падали <...> и гасли [А. П. Милюков];

Б. Опущение сирконстанта места: *gorging himself in gloom* – ел [А. П. Милюков];

В. Опущение сирконстанта образа действия:

1) *with curses cast them down upon the dust* – бросались на прах [О. М. Сомов];

2) *others hurried to and fro* – другие бегали [М. П. Вронченко];

3) *extinguish'd with a crash* – гасли [А. П. Милюков].

Далее рассмотрим виды опущений при исходном аргументе.

1.7. Опущение адъективного предиката свойства при исходном аргументе.

1) *the bright sun* – солнце [М. П. Вронченко];

2) *the feeble ashes* – пепел [М. П. Вронченко];

3) *within their silent depths* – в глубине их [М. П. Вронченко].

4) *with their cold, skeleton hands* – руками [А. П. Милюков];

5) *flap their useless wings* – махали крыльями [М. А. Зенкевич];

6) *ships sailorless* – суда [С. А. Степанов].

1.8. Опущение квантора при исходном аргументе.

А. Опущение квантора общности:

1) *fed upon **all** entrails* – *терзал утробы* [М. П. Вронченко];

2) *the rivers, lakes and ocean **all** stood still* – *озёра, реки и моря застыли* [М. А. Зенкевич].

1.9. Опущение частицы-предиката при исходном аргументе.

А. Усилительная:

1) ***even** of their mutual hideousness <...> died* – *умерли <...> от их взаимного безобразия* [О. М. Сомов];

2) ***even** dogs assail'd their masters* – *кидались на своих хозяев псы* [М. А. Зенкевич].

На языковую черту ‘синтетичность’ также указывают случаи опущения переводчиком исходных ПВ.

1.10. Опущение исходного ПВ:

1) *forests were set on fire – **but hour by hour they fell and faded*** – *леса они в безумье подожгли* [С. А. Степанов];

2) ***Darkness had no need of aid from them** – she was the Universe* – *тьма над всей вселенной непроницаемой висела пеленой* [А. П. Милюков].

В зависимости от количества осуществлённых переводчиком преобразований, сигнализирующих о проявлении у него языковой черты ‘аналитичность’ или ‘синтетичность’, выделяем ‘аналитичный’, ‘синтетичный’ и ‘сбалансированный’ тип ЯЛП поэтического текста. Количественная характеристика осуществлённых тем или иным переводчиком преобразований представлена в Таблице 4.

Количественная характеристика переводческих преобразований, являющихся показателями 'аналитичности' или 'синтетичности'

Тип преобразования в рамках указанной языковой черты	Сом.	В.	М.	З.	Ст.
Аналитичность					
Добавление глагольного предиката	10	3	2	2	2
Добавление наречия-сирконстанта или сирконстанта	17	6	17	10	14
Добавление аргумента	5	6	8	4	2
Добавление адъективного предиката	12	11	12	4	8
Добавление квантора	3	2	3	4	2
Добавление частицы-предиката	2	-	1	-	3
Добавление ПВ	-	-	6	-	-
Итого:	49	28	49	24	31
Синтетичность					
Опущение глагольного предиката	2	1	4	8	6
Опущение наречия-сирконстанта или сирконстанта	5	7	10	9	6
Опущение аргумента	5	2	4	4	1
Опущение адъективного предиката	-	17	13	13	22
Опущение квантора	2	2	1	3	3
Опущение частицы-предиката	1	1	1	1	2
Опущение ПВ	2	1	4	3	5
Итого:	17	31	37	41	45

На основании полученных результатов относим ЯЛП О. М. Сомова к 'аналитичной' в высокой степени, ЯЛП А. П. Милюкова – к 'аналитичной' в умеренной степени, ЯЛП М. П. Вронченко – к 'сбалансированному' типу в отношении языковых черт 'аналитичность' и 'синтетичность'. ЯЛП С. А. Степанова является в данном отношении 'синтетичной' в умеренной степени, ЯЛП М. А. Зенкевича – 'синтетичной' в высокой степени. Небольшое количество опущений в переводе О. М. Сомова можно объяснить тем, что он выполнен в прозе. Переводчику не пришлось жертвовать содержанием с целью сохранения формы. М. П. Вронченко удалось добиться практически абсолютного баланса между количеством добавлений и опущений, а также близко воссоздать стихотворную форму исходного произведения.

2.3. ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

2.3.1. *Оппозиция ‘образность’ – ‘буквальность’*

Ранее нами было указано, что в качестве формальных маркеров буквальности мы будем рассматривать замену исходной образной языковой единицы на менее образную или безобразную единицу в тексте перевода. Показателями языковой черты ‘образность’, соответственно, будут являться замены противоположного характера.

Метафора, которая является одним из основных средств создания образности, подразделяется большинством исследователей на два вида – языковую⁴ и художественную [Ларин 1969; Щерба 1974 (а); Верли 1957; Балли 1961; Григорьев 1979; Арутюнова 1979]. По определению Г. Н. Складневской, языковая метафора «представляет собой готовый элемент лексики, такую метафору <...> берут готовой и употребляют в речи», её образность «обычно осознаётся только исследователем» [Складневская 1993: 31]. В качестве примеров приводятся словосочетания «сырой закон», «загорелся спор» и т. д. [Там же: 31]. Художественная метафора, в противоположность языковой, возникает «как результат целенаправленных и сознательных эстетических поисков» и демонстрируется исследователем на примере предложения «Большая Вселенная в люльке у маленькой вечности спит» [Там же: 35]. Важной отличительной особенностью художественной метафоры от языковой, по утверждению Г. Н. Складневской, является несопоставимость её семантической структуры с другими художественными метафорами. Языковая метафора, с другой стороны, может быть заменена в контексте на безобразное выражение или аналогичную метафору без существенной потери смысла высказывания. В отношении художественной метафоры это не представляется возможным [Там же: 34–36]. В рассматриваемых нами переводах не встречается собственно художественная метафора, однако присутствуют многочисленные примеры олицетворения,

⁴ Мы не касаемся здесь более дробного подразделения языковой метафоры, например, на лексическую и когнитивную или на иные виды.

которое Г. Н. Складаревская относит к одному из видов художественной метафоры [Там же: 37].

Помимо метафор, в поэтических текстах зачастую присутствуют метафорические сравнения, в которых, в отличие от метафоры, эксплицитно присутствуют оба члена противопоставления [ЛитЭС]. По данной причине будем относить переход от метафоры к метафорическому сравнению показателем буквальности в силу того, что при таком характере замен «скрытое сравнение», реализованное в метафоре, получает эксплицитное выражение. На основании вышеизложенного будем рассматривать интересующие нас тропы в следующей последовательности (от наиболее к наименее образным): олицетворение (в том числе и метафорический эпитет) – языковая метафора (в том числе и метафорический эпитет) – метафорическое сравнение. В качестве наименее образной будет выступать безобразная языковая единица.

Обратимся для начала к тем заменам, которые являются показателями языковой черты ‘образность’.

2.3.1.1. Языковая черта ‘образность’

1.1. Замена безобразного выражения на образное вследствие метафорического сравнения: *with <...> skeleton hands – руками, иссохшими, как остов* [М. П. Вронченко]. В переводе к исходной ситуации добавляется объектив *остов* как основание для сравнения. Сравнение метафорично по своей сути, поскольку ‘остов’ это: «внутренняя опорная часть здания, сооружения, устройства, на которой укрепляются все остальные его части» [СРЯ]. Следовательно, рука человека, которая не имеет прямого отношения к понятию ‘остов’, может сравниваться с ним только в случае осуществления метафорического переноса.

1.2. Замена безобразного выражения на образное вследствие языковой метафоры: *within <...> the volcanos – близ <...> горнил* [О. М. Сомов]. В данном

случае осуществлён метафорический перенос на основе сравнения вулкана с горнилом (горном). Горн представляет собой «печь для накаливания и переплавки металлов или для обжига керамических изделий» [СРЯ]. Так, плавление происходит и внутри вулкана.

1.3. Замена безобразного выражения на образное вследствие олицетворения:

1) *a past world – труп вселенной* [О. М. Сомов]. В оригинале дескриптив *world* ('мир') характеризуется предикатом свойства *past* (как 'минувший, ушедший в прошлое'). В переводе осуществляется замена адъективного предиката свойства на существительное-предикат состояния *труп*. В данном состоянии может пребывать только ранее одушевлённый объект, поэтому считаем данный перенос олицетворением.

2) *no love was left – умерла любовь* [М. П. Вронченко]. Оригинальная созерцательная ситуация, описывающая состояние «отсутствия любви», в переводе заменяется псевдо-активной ситуацией, в которой образный пациентив *любовь* претерпевает смену состояния, выраженную глагольным предикатом действия *умирать*.

1.4. Замена языковой метафоры на олицетворение: *morn <...> brought no day* – заря была бесплодна [С. А. Степанов].

Помимо замен, образность также прослеживается в случаях добавления метафорического эпитета, создающего олицетворение:

1.5. Добавление метафорического эпитета: *the rivers, lakes and ocean all stood still* – реки, озёра и океан были спокойны и немы [О. М. Сомов]. В данном случае объективы *реки, озёра и океан* в ситуации перевода получают статус образных по причине добавления в ситуацию адъективного предиката *немы*, который изначально может относиться только к одушевлённым аргументам.

Ниже рассмотрим замены, характеризующие ЯЛП поэтического текста как 'буквальную'.

2.3.1.2. Языковая черта 'буквальность'

1.1. Замена образного выражения с олицетворением на безобразное выражение:

1) *the waves were dead* – *не стало волн* [М. П. Вронченко]. В оригинале предикатный образный пациентив *the waves* ('волны') выступает как объект состояния *to be dead* ('быть мёртвым') в созерцательной ситуации. Данное состояние свойственно только некогда живому аргументу. В переводе ситуация преобразована в псевдо-активную, в ходе которой объектив *волны* претерпевает смену состояния, выраженную предикатом *не стало*.

2) *they slept on the abyss* – *мачты <...> гнили в глубине* [А. П. Милюков]. В исходной ситуации образный пациентив *they* ('они' – *мачты*) пребывает в состоянии *to sleep* ('спать'), которое присуще лишь одушевлённому аргументу. В переводе метафорический перенос нейтрализуется и объектив *мачты* пребывает в состоянии *гнить*.

3) *and War, <...> did glut himself again* – *между собою все вели войну* [М. А. Зенкевич]. Предикатный образный агентив *War* ('Война') в исходной ситуации осуществляет воздействие *to glut oneself* ('насыщаться'), на которое способен только активный одушевлённый участник ситуации. В переводе действие *вести войну* выполняется нулевым агентивом при субстантивированном кванторе *все*. В качестве данного нулевого агентива выступают, очевидно, люди.

4) *beside the dying embers* – *у пепла тлеющего* [М. А. Зенкевич]. Локатив *beside the <...> embers* ('у пепла') в оригинале характеризуется адъективным предикатом *dying* ('умирающие'), который может относиться только к одушевлённым аргументам. В переводе метафорический перенос нейтрализуется и локатив *пепел* представляется как *тлеющий*.

5) *fed their funeral piles with fuel* – *на скорбные костры носили сучья* [С. А. Степанов]. В оригинальной ситуации активный аргумент осуществляет воздействие *to feed* ('кормить') на объектив *piles* ('костры'), который является

неодушевлённым участником ситуации. 'Кормить' его в буквальном смысле невозможно. Переводчик осуществляет нейтрализацию олицетворения и в переводе активный аргумент осуществляет воздействие *нести* на объект *сучья*, посредством которого затем происходит воздействие на объектив *костры*.

1.2. Замена образного выражения с языковой метафорой на выражение с метафорическим сравнением: *made a flame which was a mockery* – *вспыхнул он <...> как будто бы в насмешку* [А. П. Милюков]. В оригинале предикатный результатив *flame* ('пламя'), возникший в результате воздействия активного участника ситуации, повторно называется словом *mockery* ('насмешка'), по причине того, что пламя было слабым. В переводе данная языковая метафора заменяется метафорическим сравнением.

1.3. Замена образного выражения с языковой метафорой на безобразное выражение: *till hunger clung them* – *пока их голод не изнурял* [М. П. Вронченко]. В данной ситуации предикатный образный агентив *hunger* ('голод') осуществляет воздействие *to cling* ('липнуть') на пациентив *they*. Буквально «прилипнуть» к кому-то или чему-то голод не может, поскольку не является вещественным аргументом. В ситуации перевода данная образность нейтрализуется.

Кроме замен образных выражений на менее образные или безобразные выражения, показателями языковой черты 'буквальность' являются также опущения, представленные ниже.

1.4. Опущение метафорического эпитета, создающего олицетворение:

1) *the icy earth swung blind and blackening* – *хладная земля чернелась* [М. П. Вронченко]. В оригинале образный агентив *the earth* ('земля') характеризуется адъективным предикатом свойства *blind* ('слепая'), что может быть свойственно только одушевлённому аргументу. В переводе данный предикат опускается, а аргумент *земля* выступает в роли пациентива.

2) *the feeble ashes* – *пенл* [М. П. Вронченко]. В оригинале образный дескриптив *ashes* ('пенл') характеризуется как носитель свойства *feeble* ('слабый'). В переводе данный предикат опускается.

1.5. Опущение части целого, которая создаёт олицетворение: *within the eye of the volcanos* – *вблизи <...> вулканов* [М. П. Вронченко]. В оригинале объектив *the volcanos* ('вулканы') в качестве составляющей его части имеет аргумент *the eye* ('глаз'), что может быть истинным лишь в отношении живого существа. В переводе данный образный аргумент опускается.

1.6. Опущение образного выражения с олицетворением: *Darkness had no need of aid from them* – *She was the Universe* – *тьма над всей вселенной непроницаемой висела пеленой* [А. П. Милуков]. В данной ситуации предикатный образный экспериенсив *Darkness* ('Тьма') пребывает в состоянии *to have no need* ('не иметь нужды'). В переводе данная ситуация с олицетворением опускается.

На основании сравнения количественного и качественного состава осуществлённых переводчиками преобразований в рамках оппозиции языковых черт 'образность' – 'буквальность', выделяем следующие типы ЯЛП переводчика поэтического текста в отношении указанных языковых черт: 'образный', 'буквальный' и 'сбалансированный'.

Количественная характеристика преобразований, являющихся показателями языковой черты 'образность' или 'буквальность', представлена в Таблице 5.

Таблица 5.

Количественная характеристика переводческих преобразований, являющихся показателями 'образности' или 'буквальности'

Тип преобразования в рамках указанной языковой черты	Сом.	В.	М.	З.	Ст.
Образность					
Замена исходной языковой единицы на более образную или добавление образной языковой единицы	9	5	6	-	7
Буквальность					
Замена исходной языковой единицы на менее образную или опущение образной языковой единицы	14	18	17	17	18

Основываясь на данных, полученных в результате анализа языкового материала, было установлено, что языковые личности всех рассматриваемых переводчиков характеризуются как 'буквальные'. Данный факт можно объяснить

интенцией переводчиков добиться, в первую очередь, семантической эквивалентности оригиналу, а уже затем – стилистической.

2.3.2. Оппозиция ‘тождественность’ – ‘преобразованность’

2.3.2.1. Некоторые вопросы категории эквивалентности

В рамках данной оппозиции языковых черт рассмотрим для начала переводческие преобразования прагматического, семантического и синтаксического характера, применение которых обеспечивает достижение отношения тождественности между исходной единицей и единицей текста перевода на соответствующем уровне эквивалентности.

В нашем исследовании мы опираемся на уровневую модель эквивалентности, представленную в концепции Н. К. Гарбовского [Гарбовский 2004]. Автор данной концепции выделяет три уровня эквивалентности: прагматический, семантический и синтаксический [Гарбовский 2004: 392–393].

Прагматический уровень, по мнению Н. К. Гарбовского, доминирует в речи над двумя остальными и «в переводе <...> является «предельным уровнем допустимости» преобразований. Это означает, что при строгом взгляде на вещи в переводе необходимо всегда сохранять неизменными прагматические значения, так как при изменении прагматики исходного речевого произведения перевод перестаёт быть переводом» [Гарбовский 2004: 390]. Н. К. Гарбовский отмечает, что прагматическое тождество предполагает «сохранение прагматического значения, коммуникативного эффекта при возможно полном или частичном изменении семантики и синтаксической структуры сообщения» [Гарбовский 2004: 392], а приёмами его достижения являются «все виды прагматически обусловленных трансформаций семантического и синтаксического уровней» [Там же]. В отношении поэтического перевода Н. К. Гарбовский указывает на необходимость воспроизведения формы исходного произведения, поскольку её изменение, заключающееся в переводе поэтического текста прозой, уже

относится к прагматическому преобразованию, затрагивающему помимо прагматического ещё и синтаксический уровень [Гарбовский 2004: 392]. Прагматически эквивалентный перевод рассматриваемой поэмы с сохранением исходной стихотворной формы произведения выполнен М. П. Вронченко, А. П. Милюковым, М. А. Зенкевичем, С. А. Степановым. Перевод О. М. Сомова, напротив, выполнен в прозаической форме и, таким образом, представляет собой синтактико-прагматическую трансформацию, являющуюся прагматическим преобразованием и означающую отсутствие эквивалентности на уровне прагматики сообщения. Возникает вопрос о правомерности признания такого текста переводом.

В связи с этим Н. К. Гарбовский отмечает, что «реальная практика перевода показывает, что переводом называют и такие виды межъязыкового посредничества, в процессе которых рождаются речевые произведения, отличающиеся от исходных текстов своим коммуникативным эффектом» [Гарбовский 2004: 390]. Н. К. Гарбовский в качестве таких произведений выделяет поэзию, переведённую прозой. Автор утверждает, что в таких случаях «переводчики сознательно изменяли коммуникативный эффект, эстетическую функцию исходного речевого произведения» [Гарбовский 2004: 395]. Другими словами, они «производили сознательную прагматическую трансформацию, полагая, что «их» читателю важнее как можно подробней и точнее познакомиться с содержанием оригиналов» [Там же].

Следующим в иерархии уровней эквивалентности является семантический уровень, который подразделяется на денотативный и сигнификативный аспекты. Эквивалентность на денотативном уровне предполагает описание в переводе той же предметной ситуации, что и в исходном произведении. В качестве приёмов достижения денотативного тождества выступают «эквивалентные семантические преобразования», применение которых позволяет описывать в переводе предметную ситуацию, представленную в оригинале, но уже «разными способами» [Гарбовский 2004: 392]. К числу эквивалентных семантических

преобразований автор относит различного вида модуляции: генерализацию, конкретизацию, парафразу, дифференциацию, межъязыковую антонимию (антонимический перевод), межъязыковую метонимию, межъязыковую метафору и межъязыковую синекдоху [Гарбовский 2004: 393]. Н. К. Гарбовский рассматривает понятие модуляции в широком смысле и под 'модуляциями' понимает «закономерные изменения, представляющие собой многочисленные и разнообразные разновидности семантических преобразований» [Гарбовский 2004: 382].

Эквивалентность на сигнификативном уровне предполагает тождественное описание исходной предметной ситуации в переводе аналогичным способом. Сигнификативное тождество достигается «использованием межъязыковых семантических аналогов, совпадающих по всем типам семантических отношений» [Гарбовский 2004: 393]. При этом также сохраняются грамматические функции элементов исходного высказывания. Такой характер тождества может сопровождаться изменением синтаксической структуры сообщения [Там же].

Наибольшая степень близости ситуации оригинала при условии эквивалентности на всех вышеперечисленных уровнях наблюдается в случае синтаксического тождества, когда «предметная ситуация представляется в переводе аналогичным образом, что предполагает аналогию в расположении элементов высказывания относительно друг друга и сохранение их исходных грамматических функций» [Гарбовский 2004: 393]. Отметим, что синтаксическое тождество будет предполагать эквивалентность на всех предшествующих уровнях в переводах М. П. Вронченко, А. П. Милюкова, М. А. Зенкевича, С. А. Степанова. В случае же с переводом О. М. Сомова, эквивалентность на синтаксическом уровне будет означать эквивалентность только на семантическом сигнификативном и семантическом денотативном уровне, поскольку данный перевод неэквивалентен оригинальному произведению на уровне прагматики.

Определение степени тождественности исходной предметной ситуации по отношению к ситуации перевода предполагает их непосредственное

сопоставление. Основой сопоставления послужило выделение в поэме Дж. Г. Байрона “Darkness” 93-х предметных ситуаций. Количество ситуаций в рассматриваемых переводах отличается от количества ситуаций в оригинальном произведении по причине добавлений новых ситуаций в текст перевода или опущений исходных ситуаций. Данные факты подробно рассмотрены в ходе анализа практического материала.

Под предметной ситуацией понимается «ситуация, получающая отражение в тексте» [Сдобников 2007: 152], «совокупность объектов и связей между ними, описываемая в высказывании» [Комиссаров 1990: 54]. Второе определение отражает структуру ситуации, которая представляется как совокупность объектов (участников ситуации, аргументов) и связей между ними (предикатов). В. В. Богданов рассматривает ситуацию как «экстралингвистический денотат» предикатного выражения. ПВ, в свою очередь, определяется им как сложный знак, который включает в себя «один предикатный знак плюс нуль, один или несколько соединяемых им непредикатных знаков» [Богданов 1977: 39]. В качестве экспонента ПВ выступает предложение, оборот, словосочетание [Богданов 1977: 40]. Таким образом, для выявления ситуаций действительности необходимо ориентироваться на синтаксические (поверхностные) структуры. Кроме того, ситуация на уровне синтаксиса не обязательно репрезентируется целым предложением – как было указано выше, это может быть и отдельное словосочетание в пределах предложения. Следовательно, отдельное предложение может включать в себя несколько ситуаций. В случае с простым предложением, по нашему мнению, наличие нескольких предикатов-сказуемых, которые являются организующим центром каждого из ПВ, может сигнализировать о двух или более ситуациях (в соответствии с количеством глагольных предикатов), разворачивающихся последовательно. К примеру:

*Morn came and went – and came, and brought no day – Наступил час утра, /
Прошел, настал опять – дня нет, как нет!* [М. П. Вронченко].

В данном случае, синтаксическая конструкция оригинала представляет собой простое предложение, осложнённое однородными сказуемыми, в составе сложного предложения. В переводе ему соответствует сложное бессоюзное предложение. В структуре оригинала присутствуют 4 глагольных предиката, выступающих на синтаксическом уровне в функции сказуемых и обозначающих действия, которые выполняются образным предикатным агентивом *morn* ('утро'): *came, went, came, brought*. Данные действия разворачиваются последовательно, значит, описывают 4 отдельные предметные ситуации: *morn came; (morn) went; (morn) came; (morn) brought no day*. В предложении текста перевода ситуации имеют псевдо-активный характер в силу семантики глагольных предикатов-сказуемых. Аргумент *час утра* выступает как псевдо-активный предикатный объектив, который претерпевает последовательные смены состояний, выражающиеся глагольными предикатами *наступать, проходить, наставать*. Данные действия также происходят одно за другим и обозначают 3 отдельные ситуации: *час утра наступил; (час утра) прошёл; (час утра) настал опять*. Четвёртой активной ситуации оригинала в переводе соответствует созерцательная нетождественная ситуация *дня нет, как нет*, организующую функцию в которой выполняет предикат *нет*, который, как отмечает Н. Д. Арутюнова, обладает значением «бытийного отрицания» [Арутюнова 1976: 218].

Точка зрения, согласно которой одной из основных характеристик, способствующих выявлению в тексте ситуации действительности, является её временная соотнесённость, подтверждается соответствующим определением в толковом переводческом словаре Л. Л. Нелюбина, который рассматривает её как «отрезок действительности, описываемый в высказывании» [ТПС: 164]. Т. А. ван Дейк в качестве маркера смены ситуации выделял «изменение времени или периода» [Дейк 2000: 62].

В тех случаях, когда глагольные предикаты-сказуемые обозначают действия или воздействия, выполняемые участником ситуации одновременно, следует, по всей видимости, говорить об одной ситуации, которая на уровне знаков

репрезентируется несколькими предикатными выражениями. Хотя в данном случае предикатные выражения не обозначают полноценные ситуации, мы будем рассматривать их как знаковые репрезентации предметных ситуаций в составе целой ситуации. В. А. Плунгян также отмечает, что предикаты являются «названиями ситуаций» [Плунгян 2011: 77]. Следовательно, указывают на них. Обозначим такого рода ситуации, входящие в состав целой ситуации, термином ‘микроситуация’. Отметим, что временная соотнесённость как отличительная особенность ситуации не может применяться в качестве критерия выявления ‘микроситуаций’, поскольку они происходят одновременно. Например:

others hurried to and fro, and fed / Their funeral piles with fuel – третьи бегали в тревоге / И приносили дров на гаснувший огонь [А. П. Милюков].

Оригинальная синтаксическая структура сообщает нам об одновременном существовании двух ‘микроситуаций’ в составе целой ситуации: *others hurried to and fro* (‘другие носились туда-сюда’) и *(others) <...> fed their funeral piles with fuel* (‘(другие) <...> кормили топливом свои погребальные костры’). В переводе количество ‘микроситуаций’ сохранено, их также две: *третьи бегали в тревоге* и *(третьи) <...> приносили дров на гаснувший огонь*.

То же самое, по нашему мнению, справедливо и в отношении случаев одновременности выполняемого действия (или осуществляемого воздействия) и переживаемого состояния, а также пребывания в нескольких состояниях одновременно.

Одновременное пребывание в определённом состоянии и выполнение действия:

and some did rest / Their chins upon their clenched hands and smil'd – другие покоились лицами на сложенных крестообразно руках своих и силились улыбнуться [О. М. Сомов].

В оригинале нулевой аргумент при субстантивированном кванторе *some* (‘кто-то’) одновременно пребывает в состоянии *to rest* (в данном случае: ‘сидеть, облокотившись’) и выполняет действие *to smile* (‘улыбаться’). В тексте

перевода микроситуациям, организующую основу которых составляют указанные глагольные предикаты, соответствуют ‘микроситуации’ с глагольными предикатами *покоились* и *силились улыбнуться*.

На примере ниже рассмотрим одновременное пребывание аргумента в нескольких состояниях. В данном случае это два отдельных простых предложения, где в функции подлежащего выступает один и тот же аргумент.

Darkness had no need / Of aid from them – She was the Universe – и не было в них нужды / Восставшей Тьме – Она была Вселенной! [С. А. Степанов].

В оригинале образный предикатный агентив *Darkness* (‘Тьма’) одновременно пребывает в состоянии *to have no need* (‘не нуждаться’) и в состоянии *to be the Universe* (‘была Вселенной’). В тексте перевода данным состояниям в рамках ‘микроситуаций’ соответствуют выражения *не было <...> нужды* и *была Вселенной* с бытийным предикатом в качестве организующего.

Всё вышесказанное применительно и к сложным предложениям, анализ которых в отношении выявления ситуаций, описываемых ими, будет сводиться к рассмотрению простых предложений в составе данного сложного. Уточним лишь тот факт, что действия или состояния, разворачивающиеся одновременно, но при этом характеризующие различных участников ситуации, будут указывать на отдельные ситуации. Например:

the stars did wander <...> and the icy earth swung – звёзды <...> скитались <...>, а хладная земля <...> висела [А. П. Милюков].

Так, в оригинале одновременно разворачиваются две активные ситуации с глагольными предикатами-сказуемыми действия: *the stars did wander* (‘звёзды бродили’) и *the icy earth swung* (‘покрытая льдом земля качалась’). В переводе также описываются две ситуации: *звёзды скитались* и *хладная земля висела*. При этом характер второй ситуации изменён с активного на созерцательный.

Приступим к рассмотрению степени тождественности исходных ситуаций по отношению к ситуациям в текстах рассматриваемых нами переводов.

2.3.2.2. Языковая черта ‘тождественность’

Максимальной степенью проявления языковой черты ‘тождественность’ является отношение синтаксического тождества между ситуацией исходного текста и ситуацией перевода, поскольку является, как указывалось выше, наивысшей степенью близости ситуации перевода к ситуации оригинала.

1. Синтаксическое тождество

Примеры установления синтаксического тождества между ситуацией оригинала и перевода:

- 1) *She was the Universe.* – *Она была Вселенной!* [С. А. Степанов];
- 2) *The waves were dead* – *волны были мёртвы* [О. М. Сомов].

Отметим, что установление отношения синтаксического тождества между ситуациями происходит крайне редко. Все последующие типы отношений тождества между ситуациями будут содержать в себе также и элемент преобразованности, сигнализирующий об определённой степени проявления у переводчика данной языковой черты. ‘Преобразованность’ будет проявляться в минимальной степени в случае с сигнификативным и денотативным тождеством и в максимальной степени в случае с деформирующим денотативным преобразованием, а также опущением или добавлением ситуации.

Языковая черта ‘тождественность’ в высокой степени проявляется и в случае установления сигнификативного или денотативного тождества между ситуацией оригинала и ситуацией перевода. Отметим, однако, что перевод поэтического произведения зачастую сопровождается опущениями, добавлениями или неэквивалентными заменами отдельных компонентов ситуации при соблюдении сигнификативного или денотативного тождества в представлении всей остальной ситуации. Данные факты объясняются особенностями поэтического перевода, о которых мы упоминали ранее.

Уточним, что компоненты ПВ, которые опускаются из исходной конструкции или добавляются в результирующую структуру, в данном случае обязательно должны являться опциональными для ПВ. В качестве опциональных

компонентов ПВ в рамках данного исследования мы рассматриваем все типы знаков, за исключением организующего ПВ предиката и валентно-необходимых аргументов при нём. Данный вывод основывается на утверждении о том, что ПВ в качестве обязательных компонентов включает в свой состав как минимум один предикат и нуль, один или большее количество аргументов [Богданов 1977: 39]. В случаях, когда организующему ПВ предикату и аргументам им управляемым в переводе соответствуют межъязыковые семантические аналоги, а из исходного ПВ устраняется опциональный элемент (или к ПВ текста перевода добавляется необязательный компонент), мы будем говорить о 'частичном' сигнификативном тождестве. Отметим, что выделение такого подвида сигнификативного (и денотативного, как это будет показано ниже) тождества обусловлено тем, что ситуации перевода, попадающие в группу 'частично' тождественных на сигнификативном уровне, не могут быть отнесены к денотативно тождественным, поскольку отсутствует факт применения переводчиком модуляций (смысловых преобразований) в отношении компонентов ПВ, которые соответствует этим ситуациям. Нельзя их отнести и к ситуациям денотативно преобразованным, поскольку сохранено необходимое 'ядро ситуации' (предикат-сказуемое и валентно необходимые при нём аргументы), а значит сама ситуация не является неэквивалентной по отношению к исходной ситуации в абсолютной степени. То же самое истинно и в отношении частичного денотативного тождества.

Рассмотрим для начала случаи абсолютного сигнификативного тождества, которое, наряду с синтаксическим тождеством, встречается в переводах крайне редко. Под абсолютным сигнификативным тождеством мы будем понимать тот тип эквиваленции, который Н. К. Гарбовский называет термином «сигнификативное тождество». Рассмотрим примеры установления абсолютного сигнификативного тождества между исходной ситуацией и ситуацией перевода.

2. Абсолютное сигнификативное тождество

- 1) *The clouds perish'd* – *погибли тучи* [М. П. Вронченко];
- 2) *they were enemies* – *они врагами были* [С. А. Степанов].

Здесь синтаксическое тождество оригиналу отсутствует из-за изменения порядка слов. Однако на сигнификативном уровне переводы тождественны исходным ситуациям – использованы межъязыковые семантические аналоги, совпадающие с исходными единицами по всем типам семантических отношений.

В процессе анализа языкового материала были выявлены факты установления частичного сигнификативного тождества между ситуациями в виду осуществления переводчиком смысловых опущений и добавлений.

3. Частичное сигнификативное тождество

Рассмотрим для начала примеры частичного сигнификативного тождества с опущением: *and **then** again / With curses cast them down upon the dust* – *И вновь на прах, с проклятьями, кидались* [М. П. Вронченко]. Как видно на примере, между исходной ситуацией и ситуацией перевода наблюдается частичное сигнификативное тождество – всем компонентам оригинала в переводе соответствуют межъязыковые семантические аналоги, за исключением одного: наречие-сирконстант времени *then* ('*потом*') не имеет соответствия в ПВ перевода, вследствие осуществления переводчиком приёма опущения. Наречие-сирконстант является опциональным элементом ПВ, это следует из самого названия данного типа предиката.

Частичное сигнификативное тождество с опущением наблюдаем и в переводе А.П. Милюкова: *their masts fell down **piecemeal*** – *их мачты упали* [А. П. Милюков]. В данном случае опускается наречие-сирконстант образа действия *piecemeal* ('*по частям*').

Ниже рассмотрим примеры частичного сигнификативного тождества, которое устанавливается между исходной ситуацией и ситуацией перевода вследствие добавления опционального компонента в ПВ текста перевода: *torn <...> brought no day* – *утро <...> не приводило за собою дня* [О. М. Сомов]. На данном примере прослеживается добавление сирконстанта образа воздействия, который выражен сочетанием возвратного местоимения с предлогом.

Частичное сигнификативное тождество с добавлением находим у С. А. Степанова: *And their masts fell down piecemeal – И по кускам обваливались за борт, / Останки мачт* [С. А. Степанов]. В данном случае в ПВ текста перевода обнаруживаются два добавления: сирконстант места *за борт* и существительное-предикат *останки*, выражающее состояние объектива *мачты*. Существительное-предикат в данном случае считаем опциональным компонентом ПВ, поскольку наречие-сирконстант образа действия *piecemeal* ('по кускам') уже выражает значение состояния указанного объектива (если мачты по кускам обваливались за борт, значит, они разрушались, следовательно – уже не были целыми, представляли собой останки ранее целых мачт).

Частичное сигнификативное тождество может быть обусловлено одновременным опущением компонента исходного ПВ и добавлением нового компонента в ПВ перевода: *the wildest brutes / Came tame and tremulous – все звери стали робкими, ручными* [М. А. Зенкевич]. В данном случае происходит опущение адъективного предиката свойства *wildest* ('самые свирепые') и добавление квантора общности *все*.

Следующим в иерархии уровней эквивалентности является семантический денотативный уровень, абсолютное тождество в рамках которого также встречается относительно редко.

4. Абсолютное денотативное тождество

Рассмотрим установление абсолютного денотативного тождества между ситуациями на примере: *She was the Universe. – мрак была вселенная!* [О. М. Сомов].

Денотативное тождество, в данном случае, устанавливается вследствие осуществления переводчиком приёма конкретизации при повторной номинации.

5. Частичное денотативное тождество

Частичное денотативное, как и частичное сигнификативное тождество, допускает добавление или опущение опциональных элементов ПВ, соответствующего данной предметной ситуации. К тому же, в некоторых случаях

наблюдаются неэквивалентные замены, которые, тем не менее, не затрагивают семантику предиката-сказуемого и валентно необходимых при нём аргументов. Зачастую, это неэквивалентная замена адъективного предиката свойства: *and fed / Their funeral piles with fuel – а прочие / На скорбные костры носили сучья* [М. П. Вронченко] (неэквивалентная замена адъективного предиката свойства *funeral*: ‘погребальные’ – скорбные). Частичное денотативное тождество в данном случае устанавливается вследствие осуществления нейтрализации метафоры: *fed <...> with fuel* (‘кормили <...> топливом’) – носили сучья; а также конкретизации: *fuel* – сучья.

Неэквивалентными также могут быть замены сирконстантов: *And War, which for a moment was no more, / Did glut himself again – и скоро война, мгновенно прекратившая бытие свое, явила вновь свою злобу* [О. М. Сомов] (неэквивалентная замена сирконстанта времени *for a moment* (‘на миг’) на наречие-сирконстант времени *мгновенно*). В данном случае, ситуация перевода денотативно тождественна (частично) ситуации оригинала, поскольку переводчик осуществляет метафорическую дифференциацию: *War <...> did glut himself again* (‘Война <...> насытилась снова’) – война <...> явила вновь свою злобу.

Денотативное тождество, как отмечалось ранее, предполагает передачу исходной предметной ситуации с осуществлением эквивалентных семантических преобразований. Рассмотрим суть данных переводческих преобразований и случаи применения переводчиками каждого из них. В ходе анализа примеров будем обращать внимание только на интересующую нас трансформацию.

Генерализация определяется как «трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более ограниченным объёмом и более сложным содержанием, заключённое в слове или словосочетании исходного текста, понятием с более широким объёмом, но менее сложным, менее конкретным содержанием» [Гарбовский 2004: 425]. К примеру:

1) *and the stars / Did wander darkling in the eternal space, / Rayless, and pathless – и звезды / Без света, без путей в пространстве вечном / Блуждали*

[М. А. Зенкевич] (генерализация прослеживается в замене адъективного предиката свойства *rayless* ('без лучей') на существительное-предикат с предлогом *без света* – *луч* выступает как гипоним по отношению к гиперониму *свет*, поскольку является одной из форм его существования);

2) *vipers crawl'd* – *змеи ползали* [О. М. Сомов] (агентив *vipers* ('ядовитые змеи, гадюки') заменён на агентив *змеи*, который выступает как гипероним по отношению к исходному гипониму).

Конкретизация определяется как «трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более широким объемом и менее сложным содержанием, заключенное в слове или словосочетании исходного текста, понятием с более ограниченным объемом, но сложным, более конкретным содержанием» [Гарбовский 2004: 433]. К примеру:

1) *Even dogs assail'd their masters, all save one* – *И псы хозяев грызли; лишь один* [С. А. Степанов] (глагольный предикат воздействия *to assail* 'нападать' заменён на глагольный предикат воздействия *грызть* – действие *грызть* является одним из способов нападения);

2) *and fed / Their funeral piles with fuel* – *И приносили дров на гаснущий огонь* [А. П. Милюков] (предикатный объектив *fuel* ('топливо') в переводе заменён на объектив *дрова* – дрова являются одним из видов топлива).

Переводческая парафраза определяется как логическая процедура, суть которой заключается в «определении через ближайший род и видовое отличие» [Гарбовский 2004: 424]. К примеру:

1) *and fed / Their funeral piles with fuel* – *спеша нести всё, что могло продолжит пламя костров их погребальных* [О. М. Сомов] (в переводе происходит замена предикатного объектива *fuel* на понятие с максимально возможным объёмом – *всё*; затем происходит конкретизация путём добавления дифференциального признака);

2) *Happy were those who dwelt within the eye / Of the volcanos, and their mountain-torch* – *Щастливы были жившие вблизи / Природы горных факелов,*

волканов [М. П. Вронченко] (в данном случае наблюдается так называемая ‘обратная парафраза’ – описательная единица оригинала заменена на конкретную единицу в тексте перевода).

Дифференциация определяется как трансформационная операция, в результате применения которой «значения столкнувшихся в переводе <...> слов различаются своими дифференциальными семами, однако <...> подчинены понятиям более высокого уровня, т. е. объединены архисемами» [Гарбовский 2004: 456]. К примеру: *cities were consum'd* – *селенья полыхали* [С. А. Степанов] (объектив *cities* (‘города’) заменён в переводе на объектив *селенья* – данные понятия являются гипонимами по отношению к родовому понятию «населённый пункт»).

Межъязыковая антонимия (антонимический перевод) понимается как трансформационная операция, которая «выполняется по формуле двойного отрицания, двойной контрадикторности» [Гарбовский 2004: 466]: $P = ne-Q$, где $Q = ne-P$ (где P это понятие оригинала, а Q – понятие перевода) [Там же]. К примеру: *Where had been hear'd a mass of holy things / For an **unholy** usage* – *на коем собрано было множество утварей священных, назначенных уже для **мирского** употребления* [О. М. Сомов] (в данном случае переводчик осуществляет трансформацию, обратную антонимическому переводу – адъективный предикат *unholy* (‘несвятой’) заменён в переводе на адъективный предикат *мирской*, который является антонимом к слову *святой*, если рассматривать понятие *мирской* как тот, который «связан с обыденной, «земной» жизнью, в противоположность духовной» [СРЯ]).

Межъязыковая метонимия определяется как межъязыковой перенос по смежности [Гарбовский 2004: 450]. Частным случаем межъязыковой метонимии является межъязыковая синекдоха, которая представляет собой межъязыковую замену части целым или наоборот [Гарбовский 2004: 393]. Отметим, что абсолютное большинство выявленных нами случаев межъязыковой метонимии представляют собой именно межъязыковую синекдоху.

Н. К. Гарбовский отмечает, что «метонимические трансформационные операции могут вестись в двух направлениях» [Гарбовский 2004: 460]. В первом случае переводчик «осуществляет собственно метонимический перенос» [Там же]. Например:

1) *And men were gather'd round their blazing homes / To look once more into each other's face* – *Сходились люди у жилищ горящих, / Чтоб друг на друга раз еще взглянуть* [М. А. Зенкевич] (в оригинальной ситуации люди смотрят 'друг другу в лицо', в переводе – *друг на друга*; происходит замена части целым – генерализующая синекдоха);

2) *and their bones were tombless as their flesh;* – *Но трупов не закапывал никто* (в данном случае также наблюдается генерализующая синекдоха – дескриптивы *bones* ('кости') и *flesh* ('плоть') в переводе заменены объективом *трупы*; данное понятие выступает как целое по отношению к составляющим его частям).

Суть второго варианта метонимической трансформационной операции заключается в том, что переводчик «нейтрализует авторскую метонимию, заменяя менее строгое понятие более строгим, т. е. с содержанием, более соответствующим объекту» [Гарбовский 2004: 460]. Например:

1) *And twin'd themselves among the multitude, / Hissing, but stingless* – *аспиды клубками / В ногах толпы свивались и шипели, / Не жалея никого* [С. А. Степанов] (сочетание локатива с предлогом *among the multitude* ('среди толпы') заменено в переводе на сочетание локатива и пациентива с предлогом *в ногах толпы*, что, по своей сути, является уточняющей метонимией – переносом по смежности в отношении места; локатив *в ногах* и пациентив *толпа* связаны скрытым предикатом принадлежности [Богданов 1977: 105]);

2) *Famine had written Fiend* – *так грозно / Десница глады начертала: враг* [М. П. Вронченко] (образный предикатный агентив *Famine* ('Голод') в переводе заменён на сочетание образного агентива *десница* и пациентива *глад*, связанных

скрытым предикатом принадлежности; в данном случае наблюдается уточняющая синекдоха – вместо целого, действие выполняет часть этого целого).

Межъязыковая метафора определяется как межъязыковой перенос по сходству [Гарбовский 2004: 450]. Как и в случае с метонимическими трансформациями, в случае с межъязыковой метафорой переводчик может осуществлять собственно метафорический перенос:

1) *Happy were those who dwelt within the eye / Of the volcanos* – *Счастливы те, кои жили близ грозных горнил огнедышущих!* [О. М. Сомов] (локатив *within the eye of the volcanos* ('близ жерла вулканов') в переводе заменяется на локатив *близ <...> горнил*; существительное-непредикат *the eye*, которое является частью по отношению к целому *the volcanos*, опускается, а объективу *the volcanos* в переводе соответствует образный локатив *близ <...> горнил*; метафорический перенос осуществляется на основе сходства вулкана с *горнилом* (горном) – «печью для накаливания и переплавки металлов» [СРЯ]);

2) *The populous and the powerful was a lump* – *доселе шумный и цветущий, / Он превратился в труп, холодный и немой* [А. П. Милюков] (в оригинале существительное-предикат свойства *a lump* ('ком') противопоставляется нулевому дескриптиву при субстантивированных прилагательных-предикатах *the populous and the powerful* ('многолюдный и могучий'); здесь речь идёт о *мире*, о котором говорится в предыдущей ситуации: *the world was void*; таким образом, живой мир, характеризующийся упомянутыми адъективными предикатами, противопоставляется миру умершему, который стал представлять собой *ком*; на этой основе переводчик осуществляет перенос по сходству и в качестве соответствия исходному существительному-предикату *a lump* в тексте перевода он выбирает результатив *труп*).

Помимо метафорического переноса, переводчик может осуществлять метафорическую нейтрализацию:

1) *and fed / Their funeral piles with fuel – а прочие / На скорбные костры носили сучья* [С. А. Степанов] (в оригинале погребальные костры ‘кормят’ топливом (*fed* <...> *with fuel*), в переводе – *носят* (на них) *сучья*);

2) *and made a flame / Which was a mockery – Дыханьем слабым помертвевших уст / Чуть видное на углях вздули пламя* [М. П. Вронченко] (в оригинале аргумент *a flame* (‘пламя’), выступает как результатив по отношению к глагольному предикату-сказуемому воздействия *made* (‘раздули’) и как дескриптив по отношению к придаточной определительной *which was a mockery* (‘которое было насмешкой’); ‘пламя’ в оригинале сравнивается с ‘насмешкой’ поскольку оно слабое; в переводе данный метафорический перенос нейтрализуется и дескриптив *пламя* характеризуется сочетанием наречия-сирконстанта степени и адъективного предиката свойства *чуть видное*).

Кроме вышеупомянутых межъязыковых метафорических преобразований, переводчик также может осуществлять метафорическую дифференциацию, которая понимается как «трансформационная операция, состоящая в изменении в переводе образной основы метафоры с переходом от одного вида объектов к другому» [Гарбовский 2004: 453]. К примеру:

1) *And War, which for a moment was no more, / Did glut himself again – Вражда, затихшая на миг, вспылала снова* [А. П. Милуков] (в ситуации оригинала образный предикатный агентив *War* (‘Война’) выступает как производитель воздействия, направленного на самого себя: *did glut himself* (‘насытила себя’); в ситуации перевода метафора создаётся уже на основе другого образа: *Вражда* <...> *вспылала*; обе ситуации описывают то, что война началась);

2) *and the pang / Of famine fed upon all entrails – муки голода раздирали все утробы* [О. М. Сомов] (образный предикатный агентив *the pang* (‘боль’) в оригинале осуществляет воздействие *to feed upon* (‘поедать’), направленное на объектив *entrails* (‘внутренности’), в переводе данному активному аргументу соответствует образный предикатный агентив *муки*, который выполняет

воздействие *раздирать* на объектив *утробы*; как видно на примере, образная основа метафоры изменилась, однако, ситуация, лежащая в основе, осталась неизменной – действие *поедать* и действие *раздирать* являются гипонимами по отношению к общему гиперониму *причинять боль*).

Семантическое перераспределение представляет собой переводческую трансформацию, в результате которой семы, размещённые в двух понятиях и выраженные двумя словами, оказываются совмещёнными в одном понятии, обозначенным одним словом [Гарбовский 2004: 438]. Например:

1) *the tides were in their grave* – *И успокоились приливы и отливы* [А. П. Милуков] (образному предикатному пациентиву *the tides* в переводе соответствуют аргументы *приливы и отливы* в аналогичной семантической роли; определение понятию '*the tide*' находим в толковом словаре Cambridge: «the rise and fall of the sea that happens twice every day» [Camb.] («повышение и падение уровня океана, которое происходит дважды каждый день»)); таким образом, лексема *the tides* включает в себе значение, которое в языке перевода выражено сочетанием из двух лексем);

2) *Forests were set on fire* – *Леса зажгли* [М. А. Зенкевич] (аналогичное преобразование прослеживается и на данном примере, только теперь это замена глагольного предиката-сказуемого воздействия: сочетанию *to set on fire* (досл. '*передать огню*') в тексте перевода соответствует одна лексема *зажигать*).

К числу эквивалентных семантических преобразований также можно отнести приём модуляции. Данная трансформационная операция, как выяснилось в ходе сопоставительного анализа оригинала и переводов, способствует установлению денотативного тождества, если не затрагивает предикат-сказуемое и валентно необходимых при нём аргументов.

Модуляция (или смысловое развитие) в узком смысле этого слова относится В. Н. Комиссаровым к числу лексико-семантических замен и рассматривается как «замена слова или словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Наиболее часто значения соотнесённых слов в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями» [Комиссаров 1990: 173].

На примере рассмотрим случай замены причины следствием: *And twin'd themselves among the multitude, / Hissing, but stingless* – *среди толпы, / Безвредные, вились, с шипеньем, змеи* [М. П. Вронченко] (адъективный предикат свойства *stingless* (досл. 'не могущие укунить') заменён на адъективный предикат свойства *безвредные*: змеи не могут нанести вред, поскольку не способны укунить).

Данная трансформация может осуществляться и в обратном направлении. В таком случае происходит замена следствия причиной: *licking the hand / Which answer'd not with a caress* – *лижа руку, немогшую уже ласкать его* [О. М. Сомов] (придаточная определительная *which answer'd not with a caress* ('которая не ответила лаской') заменена в переводе на причастный оборот *немогшая уже ласкать*: рука не ответила лаской, поскольку не могла этого сделать).

2.3.2.3. Языковая черта 'преобразованность'

1. Трансформирующее денотативное преобразование

Одним из типов замен, которые способствуют, по нашему мнению, установлению отношения трансформирующего денотативного преобразования между исходной и переводной ситуацией, является смена характера ситуации с активного на псевдо-активный или наоборот.

На примере рассмотрим смену активной ситуации на псевдо-активную: *The bright sun was extinguish'd* – *Погасло солнце яркое* [М. А. Зенкевич] (в оригинальной ситуации воздействие, выраженное глагольным предикатом-сказуемым *was extinguish'd* ('было погашено'), осуществляется нулевым активным производителем воздействия; в ситуации перевода действие *погаснуть* не выполняется аргументом *солнце* – следовательно, ситуация имеет псевдо-активный характер).

Следующее преобразование представляет собой смену псевдо-активной ситуации на активную: *they <...> saw* – *они <...> взглянули* [М. П. Вронченко] (на данном примере прослеживается преобразование типа ситуации противоположного характера – глагол *to see* ('увидеть'), выступающий как предикат-сказуемое псевдо-активного действия, в переводе заменяется на предикат-сказуемое активного действия *взглянуть*).

Утверждение о том, что вышеупомянутые преобразования исходной ситуации способствуют установлению между ситуацией оригинала и ситуацией перевода отношения именно трансформирующего, а не деформирующего денотативного тождества, основывается на факте связанности результирующей и исходной ситуации, которые выступают по отношению друг к другу как ситуация-причина и ситуация-следствие. Так, в первом из рассматриваемых в данной группе преобразований примеров вначале *кто-то погасил (или что-то погасило) солнце* (ситуация-причина), затем *солнце погасло* (ситуация-следствие, смена состояния). Последующим следствием смены состояния будет выступать созерцательная ситуация *солнце погашено*.

Особым случаем преобразования исходной ситуации является применение переводчиком приёма модуляции в узком смысле этого слова. В тех случаях, когда модуляция затрагивает семантику предиката-сказуемого, характер ситуации изменяется с созерцательного на активный либо псевдо-активный или наоборот. При этом, созерцательная ситуация всегда выступает как ситуация-следствие по отношению к активной или псевдо-активной ситуации-причине.

На примере рассмотрим замену созерцательной ситуации-следствия на псевдо-активную ситуацию-причину: *no love was left* – *Любовь они забыли* [С. А. Степанов] ('любви не осталось' вследствие того, что люди забыли её; глагольной предикат действия *забывать* обозначает смену состояния «помнить» на состояние «не помнить»).

В данном случае М. П. Вронченко осуществил замену созерцательной ситуации-следствия на активную ситуацию-причину: *the tides were in their grave* –

во гроб легли приливы [М. П. Вронченко] (‘приливы и отливы оказались в могиле’ после того, как совершили действие *лечь во гроб*; глагольный предикат действия *лечь* обозначает переход из состояния «быть вне могилы» в состояние «находиться в могиле»).

Ниже рассмотрим замену псевдо-активной ситуации-причины на созерцательную ситуацию-следствие: *The moon, their mistress, had expir'd before* – *Луна, учреждавшая некогда правильные их движения, уже не существовала* [О. М. Сомов] (в созерцательной ситуации перевода *луна уже не существует*, поскольку в псевдо-активной ситуации оригинала она ‘умерла’ – произошла смена состояния «живой» на состояние «мёртвый»).

В качестве последнего типа замен в данной группе смысловых преобразований выступает замена активной ситуации-причины на созерцательную ситуацию-следствие: *himself sought out no food* – *Без пищи сам ...* [С. А. Степанов] (созерцательная ситуация в тексте перевода со скрытым предикатом «быть», выражающим состояние, является следствием активной ситуации оригинала: *нѣс без пици (был)*, поскольку ‘не пытался её найти’).

В отличие от деформирующего денотативного преобразования, где ситуация текста перевода является неэквивалентной по отношению к ситуации, представленной в оригинале, денотативное преобразование ситуации вследствие применения модуляции в отношении предиката-сказуемого в результате даёт в переводе ситуацию, которая непосредственно связана с ситуацией в оригинале. Данный тип замен также представляет собой денотативное преобразование, поскольку ситуация изменяется, но результирующая ситуация является логическим развитием оригинальной ситуации (замена причины следствием) либо причиной, объясняющей данное развитие (замена следствия причиной). Таким образом, денотативное преобразование ситуации, заключающееся в переходе от активной либо псевдо-активной ситуации к созерцательной или наоборот, будем называть «трансформирующим». Степень проявления языковой черты

‘преобразованность’, в данном случае, ниже, чем при деформирующем денотативном преобразовании.

Смысловые преобразования, которые будут рассматриваться ниже, сигнализируют о проявлении у переводчика языковой черты «преобразованность» в максимально возможной степени, поскольку результатом их применения является либо замена исходной ситуации на неэквивалентную ситуацию в переводе, либо опущение ситуации оригинала или добавление новой ситуации в текст перевода.

2. Деформирующее денотативное преобразование

Описание иной предметной ситуации в переводе Н. К. Гарбовский называет денотативным преобразованием [Гарбовский 2004: 392]. Если в случае с частичным сигнификативным и денотативным тождеством мы говорили о частичном несовпадении в описании предметной ситуации (с обязательным сохранением её ядра), то при денотативном преобразовании осуществляются неэквивалентные замены ‘ядра’ ситуации: его организующего предикативного центра и управляемых им участников. Назовём данный тип денотативного преобразования ‘деформирующим’.

Рассмотрим на примерах неэквивалентную замену глагольного предиката-сказуемого:

1) *They <...> shivering **scrap'd** with their cold skeleton hands / The feeble ashes* – *Они костлявыми руками **рылись** / В золе чуть теплой* [М. А. Зенкевич] (в оригинальной ситуации агентив *they* (‘они’) выполняет воздействие *to scrape* (‘сгребать’) на объектив *the <...> ashes* (‘зола’), в переводе агентив *они* производит воздействие иного характера – *рыться*, которое, в отличие от исходного, означает «раскапывать что-либо в поисках чего-либо» [СРЯ]).

2) *and the icy earth / **Swung** blind and blackening in the moonless air* – *ослепшая земля / В пространстве черном без пути **металась*** [С. А. Степанов] (в оригинале элементив *the <...> earth* (‘земля’) выполняет действие *to swing*

(‘качаться’), в переводе тот же активный участник ситуации выполняет уже совершенно другое действие – метаться).

Ниже представлены случаи неэквивалентной замены валентно необходимого аргумента при предикате-сказуемом:

1) *and the crackling trunks / Extinguish'd with a crash* – сверкающие **пни** деревьев угасали с последним треском [О. М. Сомов] (объектив *the <...> trunks* (‘стволы’) в переводе заменяется неэквивалентным объективом *пни*);

2) *and the thrones, / The palaces of crowned kings – the huts, / The habitations of all things which dwell, / Were burnt for beacons* – дворцы и троны / Монархов венценосных, и дома, / И хижины; домашние все **вещи** / Сжигались [М. А. Зенкевич] (объектив *the habitations* (‘жилища’) в переводе заменяется на неэквивалентный объектив *вещи*).

К показателям проявления языковой черты ‘преобразованность’ мы также относим опущение исходной ситуации или добавление новой ситуации в текст перевода. Преобразованность, в данных случаях, прослеживается не на уровне отдельной ситуации, а на уровне всего текста.

Опущение ситуации: *Forests were set on fire – but hour by hour / They fell and faded* – Леса они в безумье подожгли [С. А. Степанов].

Добавление ситуации: *The crowd was famish'd by degrees – Земля пуста – и народы исчезали...* [А. П. Миллюков].

В зависимости от того, указывают ли осуществлённые переводчиком преобразования ситуаций текста оригинала на языковую черту ‘тождественность’ или ‘преобразованность’, выделяем три типа ЯЛП поэтического текста в этом отношении: ориентированная на ‘тождественность’, ориентированная на ‘преобразованность’ и ‘сбалансированная’ в отношении данных языковых черт.

Количественная характеристика переводческих трансформаций в рамках данной оппозиции языковых черт представлена в Таблице 6.

Количественная характеристика типов отношений между ситуацией оригинала и ситуацией перевода, являющихся показателями 'тождественности' или 'преобразованности'

Тип отношения между ситуацией оригинала и ситуацией перевода от наиболее к наименее тождественному	Сом.	В.	М.	З.	Ст.
Синтаксическое тождество	3	3	2	1	1
Абсолютное сигнификативное тождество	1	3	3	2	-
Частичное сигнификативное тождество	5	2	3	13	6
Абсолютное денотативное тождество	25	14	6	19	11
Частичное денотативное тождество	25	35	19	18	25
Трансформирующее денотативное преобразование	17	21	26	21	24
Деформирующее денотативное преобразование	11	6	18	4	10
Добавление/опущение ситуации ⁵	4/3	3/7	11/14	2/10	2/12

Основываясь на полученных данных, относим ЯЛП М. П. Вронченко и М. А. Зенкевича к ориентированным на 'тождественность', поскольку они реже остальных осуществляли деформирующее денотативное преобразование исходных ситуаций и в большинстве случаев добились установления одного из типов тождественных отношений между ситуациями оригинала и перевода. ЯЛП О. М. Сомова и С. А. Степанова относим к 'сбалансированным' в отношении рассматриваемых здесь языковых черт, поскольку они осуществляли деформирующее денотативное преобразование ситуаций оригинала чаще, чем первая группа переводчиков. В переводе О. М. Сомова частотность установления тождественных отношений различного типа между ситуациями оригинала и перевода находится на уровне переводов М. П. Вронченко и М. А. Зенкевича. Данная частотность ниже в переводе С. А. Степанова. ЯЛП А. П. Милюкова считаем ориентированной на 'преобразованность', поскольку он чаще других переводчиков заменял исходные ситуации неэквивалентными и добавлял новые ситуации в текст перевода или опускал исходные, значительно реже остальных устанавливал отношения тождественности между предметными ситуациями.

⁵ Последний пункт не является типом отношений между ситуацией оригинала и ситуацией перевода.

Отметим, что если суммировать количество случаев установления отношений тождественности/преобразованности между ситуациями в каждом из переводов, итоговое число не будет равняться 93 (количеству исходных ситуаций). Это объясняется фактами опущения предметных ситуаций оригинала, а также случаями объединения двух ситуаций в одну, как в данном примере: *Morn came and went – and came – За утром утро шло* [М. А. Зенкевич].

В тексте оригинала присутствуют три разворачивающиеся последовательно ситуации: *'утро пришло'*, *'(утро) ушло'* и *'(утро) пришло'*. В переводе им соответствует одна ситуация, которая называет то же положение дел, что и в оригинале – приход и уход утра. В переводе это реализуется за счёт добавления аргумента *за утром*, который выступает в функции предикатного объекта.

2.3.2.4. Метрико-ритмовый аспект оппозиции

Помимо вышеупомянутых типов преобразований, затрагивающих, в большинстве своём, семантический уровень (за исключением случаев синтаксического преобразования), показателем языковых черт 'тождественность' и 'преобразованность', по нашему мнению, является собственно формальный аспект перевода поэтического произведения. В случае с переводом белого стиха, под которым понимается «форма нерифмованного стиха, традиционно применяемая в силлаботонике» [ЛЭ], основной задачей переводчика, по-видимому, является передача оригинального метра и ритмической структуры поэтического произведения.

Поэма “Darkness” Дж. Г. Байрона написана пятистопным ямбом. Ямб представляет собой «тип силлабо-тонического метра, в стопах которого по два слога, ударение стоит на втором» [ЛИЯ]. Пятистопный ямб означает наличие пяти стоп в каждой строке. Стихотворная стопа – это «сочетание долгих и кратких слогов, закономерно повторяющееся в стихе» [ЛЭ].

Рассмотрим ритмическую схему первых пяти строк данной поэмы:

<p>2. Перевод М. А. Зенкевича</p> <p><i>Я видел сон, не все в нем было сном.</i></p> <p><i>Погасло солнце яркое, и звезды</i></p> <p><i>Без света, без путей в пространстве вечном</i></p> <p><i>Блуждали, и замерзшая земля</i></p> <p><i>Кружилась слепо в темноте безлунной.</i></p>	<p>УДУДУДУДУД*</p> <p>УДУДУДУУУД</p> <p>УДУУУДУДУД</p> <p>УДУУУДУУУД*</p> <p>УДУДУУУДУД</p>
<p>3. Перевод С. А. Степанова</p> <p><i>И был мне сон... Но был ли это сон?..</i></p> <p><i>Затмилось солнце, звезды покосились</i></p> <p><i>И разбрелись, луча не проронив</i></p> <p><i>В бездонный мрак; ослепшая земля</i></p> <p><i>В пространстве черном без пути металась;</i></p>	<p>УДУДУДУДУД*</p> <p>УДУДУДУУУД</p> <p>УУУДУДУУУД*</p> <p>УДУДУДУУУД*</p> <p>УДУДУУУДУД</p>

Отметим, что ритмическая структура переводов отличается от оригинальной поэмы не только в отношении характера чередования сильных и слабых слогов, но также и наличием в переводах безударных слогов в конце некоторых строк. На ритмических схемах строки, в которых отсутствует конечный безударный слог, помечены символом “*”. Длина такой строки равна 10 слогам и соответствует длине строк в оригинале. Длина остальных строк составляет 11 слогов.

Перевод А. П. Милюкова выделяется среди трёх вышеупомянутых неполным совпадением метра со стихотворным размером исходного произведения. Данный перевод также выполнен ямбом, однако, ямб шестистопный:

<p><i>Я видел сон – и может быть, не вовсе сон...</i></p> <p><i>Казалось мне, что солнце вдруг исчезло с неба,</i></p> <p><i>И звезды все померкли и в пустом пространстве</i></p> <p><i>Скитались без лучей; а хладная земля</i></p> <p><i>В безлунном воздухе висела неподвижно.</i></p>	<p>УДУДУДУДУД*</p> <p>УДУДУДУДУДУД</p> <p>УДУДУДУУУДУД</p> <p>УДУУУДУДУУУД*</p> <p>УДУДУУУДУУУД</p>
--	---

Результатом выбора переводчиком шестистопного ямба является удлинение строки на два слога. Как следствие – чередование строк длиной в 12 и 13 слогов (строки длиной в 12 слогов помечены на ритмической схеме соответствующим символом).

Построение ритмической схемы оригинального стихотворного произведения и его переводов позволяет осуществить последующее создание так называемого «ритмического профиля» стихотворения [Гаспаров 2001: 87]. Его построение делает возможным выражение различия между ритмами отдельных стихотворений в точных цифрах [Мартыненко 2019: 106]. Построение ритмического профиля осуществляется в два этапа: подсчёт числа ударений на каждом сильном слоге каждой стопы и установление процентного отношения полученной величины к общему числу строк стихотворения. Полученный процентный ряд, в результате, складывается в последовательность, именуемую ритмическим профилем стихотворения [Гаспаров 2001: 87–90].

Отметим, что количество строк в переводах М. П. Вронченко, М. А. Зенкевича и С. А. Степанова совпадает с количеством строк в оригинальной поэме, где их 82. Перевод А. П. Милюкова несколько отличается количеством строк от оригинала – у него их 85. Тем не менее, ритмический профиль представляет собой усреднённую схему всего стихотворного произведения, вне зависимости от количества строк последнего, что делает возможным сравнение данного ритмического профиля с оригинальным произведением и другими переводами.

Ниже рассмотрим числовое представление ритмических профилей поэмы “Darkness” Дж. Г. Байрона и её переводов (см. Таблицу 7):

Числовое представление ритмических профилей
поэмы “Darkness” Дж. Г. Байрона и её переводов

№	Переводчик	Разница между ритмическим профилем оригинала и перевода (в %)	Показатель частотности ударения на каждом сильном слоге каждой из стоп (в %)					
			1	2	3	4	5	6
0	Оригинал	-	78	74	70	71	96	-
1	М. П. Вронченко	7	82	83	67	65	100	-
2	М. А. Зенкевич	13	94	63	68	56	100	-
3	С. А. Степанов	16	93	68	77	44	99	-
4	А. П. Милюков	20 (первые 5 стоп)	85	62	67	82	40	99

Количественное представление ритмического профиля оригинала и переводов делает возможным последующее вычисление процентной разницы между их ритмическими профилями. Для определения процентной разницы количества ударений на каждом из сильных слогов каждой стопы между отдельными ритмическими профилями обратимся к формуле расчёта процента, на который изменяется первоначальное значение (‘percentage change’):

$r = ((y - x)/x)*100$, где r это проценты, x – первоначальное значение, y – конечное значение [Vartia 1976: 188]. Величина, вычисляемая по данной формуле, будет отрицательной, когда первоначальное значение больше конечного. В таком случае отрицательность значения не будет учитываться при дальнейших вычислениях, поскольку нас интересует только количественный показатель разницы, а не факт увеличения или уменьшения значения, поскольку оба этих варианта изменения значения будут сигнализировать об отклонении от ритмического профиля оригинала.

Процентную разницу между ритмическими профилями, представляющими собой совокупность процентного показателя количества ударений на каждом сильном слоге каждой стопы, будем вычислять путём деления полученного по формуле процентного значения на общее количество стоп.

К примеру, процентная разница между ритмическими профилями поэмы “Darkness” Дж. Г. Байрона и её переводом, выполненным М. П. Вронченко, вычисляется в 6 этапов, которые представлены ниже. Первые 5 этапов – это

вычисление процентной разницы между процентным показателем частотности ударения на каждом сильном слоге каждой из стоп в оригинальной поэме и её переводе. Последний этап – вычисление среднего арифметического между полученными значениями. Получаемые в ходе вычислений конечные значения будем округлять до целого числа.

$$\text{Стопа 1: } ((82 - 78)/78) * 100 = 5$$

$$\text{Стопа 2: } ((83 - 74)/74) * 100 = 12$$

$$\text{Стопа 3: } ((67 - 70)/70) * 100 = -4$$

$$\text{Стопа 4: } ((65 - 71)/71) * 100 = -8$$

$$\text{Стопа 5: } ((100 - 96)/96) * 100 = 4$$

Процентная разница между ритмическими профилями (как среднее арифметическое между показателями на каждой из пяти стоп):

$$(5 + 12 + 4 + 8 + 4)/5 = 7$$

Ритмический профиль перевода А. П. Милюкова, выполненный шестистопным ямбом, невозможно в полной мере сравнить с ритмическим профилем оригинала по причине дополнительной стопы. Поскольку в оригинале она отсутствует, при подсчёте в рамках шести стоп процентное значение ударения на её сильном слоге равнялось бы нулю. Деление на нуль осуществить невозможно. Поэтому в качестве разницы между ритмическими профилями данного перевода и оригинала будем считать значение, полученное при сравнении первых пяти стоп. Тем не менее, при определении степени формальной тождественности оригиналу факт наличия дополнительной стопы обязательно должен приниматься во внимание.

Ритмические профили стихотворений также можно представить и в графической форме с целью их визуального сравнения. На графиках, представленных ниже, ритмический профиль оригинала выполнен обычной линией, ритмический профиль каждого из переводов – жирной.

На Графике 1 представлен ритмический профиль оригинального произведения и перевода М. П. Вронченко, на Графике 2 – ритмический профиль оригинала и перевода М. А. Зенкевича.

На Графике 3 представлен ритмический профиль оригинального произведения и перевода С. А. Степанова, на Графике 4 – ритмический профиль оригинала и перевода А. П. Милюкова.

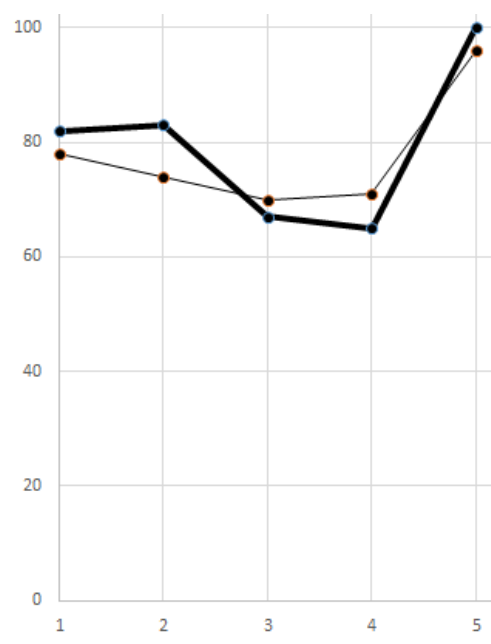

График 1.

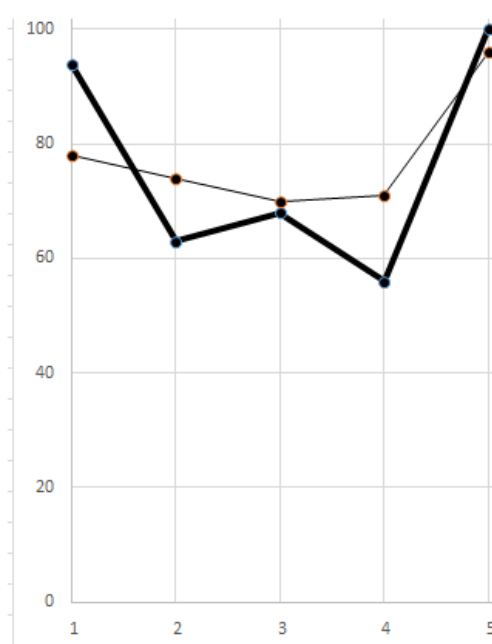

График 2.

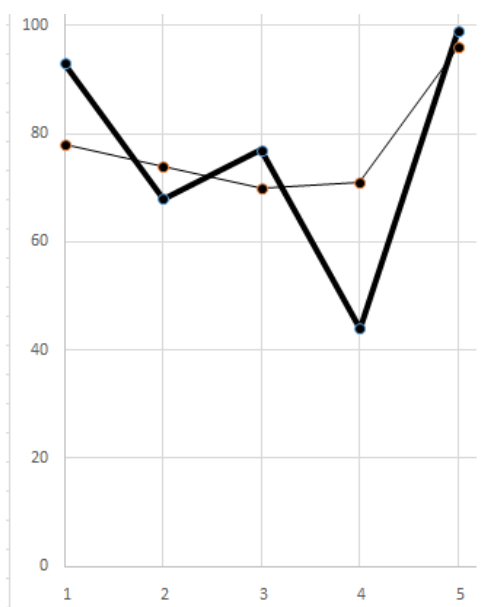

График 3.

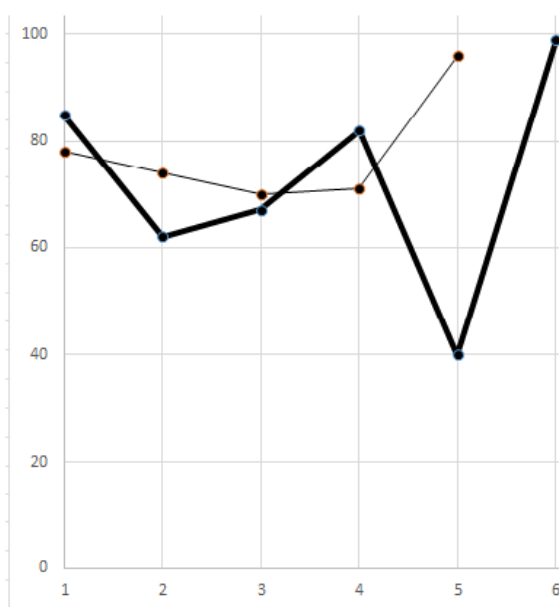

График 4.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что языковая черта 'тождественность' в отношении ритмической организации перевода по отношению к оригиналу наиболее ярко проявляется у М. П. Вронченко. Ритмические профили переводов, выполненных М. А. Зенкевичем и С. А. Степановым также довольно близки оригиналу. Степень тождественности перевода А. П. Милюкова по отношению к оригинальной поэме с точки зрения формы произведения значительно ниже, чем у вышеупомянутых переводов. Причиной тому явился выбор А. П. Милюкова переводить оригинал, написанный пятистопным ямбом, шестистопным ямбом. Последствием данного решения стало удлинение строки на два слога, что привело к различию ритмических профилей данного перевода и оригинальной поэмы в 20% относительно первых пяти стоп.

Перевод О. М. Сомова не является эквивалентным оригиналу с точки зрения стихотворной формы, поскольку он выполнен в прозе. Данный факт является максимально возможным показателем языковой черты 'преобразованность' относительно ритмической структуры стиха.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. На экспонентном уровне дискурса в структуре ЯЛП поэтического текста располагается оппозиция языковых черт 'активность' – 'созерцательность'. Данные языковые черты проявляются как в случае осуществления переводчиком преобразований в рамках отдельных лексических единиц, так и в пределах целых ситуаций. Так, языковая черта 'активность' на уровне лексических единиц обнаруживается при замене менее 'динамических' исходных предикатов более 'динамическими' предикатами в текстах перевода. Данный тип преобразований был назван нами движением от статичности к динамичности. Кроме того, 'активность' прослеживается и в случае замены единицы с более выраженным номинативным характером на единицу с более явным предикативным характером.

На уровне целых ситуаций 'активность' проявляется при замене исходной 'созерцательной' ситуации с организующим её предикатом-сказуемым состояния или свойства на 'активную' или 'псевдо-активную' ситуацию с предикатом-сказуемым действия или воздействия. Помимо этого, 'активность' также обнаруживается в случае смены исходной 'созерцательной' семантической роли аргумента на 'псевдо-активную' либо 'активную' без изменения типа ситуации, а также при добавлении активной либо псевдо-активной ситуации в текст перевода или опущении созерцательной ситуации. Языковая черта 'созерцательность' проявляется у переводчика поэтического текста в случае применения преобразований, по своей сути прямо противоположных тем операциям, которые сигнализируют о проявлении в структуре ЯЛП поэтического текста языковой черты 'активность'.

2. На субстанциональном уровне дискурса у ЯЛП поэтического текста проявляются языковые черты, представленные в оппозициях 'конкретность' – 'абстрактность' и 'аналитичность' – 'синтетичность'. 'Конкретность' проявляется у переводчика в случае замены единицы с широкой сферой референции на единицу с более узкой сферой отнесённости. В ходе анализа языкового материала нами были выявлены следующие типы замен такого характера: собственно конкретизация, конкретизация при повторной номинации, 'уточняющая' синекдоха, замена генерализованного имплицитно выраженного в поверхностной структуре аргумента на конкретный эксплицитно выраженный аргумент. Языковая черта 'абстрактность' представлена противоположными по своей сути заменами. 'Аналитичность' обнаруживает себя в том случае, когда исходная ситуация представляется в тексте перевода в более детализованном виде, что происходит за счёт добавления к ней смысловых элементов различного типа. Данные смысловые элементы в поверхностной структуре репрезентируются знаковыми единицами, которые могут являться как 'ядерными' компонентами ПВ, так и его опциональными элементами. Кроме того, помимо добавления различного типа знаков в исходное ПВ, встречаются и случаи добавления целых

ПВ, являющихся репрезентациями ситуаций, не представленных в оригинальном тексте. Языковая черта ‘синтетичность’ проявляется в случаях опущений ядерных и опциональных компонентов ПВ, а также целых ПВ.

3. Интенциональный уровень дискурса в структуре ЯЛП поэтического текста включает в себя две оппозиции языковых черт: ‘буквальность’ – ‘образность’ и ‘тождественность’ – ‘преобразованность’. О языковой черте ‘буквальность’ свидетельствует замена исходной языковой единицы на менее образную или опущение образной языковой единицы, об образности – замена исходной языковой единицы на более образную или добавление образной языковой единицы. ‘Тождественность’ обнаруживается у переводчика в случае применения им таких переводческих преобразований прагматического, семантического и синтаксического характера, которые обеспечивают достижение отношения тождественности между исходной единицей и единицей текста перевода на одном из трёх уровней эквивалентности: формальном (синтаксическом), смысловом (семантическом) и коммуникативном (прагматическом). Языковая черта ‘преобразованность’ проявляется у переводчика в случае осуществления им неэквивалентных замен, добавлений и опущений, что приводит к деформациям коммуникативного, содержательного и формального аспектов оригинального поэтического произведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено проблеме моделирования языковой личности переводчика. В качестве объекта исследования выступает языковая личность переводчика поэтического текста как структурное образование, включающее в себя оппозиции языковых черт. Предметом исследования являются формальные и смысловые преобразования исходного поэтического произведения, которые являются показателем той или иной языковой черты в структуре языковой личности конкретного переводчика. Материалом исследования послужил оригинал поэмы Дж. Г. Байрона “Darkness” (1816) и пять её переводов, которые были выполнены О. М. Сомовым (1822), М. П. Вронченко (1828), А. П. Милюковым (1869), С. А. Степановым (1988) и М. А. Зенкевичем (1953) в различные исторические периоды.

В качестве базовой концепции исследования нами была выбрана структурная модель языковой личности, представленная в работе С. А. Сухих [Сухих 1998]. Данная уровневая модель была построена исследователем на материале диалогов, что определило её дискурсивную специфику.

Анализ модели позволил прийти к выводу, что она может быть использована для уровневого представления языковой личности переводчика поэтического текста при некоторых уточнениях с учётом особенностей переводческой деятельности и поэтического перевода. Так, в качестве релевантных для языковой личности переводчика поэтического текста языковых черт на экспонентном уровне были определены личностные черты ‘активность’ и ‘созерцательность’. Языковые черты в оппозициях ‘конкретность’ – ‘абстрактность’ и ‘аналитичность’ – ‘синтетичность’, располагающиеся на субстанциональном уровне дискурса, были охарактеризованы как личностные черты, присущие языковой личности переводчика поэтического текста. Характеристика интенционального уровня дискурса в отношении совокупности

представленных в его рамках языковых черт подверглась существенной модификации.

Отметим, что содержание вышеупомянутых языковых черт уточнялось в диссертации на основе учёта специфики переводческой деятельности. Было определено, что показателями каждой из языковых черт в структуре языковой личности переводчика поэтического текста являются переводческие преобразования трансформирующего или деформирующего характера. Следовательно, формальные маркеры, сообщающие о проявлении той или иной языковой черты у переводчика, необходимо выявлять путём сопоставительного анализа оригинального поэтического произведения с продуктом переводческой деятельности – текстом перевода.

С целью проникновения в суть переводческих преобразований, сообщающих об особенностях организации языковой личности конкретного переводчика, в диссертации был определён основной метод анализа языкового материала, в качестве которого выступил семантико-синтаксический анализ предикатного выражения, содержательной стороной которого является смысловая структура, экспонентом – синтаксическая конструкция, а референтом – предметная ситуация. Терминологической и методологической базой анализа выявленных в языковом материале принципиальных содержательных оппозиций послужила концепция семантико-синтаксической организации предложения, предложенная В. В. Богдановым [Богданов 1977].

Экспонентный уровень ЯЛП исследован в диссертации в рамках основной оппозиции ‘активность’ – ‘созерцательность’; было предложено решение задачи по распределению семантических функций участников ситуации, выделенных в подходе В. В. Богданова, на отдельные группы на базе признаков ‘активность’, ‘псевдо-активность’, ‘пассивность’ и ‘созерцательность’.

На субстанциональном уровне ЯЛП описаны две характерные оппозиции. В пределах языковых черт ‘конкретность’ и ‘абстрактность’, составляющих соответствующую оппозицию, были выявлены типы переводческих

преобразований, суть которых заключается в сужении и расширении сферы референции языковых единиц. В рамках оппозиции ‘аналитичность’ – ‘синтетичность’ выявлены типы знаковых единиц, добавляемых или опускаемых в процессе перевода.

Оппозиция ‘буквальность’ – ‘юмористичность’, представленная в концепции С. А. Сухих, была определена нами как специфичная для конкретного исследованного автором диалогического бытового дискурса. С учетом дискурсивных особенностей лирического поэтического текста данная оппозиция, по нашему мнению, должна принять следующий вид: ‘буквальность’ – ‘небуквальность’. На основе учёта характера поэтического дискурса и переводческой деятельности данная оппозиция языковых черт была уточнена и представлена в виде оппозиции ‘буквальность’ – ‘образность’.

На интенциональном уровне языковой личности в диссертации была изучена оппозиция языковых черт ‘тождественность’ – ‘преобразованность’, в рамках которой реализуется направленность переводчика на установление отношений тождественности формального, смыслового и коммуникативного характера между оригиналом и переводом, либо склонность последнего к преобразованию упомянутых аспектов оригинального произведения. На данном этапе исследования мы опирались на понимание концепции уровневой эквивалентности, представленное в работе Н. К. Гарбовского [Гарбовский 2004].

В ходе сопоставительного анализа оригинального произведения и его переводов в рамках оппозиции ‘тождественность’ – ‘преобразованность’ особое внимание уделялось степени передачи эстетико-воздействующего коммуникативного аспекта оригинального произведения (сохранение исходной стихотворной формы), смыслового аспекта рассматриваемой поэмы (степень смысловой тождественности ситуаций, представленных в оригинале, по отношению к ситуациям, представленным в переводе), а также жанрово-формальной стороны оригинального произведения (степень тождественности ритмического профиля оригинала по отношению к ритмическому профилю

переводного произведения). Количественное и графическое представление ритмических профилей рассматриваемых поэм осуществлялось нами на основе метода построения ритмического профиля стихотворения, разработанного М. Л. Гаспаровым [Гаспаров 2001].

Данный метод был дополнен в диссертации формулой расчёта процентной разницы между ритмическим профилем оригинала и ритмическим профилем текста перевода. Это позволило осуществить не только визуальное сопоставление полученных ритмических профилей, но и вычислить точное числовое значение их соответствия друг другу.

Гипотеза о том, что характер перевода поэтического текста обусловлен спецификой языковой личности переводчика, ответственного за его создание, по нашему мнению, полностью подтвердилась в ходе исследования. На данный факт указывает наличие существенных различий между переводами как на уровне прагматики (прозаический перевод О. М. Сомова в противоположность стихотворным переводам), так и на содержательном (различная степень проявления языковых черт 'тождественность' и 'преобразованность' в отношении содержательного аспекта произведения) и формальном уровнях (перевод шестистопным ямбом, выполненный А. П. Милюковым, а также различная степень тождественности ритмических профилей переводов по отношению к оригиналу). Такое положение дел не представляется возможным объяснить ни с позиции различия в языковых системах английского и русского языков, ни с точки зрения влияния переводческой традиции, господствующей в определённый исторический период, на характер текста перевода.

Перспективу дальнейшей разработки концепции языковой личности переводчика поэтического текста мы видим в привлечении обширного языкового материала для моделирования языковой личности отдельного переводчика в диахроническом аспекте с целью обнаружения возможного изменения его переводческой стратегии с течением времени. Кроме того, значительный интерес представляет возможность применения интроспекции в рамках лингводидактики

с целью выявления и осознания профессиональными переводчиками собственных личностных особенностей, что в перспективе может благотворно сказаться на качестве осуществляемых ими переводов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1973. – 366 с.
2. Адмони, В. Г. Синтаксическая семантика – это семантика синтаксических структур / В. Г. Адмони // Проблемы синтаксической семантики. – М. : Наука, 1976.– С. 3–8.
3. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ. – М. : Академия, 2004. – 352 с.
4. Алисова, Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка : Семантическая и грамматическая структура простого предложения / Т. Б. Алисова. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1971. – 293 с.
5. Алякринский, О. А. Поэтический текст и поэтический смысл / О. А. Алякринский // Тетради переводчика. – М. : Высш. шк., 1982. – Вып. 19. – С. 20–32.
6. Андреев, В. С. Языковая модель развития индивидуального стиля (на материале стихотворных текстов поэтов-романтиков) / В. С. Андреев. – Смоленск : Смоленский гос. ун-т, 2011. – 338 с.
7. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика : Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
9. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Русский язык. Энциклопедия. – М. : 1979. – С. 140–141.
10. Балли, Ш. Французская стилистика. Пер. с франц. / Ш. Балли. – М. : 1961. – 369 с.
11. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Международ. отношения, 1975. – 239 с.

12. Бассин, Ф. В. «Значащие» переживания и проблема собственно-психологической закономерности / Ф. В. Бассин // Вопросы психологии. – 1972. – № 3. – С. 105–124.
13. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
14. Богин, Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Ленинград, 1984. – 31 с.
15. Богин, Г. И. Относительная полнота владения вторым языком / Г. И. Богин. – Калинин : Калининск. гос. ун-т, 1978. – 54 с.
16. Богин, Г. И. Противоречия в процессе формирования речевой способности / Г. И. Богин. – Калинин : Калининск. гос. ун-т, 1977. – 84 с.
17. Богин, Г. И. Современная лингводидактика / Г. И. Богин. – Калинин : Калининск. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
18. Богин, Г. И. Уровневое развитие языковой личности / Г. И. Богин // Обретение способности понимать : работы разных лет. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2009. – Т. 1. – С. 5–103.
19. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий. – Изд. 5-е. – М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. – 254 с.
20. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола : монография – 3-е изд. / Н. Н. Болдырев. – М.-Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 213 с.
21. Борисоглебская, Э. И. Русский язык : Пособие для поступающих в вузы / Э. И. Борисоглебская, В. П. Гурченкова, А. Е. Курбыко и др. – 4-е изд., перераб. и доп. – Мн. : Выш. шк., 1998. – 445 с.
22. Бродский, И. А. Письмо Горацию / И. А. Бродский. – М. : Наш дом – L'Age d'Homme, 1998. – 340 с.

23. Бубнова, И. А. Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности : новое направление психолингвистических исследований. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / И. А. Бубнова // Ред. В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2017. – С. 97–179.

24. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М. : Наука. 1982. – С.7–86.

25. Бушев, А. Б. Языковая личность профессионального переводчика / А. Б. Бушев. – Тверь : ООО «Лаборатория деловой графики», 2010. – 265 с.

26. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа : Пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. / Й. Л. Вайсгербер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

27. Вардуть, И. Ф. Основы описательной лингвистики / И. Ф. Вардуть. – М. : Наука, 1977. – 351 с.

28. Васильев, Л. Г. К вопросу о терминологии синтаксической семантики / Л. Г. Васильев // Лексическая и синтаксическая семантика. – Барнаул : Алтайск. гос. ун-т, 1980. – С. 27–37.

29. Васильев, Л. Г. К оценке предикатно-аргументных концепций американской синтаксической семантики / Л. Г. Васильев // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин : Калининск. гос. ун-т, 1983. – С. 92–99.

30. Васильев, Л. Г. К семантическому анализу моделирования предложения / Л. Г. Васильев // Дискуссионные вопросы современной лингвистики. Вып. 3. Сб. научн. тр. / Ред. Л. Г. Васильев. – Калуга : Калужск. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 6–10.

31. Васильев, Л. Г. Методология семантической теории У. Чейфа / Л. Г. Васильев. – Деп. в ИНИОН АН СССР 23.12.82. № 11877. – 8 с.

32. Васильев, Л. Г. Падежные грамматики в американском языкознании / Л. Г. Васильев // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике : Мат-лы Всероссийской научно-методич. конференции. 21–22 октября 2016 г. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2016. – С. 48–56.

33. Васильев, Л. Г. Семантика в синтаксисе и за его пределами: к истории изучения значения предложения / Л. Г. Васильев // Предложение и слово. – Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. – С. 197–198.
34. Верли, М. Общее литературоведение. Пер. с нем. / М. Верли. – М. : Изд-во иностр. литературы, 1957. – 241 с.
35. Виноградов, В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
36. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
37. Войнич, И. В. Стратегия перевода и «видимость»/«невидимость» переводчика / И. В. Войнич // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 30 (168). Филология. Искусствоведение. Вып. 35. – С. 56–63.
38. Волошин, М. А. Поль Верлен. Стихи, выбранные и переведенные Ф. Сологубом / М. А. Волошин // Созвучья : Стихи зарубеж. поэтов в пер. Иннокентия Анненского, Фёдора Сологуба. – М. : Прогресс, 1979. – С. 159–163.
39. Воркачѳв, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачѳв // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64–73.
40. Воробѳѳев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробѳѳев. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2008. – 340 с.
41. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 501 с.
42. Гак, В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения : автореф. дис... д-ра филол. наук : 10.00.00 / Гак Владимир Григорьевич. – М., 1968. – 55 с.
43. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

44. Гак, В. Г. Теория и практика перевода. Французский язык / В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев. – М. : Интердиалект, 1997. – 456 с.
45. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
46. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
47. Гаспаров, М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях / М. Л. Гаспаров. – М. : Фортуна Лимитед, 2001. – 288 с.
48. Гачечиладзе, Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Р. Гачечиладзе. – 2-е изд. – М. : Сов. писатель, 1980. – 255 с.
49. Голев, Н. Д. Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношений языкового и персонного пространства) / Н. Д. Голев // Языковая личность : моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / Ред. Н. Д. Голев, Н. В. Мельник. – М. : Ленанд, 2014. – Ч. 1. – С. 10–33.
50. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е. И. Голованова. – М., 2011. – 224 с.
51. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность в когнитивно-коммуникативном аспекте / Е. И. Голованова. – Челябинск, 2013. – 251 с.
52. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность : специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики / Е. И. Голованова // Non multum, sed multa : Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии : сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой. – М. : Авторская академия, 2010. – С. 261–270.
53. Головина, Т. А. Лингвоперсонологическое функционирование частей речи : статистический аспект (на материале художественных текстов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Головина Татьяна Анатольевна. – Барнаул, 2008. – 203 с.

54. Гончаренко, С. Ф. Информационный аспект межъязыковой поэтической коммуникации / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – М. : Высш. шк., 1987. – Вып. 22. – С. 38–49.

55. Гончаренко, С. Ф. К вопросу о поэтическом переводе / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – М. : Высш. шк., 1972. – Вып. 9. – С. 81–100.

56. Гончаренко, С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии : константы и вариативность / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – М. : Междунар. отношения, 1999. – Вып. 24. – С. 107–122.

57. Григорьев, В. П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии / В. П. Григорьев. – М., 1979. – 343 с.

58. Гумилев, Н. С. Письма о русской поэзии / Н. С. Гумилёв // Сост. Г. М. Фридендер (при участии Р. Д. Тименчика). – М. : Современник, 1990. – 383 с.

59. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

60. Демьянков, В. З. Предикаты и концепция семантической интерпретации / В. З. Демьянков // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1980. – № 4. – С. 336–346.

61. Егер, Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С. 137–156.

62. Ерофеева, Т. И. Опыт исследования речи горожан : территориальный, социальный и психологический аспекты / Т. И. Ерофеева. – Свердловск : Изд-во Уральск. ун-та, 1991. – 135 с.

63. Ерофеева, Т. И. Современная городская речь : монография / Т. И. Ерофеева. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 2004. – 316 с.

64. Ерофеева, Т. И. Социолект : стратификационное исследование / Т. И. Ерофеева. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 2009. – 240 с.

65. Жирмунский, В. М. Введение в метрику. Теория стиха / В. М. Жирмунский. – Л. : Academia, 1925. – 286 с.

66. Загоровская, О. В. Культура речи и языковая личность / О. В. Загоровская // Материалы научной сессии «ВЭПИ – 2002». – Воронеж : Воронеж. экон.-прав. ин-т, 2002. – С. 58–65.

67. Загоровская, О. В. Речевое портретирование социальной группы как задача современной лексикографии / О. В. Загоровская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2013. – № 2. – С. 174–177.

68. Залевская, А. А. Вопросы классификации языковых и речевых ошибок / А. А. Залевская // Перевод и сопоставительная лингвистика : Периодический научный журнал / Ред. А. В. Шевнин. – Екатеринбург : Уральский гуманитарный ин-т, 2009. – Вып. 6. – С. 6–22.

69. Залевская, А. А. Языковое сознание : вопросы теории / А. А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2003. – №1. – С. 30–34.

70. Звегинцев, В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В. А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1981. – Вып.10. Лингвистическая семантика. – С. 5–32.

71. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.

72. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Моск. гос. ун-т, 2004. – 544 с.

73. Золотова, Е. С. Особенности реализации профессиональной языковой личности в текстах естественной письменной речи предпринимателей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Золотова Екатерина Сергеева. – Челябинск, 2013. – 22 с.

74. Зыкова, И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты / И. В. Зыкова. – М. : Гнозис, 2017. – 752 с.

75. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.

76. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность : культурные концепты. – Волгоград–Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16.

77. Карасик, В. И. Религиозный дискурс личности / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 5–19.

78. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

79. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Сб. Язык и личность. – М., 1989. – С. 3–8.

80. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

81. Караулов, Ю. Н. Языковая личность / Ю. Н. Караулов // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 671–672.

82. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М. : Наука, 1988. – 311 с.

83. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.

84. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.

85. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.

86. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

87. Копанев, П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода / П. И. Копанев. – Минск : Изд-во Белорусск. гос. ун-та, 1972. – 420 с.

88. Кочеткова, Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Кочеткова Татьяна Васильевна. – Саратов, 1999. – 532 с.

89. Красных, В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2016. – 496 с.

90. Кузневич, З. А. Языковая личность в литературно-художественном дискурсе Эрнеста Хемингуэя : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кузневич Зинаида Аркадьевна. – Иркутск, 1999. – 27 с.

91. Кузьмина, С. Е. Исследование семантики предложения в концептуальном аспекте / С. Е. Кузьмина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №4. – С. 92–96.

92. Кэтфорд, Дж. К. Лингвистическая теория перевода / Дж. К. Кэтфорд // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С. 91–114.

93. Лазуренко, Е. Ю. Профессиональная коммуникативная личность / Е. Ю. Лазуренко, М. С. Саломатина, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 194 с.

94. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 543 с.

95. Ларин, Б. А. О лирике как разновидности художественной речи (Семантические этюды) (1925) / Б. А. Ларин // Эстетика слова и язык писателя. – Л. : Изд-во Худ. литература, 1969. – С. 54–104.

96. Литвинов, В. П. Введение в проблему «теории иностранного языка» / В. П. Литвинов // Пути к теории иностранного языка. Сб. науч. тр. – Пятигорск : Пятигорский гос. пед. ин-т иностр. языков, 1990. – С. 8–30.

97. Лозинский, М. Л. Искусство стихотворного перевода / М. Л. Лозинский // Перевод – средство взаимного сближения народов. – М. : Прогресс, 1987. – 389 с.
98. Ломтев, Т. П. Структура предложения в современном русском языке / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 198 с.
99. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман // Уч. записки Тартинского ун-та. – Тарту : Тартуск. ун-т, 1964. – Вып. 60. – 196 с.
100. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972. – 271 с.
101. Маляров, Д. В. Системный анализ концепций отечественной синтаксической семантики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Маляров Дмитрий Валерьевич. – Калуга, 2005. – 198 с.
102. Мартыненко, Г. Я. Методы математической лингвистики в стилистических исследованиях / Г. Я. Мартыненко. – СПб. : Нестор-История, 2019. – 296 с.
103. Маслова, В. А. Homo Lingualis в культуре / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
104. Матросова, И. А. Падежно-ролевой анализ прямых и переносных значений английской глагольной лексики : на примере глаголов melt и cook : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Матросова Инна Александровна. – Абакан, 2010. – 180 с.
105. Матросова, И. А. Проблема классификации семантических ролей в падежной грамматике / И. А. Матросова // Актуальные вопросы современной науки. – Новосибирск : Научно-издательский центр «Открытие», 2009. – С. 148–160.
106. Мельник, Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н. В. Мельник // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 200–207.

107. Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст» / И. А. Мельчук. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 682 с.
108. Москальская, О. И. Проблемы системного описания синтаксиса / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 175 с.
109. Мухин, А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка / А. М. Мухин. – Л. : Наука, 1980. – 303 с.
110. Найда, Ю. К науке переводить / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С. 114–137.
111. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод : Сб. науч. тр. – М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. – Вып. 426. – С. 112–116.
112. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
113. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М. : Российский гос. гум. ун-т, 2011. – 672 с.
114. Попова, И. Ю. «Свинцовое эхо» Дж. М. Хопкинса. К проблеме перевода «сложной» поэзии / И. Ю. Попова // Тетради переводчика. – М. : Высш. шк., 1984. – Вып. 21. – С. 48–56.
115. Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности / А. А. Потебня // Русская словесность. Антология. – М. : Просвещение, 1997. – С. 66–84.
116. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2007. – 256 с.
117. Почепцов, Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения / Г. Г. Почепцов. – Киев : Вища школа, 1971. – 192 с.
118. Почепцов, Г. Г. Предложение / Г. Г. Почепцов, В. П. Иванова, В. В. Бурлакова // Теоретическая грамматика современного английского языка. – М. : Высш. шк., 1981. – С. 164–281.

119. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб.пособие / Ю. Е. Прохоров. – 5-е изд., стереотип. – М. : Флинта; Наука, 2016. – 224 с.

120. Пшенина, Т. Е. Дискурсное описание языковой личности Катулла : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Пшенина Татьяна Евгеньевна. – Алматы, 2000. – 31 с.

121. Ревзина, О. Г. Загадки поэтического текста / О. Г. Ревзина // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М. : Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова, 2002. – С. 421.

122. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.

123. Русская грамматика / Ред. Н. Ю. Шведова. – Т 2. – М. : Наука, 1980. – 710 с.

124. Рыжкова, Е. С. Новые аспекты изучения языковой личности в современной отечественной лингвистике / Е. С. Рыжкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – №9. – С. 328–332.

125. Сазонова, И. К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь / И. К. Сазонова. – М. : Русский язык, 1989. – 587 с.

126. Сдобников, В. В. Стратегия перевода : общее определение / В. В. Сдобников // Вестник Иркутск. гос. лингв. ун-та. – 2011. – № 1 (13). – С. 165–172.

127. Сдобников, В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 448 с.

128. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.

129. Седов, К. Ф. Нейропсихоллингвистика / К. Ф. Седов. – М. Лабиринт, 2007. – 224 с.

130. Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности : Психо- и социолингвистический аспекты / К. Ф. Седов. – Саратов : Саратовск. гос. ун-т, 1999. – 180 с.

131. Селивёрстова, О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка / О. Н. Селивёрстова // Семантические типы предикатов. – М. : Наука, 1982. – С. 86–158.

132. Сильницкий, Г. Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов : автореф. дис... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Сильницкий Георгий Георгиевич. – Л., 1974. – 43 с.

133. Складаревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.

134. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 361 с.

135. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. яз, 1953. – 375 с.

136. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 252 с.

137. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение младшего школьника / И. А. Стернин, Н. А. Лемяскина. – Воронеж : Центр.- Чернозем. кн. изд-во, 2000. – 195 с.

138. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения : На материале простого предложения в современном немецком языке / И. П. Сусов. – Тула : Тульский гос. пед. ин-тут, 1973. – 141 с.

139. Сухарев-Мурышкин, С. Л. Некоторые особенности строфического стиха и стихотворный перевод / С. Л. Сухарев-Мурышкин // Сборник научных работ. – Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1977. – С. 108–115.

140. Сухих, С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Сухих Станислав Алексеевич. – Краснодар, 1998. – 257 с.

141. Тарасова, М. А. Перевод поэзии как особая дискурсивная практика (на материале русских переводов современной англоязычной поэзии) / М. А. Тарасова // Критика и семиотика. – 2015. – № 2. – С. 269–281.

142. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

143. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса : Пер. с франц. / Л. Теньер; под ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.

144. Томашева, И. В. Эмотивная лакунарность художественной прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Томашева Ирина Владимировна. – Волгоград, 1995. – 21 с.

145. Трещалина, И. В. Языковая личность персонажа в прозе А. П. Чехова 80-х – 90-х годов (лексико-семантический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Трещалина Ирина Владимировна. – Тверь, 1998. – 167 с.

146. Тюленев, С. В. Теория перевода / С. В. Тюленев. – М. : Гардарики, 2004. – 334 с.

147. Уемов, А. И. Вещи, свойства, отношения / А. И. Уемов. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1963. – 184 с.

148. Фатеева, Н. А. Постпереводческий анализ и послетекстовый комментарий в переводе поэзии / Н. А. Фатеева // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 2 (37). – С. 57–63.

149. Фёдоров, А. В. О художественном переводе / А. В. Фёдоров. – Л. : ОГИЗ, 1991. – 257 с.

150. Фёдоров, А. В. О художественном переводе / А. В. Фёдоров. – Л. : Худож. литература, 1941. – 257 с.

151. Филатова, О. М. Лингвоэстетическое исследование интерпретаций поэтического текста : на материале переводов стихотворения Г. Гейне "Ich weiß nicht, was soll es bedeuten..." : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Филатова Ольга Михайловна. – Ижевск, 2007. – 210 с.

152. Чейф, У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М., 1975. – 432 с.
153. Швейцер, А. Д. Литературный английский язык в США и Англии / А. Д. Швейцер. – М. : Высш. шк., 1971. – 200 с.
154. Швейцер, А. Д. Теория перевода : Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
155. Шевченко, О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Шевченко Ольга Николаевна. – Волгоград, 2005. – 255 с.
156. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании (1931) / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974 (а). – С. 24–39.
157. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука. 1974 (б). – С. 77–100.
158. Эткинд, Е. Г. Разговор о стихах / Е. Г. Эткинд. – М. : Дет. лит., 1970. – 240 с.
159. Эткинд, Е. Г. Ритм поэтического произведения как фактор содержания / Е. Г. Эткинд // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. : Наука, 1974. – С. 104–120.
160. Эткинд, Е. Г. Стихотворный перевод как проблема сопоставительной стилистики / Е. Г. Эткинд. – Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцина, 1965. – 136 с.
161. Юрченко, В. С. Простое предложение в современном русском языке / В. С. Юрченко. – Саратов : Саратовск. гос. ун-т, 1972. – 275 с.
162. Янь, К. Понятие «Языковая личность» в лингвистических и экстралингвистических исследованиях / К. Янь // МНКО. – 2020. – №1 (80). – С. 451–454.
163. Anderson, J. M. The Grammar of Case : Towards a Localistic Theory / J. M. Anderson. – London : Cambridge Univ. Press, 1971. – 244 p.

164. Barney, T. *Literary Evaluation and Poetic Form and Creative Tension* / T. Barney // In Van Peer, W. (ed). *The quality of literature, linguistic studies in literary evaluation*. – Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins, 2008. – P. 71–82.
165. Bassnett, S. *Constructing Cultures. Essays on Literary Translation* / S. Bassnett, A. Lefevere. – Clevedon : Multilingual Matters, 1998. – 143 p.
166. Bellos, D. *Is That a Fish in Your Ear? The Amazing Adventure of Translation* / D. Bellos. – London : Penguin, 2011. – 390 p.
167. Boase-Beier, J. *Stylistic Approaches to Translation* / J. Boase-Beier. – Manchester : St. Jerome Publishing, 2010. – 176 p.
168. Boase-Beier, J. *Saying what Someone Else Meant : Style, Relevance and Translation* / J. Boase-Beier // *International Journal of Applied Linguistics*. № 14 (2). – Oxford : Blackwell Publishing Ltd., 2004. – P. 276–287.
169. Cook, W. A. *Case grammar applied* / W. A. Cook. – Arlington : The Summer Institute of Linguistics and The University of Texas at Arlington, 1998. – 271 p.
170. Downing, A. *A University Course in English Grammar* / A. Downing, Ph. Locke. – Cornwall : Prentice Hall International, 1992. – 250 p.
171. Fillmore, Ch. *The case for case : towards a localistic theory* / Ch. Fillmore. – New York : Holt, Rinehart, and Winston, 1968. – P. 390–415.
172. Fillmore, Ch. *Toward a modern theory of case* / Ch. Fillmore. – Columbus : Ohio State University, 1966. – P. 24–25.
173. Fillmore, Ch. *Types of Lexical Information* / Ch. Fillmore // *Studies in Syntax and Semantics* / Ed. by F. Kiefer. Dordrecht : Reidel, 1969. – Vol. 10. – P. 110–138.
174. Fillmore, Ch. *Subjects, Speakers, and Roles* / Ch. Fillmore // *Synthese*. – New York : Springer, 1970. – Vol. 21. Nos. 3 – 4. – P. 251–274.
175. Fillmore, Ch. *Some Problems for Case Grammar* / Ch. Fillmore // *Georgetown University Monograph Series on Languages and Linguistics*. – Washington : Georgetown University Press, 1971. – Vol. 24. – P. 35–56.

176. Gutt, E. *Translation and Relevance : Cognition and Context* / E. Gutt. – Oxford : Basil Blackwell, 1991. – 309 p.
177. Honig, E. *The Poet's Other Voice : Conversations on Literary Translation* / E. Honig. – Amherst, MA : The University of Massachusetts Press, 1985. – 315 p.
178. Jakobson, R. *On Linguistic Aspects of Translation* / R. Jakobson // *On Translation* (ed. R. A. Brower). – Cambridge : Harvard University Press, 1959. – P. 232–239.
179. Jones, F. R. *Poetry Translating as Expert Action : Processes, Priorities and Networks* / F. R. Jones. – Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins Publishing company, 2011. – 227 p.
180. King, H. R. *Aristotle without Prima Materia* / H. R. King // *Journal of the History of Ideas*. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1956. V. 17, N. 3. – P. 370–389.
181. Lyons, J. *Linguistic Semantics : An Introduction* / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 396 p.
182. Lyons, J. *Semantics* / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press. 1977. – 350 p.
183. Newmark, P. *A Textbook of Translation* / P. Newmark. – New York, London, Toronto, Sydney, Tokyo : Prentice Hall, 1988. – 292 p.
184. Nida, E. *The theory and practice of translation* / E. Nida, R. Taber. – Leiden : Brill Publisher, 1969. – 218 p.
185. Nord, C. *Translation as a Purposeful Activity : Functionalist Approaches Explained* / C. Nord. – Manchester : St. Jerome Publishing, 1997. – 166 p.
186. Peirce, Ch. S. *The Essential Peirce : Selected Philosophical Writings* (2 vols) / Ch. S. Peirce. – Bloomington, IN : Indiana University Press, 1998. V. 2. – 625 p.
187. Perrine, L. *Sound and sense, poetry : the elements of poetry* (2nd. Ed) / L. Perrine. – USA: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1963. – 377 p.

188. Starosta, S. The One per Cent Solution / S. Starosta // Valence, Semantic Case, and Grammatical Relations / Ed. by W. Abraham. – Amsterdam : Benjamins, 1978. Vol. 1. – P. 459–576.
189. Tesnière, L. Eléments de syntax structurale / L. Tesnière. – Paris : Klincksiech, 1959. – 672 p.
190. Thompson, G. Introducing Functional Grammar (2nd. Ed) / G. Thompson. – London : Hodder Education, 2004. – 313 p.
191. Thorsell, M. D. Relevance and the Translation of Poetry / M. D. Thorsell // Revista Alicantina de Estudios Ingleses 11. – Alicante : University of Alicante, 1998. – P. 23–32.
192. Vartia, Y. O. Relative changes and index numbers / Y. O. Vartia. – Helsinki : The research institute of the finnish economy, 1976. – 203 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. ЛитЭС – Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 751 с.
2. ЛИЯ – Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под редакцией проф. А. П. Горкина. – М. : Росмэн, 2006. – 984 с.
3. ЛЭ – Литературная энциклопедия : В 11 т. [Электронный ресурс] / Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. – М. : Издательство Коммунистической академии, 1929–1939. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/> (дата обращения 05.06.2022).
4. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. ПСИС – Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / М. Попов. – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. – 458 с.
6. СЛТ – Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань : Изд-во "Пилигрим", 2010. – 486 с.
7. СПП – Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – М. : Харвест, 1998. – 301 с.
8. СРЯ – Словарь русского языка : В 4 т. [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Евгеньевой // РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 24.07.2022).
9. ССЛТ – Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.
10. ТПС – Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.

11. ТСЕ – Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 2310 с.

12. ТСО – Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.

13. ТСУ – Толковый словарь русского языка : В 4 т. [Электронный ресурс] / Под. ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения 09.06.2022).

14. Camb. – Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 07.08.2022).

15. Col. – Collins dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 27.07.2022).

16. MW – Merriam-Webster dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 03.08.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

(оригинал стихотворения “Darkness” Дж. Г. Байрона и его переводы)

1. Poetry foundation. Poems and poets. “Darkness” by Lord Byron [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.poetryfoundation.org/poems> (дата обращения 19.04.2022).

2. М. П. Вронченко – Журнал ‘Атеней’, издаваемый Михаилом Павловым, 1828, часть вторая, № 6. – С. 150–152.

3. М. А. Зенкевич – Байрон Дж. Г. Избранные произведения. – М. : Государственное Издательство Художественной Литературы, 1953. – С. 53.

4. А. П. Милюков – Сын Отечества (журнал политический, ученый и литературный), 1869, № 15, 25 мая. – С. 267.

5. О. М. Сомов – Благонамеренный (журнал, издаваемый А. Измайловым), 1822, часть семнадцатая, № 3. – С.122–126.

6. С. А. Степанов – Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда. – Пермь : Пермское Книжное Издательство, 1988. – С. 376–378.

Мрак**О. М. Сомов**

Я видел сон, который был не совсем сон. Блестящее светило солнца угасло; звезды, обнаженные лучей своих, бродили без порядка во тьме, посреди вечного пространства; земля, охладевшая и как бы слепая в отсутствии луны, осталась висящею посреди мрачной атмосферы. Утро наставало, убегало и вновь наставало; но не приводило за собою дня. Люди забыли свои страсти в ужасе всеобщего уныния: все сердца, сжатые хладным эгоизмом, чувствовали одно желание – желание света. Повсюду разводили огни и стекались к их мерцанию: все жилища были сожжены для подания знаков. Грады сделались жертвою пламени, и люди толпами сходились вокруг пылающих кровов своих, дабы взглянуть еще друг на друга. Счастливы те, кои жили близ грозных горнил огнедышущих! Одна надежда, смешанная со страхом, еще оживляла мир. Леса были зажжены, но с часу на час они истлевали и превращались в пепел; сверкающие пни дерев угасали с последним треском, и все снова погрузилось во мрак; умирающее пламя их отражалось, как бы беглые молнии, на челах людей и придавало им вид необыкновенный. Одни падали ниц, закрывали глаза и проливали слезы; другие покоились лицами на сложенных крестообразно руках своих и силились улыбнуться: большая часть их бегала взад и вперед, спеша нести все, что могло продолжить пламя костров их погребальных: они обращали беспокойные, иступленные взоры свои к мрачному покрову небес, который казался черною пеленою, накинутой на труп вселенной – и вдруг потом бросались на прах, скрежетали зубами и испускали вой. Дикие птицы кричали отвратительными криками, в испуге летали по земле и поражали воздух своими бесполезными крыльями. Кровожаднейшие звери стали робки и познали трепет; змеи ползали и сплетались между людьми – они еще шипели, но позабывали ядовитые свои жала. Их убивали на пищу: и скоро война, мгновенно прекратившая бытие свое, явила вновь свою злобу. Одною кровью покупали себе пищу, и каждый уходил насытиться в отдалении своею добычею. Не знали уже любви, вся земля имела одну только мысль – мысль о смерти, смерти близкой и бесславной: муки голода раздирали все утробы: люди умирали, и кости их лежали без погребения, как и тела их. Иссохшие трупы были пожираемы людьми, также иссохшими, самые псы нападали на господ своих, все, исключая одного, который остался верен телу своего господина и защищал его от птиц, животных и людей алчущих, доколе сами они не падали от голода, или истонченные зубы их не обращались на умирающих. Сей пес не искал пищи, но выл воем жалобным и непрерывным: он умер, лижа руку, немогшую уже ласкать его:

Голод опустошил мало помалу вселенную; остались только двое, жители великого города: это были два врага. Они встретились подле тухнувших головней жертвенника, на коем собрано было множество утварей священных, назначенных уже для мирского употребления; с трепетом они приподняли еще горячий пепел и откинули его хладными, изможденными руками своими; слабым дыханием тщились они раздуть хотя несколько огня и успели развести брежжущее пламя: когда оно исчезало над пеплом, они поднимали глаза, и увидя друг друга, вскричали и умерли в ужасе от их взаимного безобразия, не зная, кто тот, на челе которого голод положил черты призрака могильного.

Мир соделался тогда огромным запустением: грады, страны цветущие и многолюдные составляли одну только смешанную груды, без времен годовых, без зелени, без дерев, без людей, без жизни, хаос смерти и вещество недвижимое: реки, озера и океан были спокойны и немые; ничто не нарушало тишины их бездн глубоких; корабли без плавателей согнивали на море; райны их распадались на части, но не колебали волн своим падением: волны были мертвы, они лежали, как во гробе. Луна, учреждавшая некогда правильные их движения, уже не существовала. Ветры увяли в остановившемся воздухе, облака исчезли; мрак не имел уже в них нужды; мрак была вселенная!

1822

Мрак**М. П. Вронченко**

Строки, насчитывающие 10 слогов, помечаются на схеме следующим символом: *.

Длина остальных строк – 11 слогов.

<p>Я видел сон, не вовсе бывший сном. Потухло, мнилось, солнце, без лучей По беспредельности блуждали звезды, И хладная земля чернелась в мрачной, Безлунной тверди. Наступил час утра, Прошел, настал опять – дня нет, как нет! И в людях ужас заглушил все страсти, Желанья всех сердец слились в одну Своекорыстную мольбу о свете. Зажглись огни повсюду; вскоре замки, (10) Дворцы Царей и хижины – жилища Всех домовитых мира населенцев – В кострах истлели; в пепел пали грады, И у пожаров гаснущих толпились, Взглянуть еще раз друг на друга, люди. Щастливы были жившие вблизи Природы горных факелов, вулканов: Мир жил одною страшною надеждой. Зажглись леса и вскоре их не стало: В дыму, со треском упадая, гасло (20) За деревом дерево – и повсюду мрак был: При отблесках прерывистых огня Казались страшны люди; неземные Имели лица; многие лежали Закрыв глаза и плакали; иные На длань главу склонивши, улыбались; Другие бегали и в погребальных Кострах своих возобновляли пламя, И возводили дикий взор на небо, Одевшее, как саван, мертвый мир; (30) И вновь на прах, с проклятьями, кидались, И скрежеща зубами, выли; птицы Метались с криком по земле, повесив Ненужные им крылья; укротилась Зверей лютейших ярость; среди толпы, Безвредные, вились, с шипеньем, змеи, – Их убивая, поедали люди, И брань, на миг умолкшая, повсюду Зажглася вновь: снедь покупалась кровью, И всяк сидел с своей добычей в мраке (40) И насыщался; умерла любовь;</p>	<p>U U U U U U U U U U * U U U U U U U U U U * U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U * U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U (10) U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U * U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U (20) U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U * U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U (30) U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U * U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U (40) U U U U U U U U U U * U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U U</p>
--	--

Одна лишь мысль осталась в мире – мысль
 О смерти скорой и бесславной; голод
 Терзал утробы; люди, умирая,
 С лишенными гробов костями валялись
 И гнили; тощие съедали тощих,
 И даже грызли псы своих хозяев:
 Один лишь, трупу верный, охранял
 Его от птиц, зверей и человек,
 Пока их глад не изнурял, иль новый (50)
 Их алчности не представлялся труп;
 Без пищи сам, с протяжным, скорбным воем,
 Холодную лизал он долго руку,
 И вдруг залаял жалобно, и умер.
 Всечасно глад губил людей – лишь двое
 В одном обширном оставались граде –
 Смертельные друг другу два врага;
 Они сошлись при алтаре сгоревшем –
 Где оскверненных утварей обломки
 Лежали грудой - хладными руками, (60)
 Иссохшими, как остов, пепл сгребли,
 Дыханьем слабым помертвевших уст
 Чуть видное на углях вздули пламя,
 И при минутном, трепетном сиянье
 Подъяли друг на друга взор, взглянули,
 И вздрогнув, пали бездыханны: каждый
 Другого видом страшным умерщвлен был,
 Не распознав, на чьем челе так грозно
 Десница глады начертала: враг.
 Прекрасный мир стал дикою пустыней, (70)
 Без древ, растений, жителей и жизни,
 Хаосом, глыбой безобразной праха.
 Озера, реки, Океан – замолкли,
 И в глубине их мертвый был покой;
 На море гнили, без пловцов, суда;
 За мачтой мачта падали с них в воду,
 И на недвижной почивали бездне;
 Не стало волн; во гроб легли приливы –
 Царица их, луна, скончалась прежде;
 Истлели ветры в воздухе стоячем; (80)
 Погибли тучи – мрак уж и без них
 Непроницаем был и повсеместен.

1828

UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU (50)
 UUUUUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU (60)
 UUUUUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUUUUU (70)
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUUUUU (80)
 UUUUUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUUUUU

Тьма**М. А. Зенкевич**

Строки, насчитывающие 10 слогов, помечаются на схеме следующим символом: *.

Длина остальных строк – 11 слогов.

Я видел сон, не все в нем было сном.	У У У У У У У *
Погасло солнце яркое, и звезды	У У У У У У У У У У У
Без света, без путей в пространстве вечном	У У У У У У У У У
Блуждали, и замерзшая земля	У У У У У У У У *
Кружилась слепо в темноте безлунной.	У У У У У У У У У
За утром утро шло без света дня,	У У У У У У У *
О всех своих страстях забыли люди,	У У У У У У У У У
И в ужасе застыли все сердца	У У У У У У *
В эгоистической мольбе о свете.	У У У У У У У У
Все жили у костров: дворцы и троны (10)	У У У У У У У У У (10)
Монархов венценосных, и дома,	У У У У У У У *
И хижины; домашние все вещи	У У У У У У У
Сжигались – так исчезли города.	У У У У У У *
Сходились люди у жилищ горящих,	У У У У У У У
Чтоб друг на друга раз еще взглянуть,	У У У У У У *
А жившие у факелов вулканов	У У У У У У У
Счастливее других себя считали.	У У У У У У У
Весь мир жил в ужасе одной надеждой;	У У У У У У *
Леса зажгли, но и лесной пожар	У У У У У У У (20)
Недолго длился, догорали с треском (20)	У У У У У У *
Стволы деревьев – и сгущался мрак.	У У У У У У У
А пламени отчаянные вспышки	У У У У У У *
Какой-то неземной, ужасный вид	У У У У У У *
Всем лицам придавали, и одни,	У У У У У У У
Упавши ниц, рыдали, а другие	У У У У У У У
Задумчиво сидели улыбаясь;	У У У У У У *
А третьи погребальный свой костер	У У У У У У У
Питали топливом и беспокойно	У У У У У У * (30)
Глядели ввысь, на сумрачное небо,	У У У У У У У
Покров земли умершей, и, во прах (30)	У У У У У У У
Повергнувшись, с проклятьями вопили,	У У У У У У *
Зубами скрежеща; и птицы с криком	У У У У У У У
Махали крыльями, боясь взлететь,	У У У У У У *
Все звери стали робкими, ручными,	У У У У У У У
Гадюки ползали у ног толпы,	У У У У У У У
Шипели, извиваясь, не кусая,	У У У У У У *
Их убивали люди и съедали.	У У У У У У У
Между собою все вели войну,	У У У У У У * (40)
Ценою крови пища покупалась,	У У У У У У У
И каждый тайно, прячась от других, (40)	У У У У У У *
Угрюмо, жадно ел. Любовь исчезла;	У У У У У У У
	У У У У У У *

Одна лишь мысль осталась на земле –
 О смерти неизбежной и бесславной.
 Всем внутренности волчий голод грыз,
 И люди мерли, их не хоронили;
 И жадно тощие съедали тощих.
 Кидались на своих хозяев псы,
 И лишь один остался верен трупу,
 К нему не подпускал зверей и птиц,
 Людей голодных, кинуться готовых (50)
 На мертвечину; но у тела пес,
 Забыв про пищу, с безутешным воем
 Лизал ту руку, что не отвечала
 На ласку ласкою, - пока не сдох.
 От голода все вымерли; лишь двое
 В живых остались в городе огромном,
 Они врагами были и сошлись
 У пепла тлеющего алтаря,
 Церковную там уложили утварь
 Не для церковного употребления. (60)
 Они костлявыми руками рылись
 В золе чуть теплой и дыханьем слабым
 Пытались пламя слабое раздуть,
 Но тщетно, и потом в глаза друг другу
 При вспышке глянули и, закричав
 От ужаса, вдруг мертвыми упали –
 Так поразило обоих вид ужасный,
 Хотя они не знали – чье лицо
 Так дьявольски обезобразил голод.
 Пустынею безлюдной стал весь мир, (70)
 Лишенный света, зелени и жизни,
 Стал комом смерти, комом твердой глины.
 Озера, реки и моря застыли,
 Ничто их глубины не возмущало;
 Сгнивали корабли без моряков,
 Их мачты рассыпались, и над бездной
 В дремоте гибли корабли без бурь,
 Уснули волны, замерли приливы,
 Исчезла их владычица луна,
 В недвижимом воздухе не дули ветры, (80)
 Пропали тучи. Не нуждалась Тьма
 В их помощи – она Вселенной стала.

1953

U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U (50)
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U (60)
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U (70)
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U
 U U U U U U U U U U (80)
 U U U U U U U U U U *
 U U U U U U U U U U

Тьма**С. А. Степанов**

Строки, насчитывающие 10 слогов, помечаются на схеме следующим символом: *.

Длина остальных строк – 11 слогов.

И был мне сон... Но был ли это сон?..	У У У У У У У *
Затмилось солнце, звезды покосились	У У У У У У У У У У У
И разбрелись, луча не проронив	У У У У У У У У *
В бездонный мрак; ослепшая земля	У У У У У У У У *
В пространстве черном без пути металась;	У У У У У У У У
И день за днем заря была бесплодна...	У У У У У У У У У У У
Отчаяньем охваченные люди	У У У У У У У У
Забыли страсти; сжалась в каждом сердце	У У У У У У У У
О свете сокровенная молитва;	У У У У У У У У
И жили у спасительных костров – (10)	У У У У У У У У * (10)
Жгли хижины и царские чертоги;	У У У У У У У У
И все, что днесь могло назваться кровом,	У У У У У У У У
Все шло в огонь; селенья полыхали –	У У У У У У У У
К пылающим домам сходились толпы,	У У У У У У У У
Чтоб раз еще в лицо друг другу глянуть;	У У У У У У У У
И счастье тем, что жили близ вулканов	У У У У У У У *
При свете факелов горящих жерл;	У У У У У У У У
И людям оставалась лишь надежда...	У У У У У У У *
Леса они в безумье подожгли –	У У У У У У У * (20)
Но падали дымящие стволы (20)	У У У У У У У *
И гасли тут же – мрак не отступал.	У У У У У У У У
Чудовищные тени, извиваясь,	У У У У У У У У
Ложились на чело, когда снопами	У У У У У У У *
Вздымались искры; кто лежал ничком	У У У У У У У У
И тихо плакал; кто с улыбкой дикой	У У У У У У У У
Таращился во мрак; а прочие	У У У У У У У У
На скорбные костры носили сучья	У У У У У У У *
И с ужасом глядели беспрестанно	У У У У У У У У (30)
В глухую твердь, сей траурный покров	У У У У У У У У
На гробе мира; скрежеща зубами, (30)	У У У У У У У У
С проклятьями в пыли они катались	У У У У У У У У
И тихо выли; надрывались птицы	У У У У У У У *
И били бесполезными крылами	У У У У У У У У
О твердь земную; хищники, дрожа,	У У У У У У У У
Бежали к людям; аспиды клубками	У У У У У У У У
В ногах толпы свивались и шипели,	У У У У У У У *
Не жалея никого – их били в пищу;	У У У У У У У У
Жестокая война, что было стихла,	У У У У У У У У (40)
Брала теперь свое – за хлеб насущный	У У У У У У У *
Платили кровью; каждый в одиночку (40)	У У У У У У У У
В крошечном мраке чрево насыщал;	У У У У У У У У

Любовь они забыли; каждый жаждал
 Мгновенной тихой смерти; страшный голод
 Скрутил кишки – и тысячами гибли;
 Но трупов не закапывал никто;
 Живой скелет обгладывал скелет;
 И псы хозяев грызли; лишь один
 До трупа никого не допускал –
 Ни хищников, ни рыщущих людей,
 Пока не находили те добычи (50)
 Иной для жадной пасти; сам, без пищи,
 Он только выл, отчаянно и долго,
 И скупо лаял; тщетно он лизал
 Немую длань хозяина – и умер.
 Всех голод выкосил – в пустой столице
 Еще блуждали двое, наугад –
 То были два врага; на пепелище,
 Где прежде был алтарь и дотлевали
 Забытые святыни лжесвященства,
 Сошлись они и разгребли золу (60)
 Дрожащими холодными руками;
 Из сил последних уголек последний
 Они раздули – теплилась в нем жизнь
 Как бы в насмешку; и подняв глаза,
 В лицо они друг друга не узнали,
 Но с воплем пали замертво в золу –
 Обоих умертвило омерзенье
 К челу, на коем голод начертал:
 ДИАВОЛ; вымер мир – и вместо жизни
 Лишь месиво осталось от него: (70)
 Ни птицы нет, ни зверя, ни растения –
 Лишь смрад и падаль, мертвый хаос праха.
 Озера, реки и моря застыли –
 Ничто не колыхало их глубин;
 Суда недвижно гнили в океане –
 И по кускам обваливались за борт,
 Останки мачт бесшумно шли ко дну;
 Не стало волн, приливов и отливов –
 Померкла их владычица луна;
 Ни дуновенья в воздухе тяжелом, (80)
 Ни облаков – и не было в них нужды
 Восставшей Тьме – Она была Вселенной!

1988

UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU (50)
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU* (60)
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU* (70)
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU*
 UUUUUUUUUU (80)
 UUUUUUUUUU
 UUUUUUUUUU

Распределение по уровням дискурса переводческих преобразований, характеризующих языковые черты ЯЛП

Перевод О. М. Сомова

Экспонентный уровень.

Активность.

Проявление активности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более 'динамическую' в переводе:

1. Замена адъективного предиката свойства на адъективированный предикат-причастие оканчивающего действия как свойства:

1) the **icy** earth swung blind – земля, **охладевшая** и как бы слепая <...>, осталась висящею.

2. Замена адъективного предиката свойства на нематричный предикат с предикатом-причастием оканчивающего воздействия как свойства в его составе:

1) a **fearful** hope – одна надежда, **смешанная** со страхом.

3. Замена адъективного предиката свойства на глагольный предикат действия с объективом:

1) vipers crawl'd <...> **hissing**, but **stingless** – змеи ползали <...> **шипели**, но **позабывали** ядовитые свои **жала**.

4. Замена предиката «to be» как средства выражения состояния на нематричный предикат с предикатом-причастием оканчивающего действия как свойства в его составе:

1) War <...> which **was** no more – война <...> **прекратившая бытие** своё

5. Замена адъективированного предиката-причастия свойства на глагольный предикат действия:

1) vipers crawl'd <...> **hissing**, but stingless – змеи ползали <...> **шипели**, но забывали ядовитые свои жала.

2. Замена исходной единицы на более 'предикативную' в переводе:

1. Замена существительного-непредиката свойства на нематричный предикат с предикатом-причастием оканчивающего воздействия как свойства:

1) the moon, their **mistress** – луна, **учреждавшая** некогда правильные их движения (приложению 'mistress' к актанту в пациентиве 'moon', выполняющему функцию предиката свойства, в переводе соответствует нематричный предикат в виде причастного оборота с предикатом-причастием оканчивающего воздействия как свойства).

2. Замена предиката-существительного на глагольный предикат воздействия:

1) licking the hand which answer'd not with a **caress** – лижа руку, немогшую уже **ласкать** его;

2) they slept on the abyss without a **surge** – не **колебали** волн своим падением.

2. Замена предиката-существительного на нематричный предикат с предикатом-причастием оканчивающего воздействия как свойства в его составе:

1) a mass of holy things **for** an unholy **usage** – множество утварей священных, **назначенных** уже для мирского **употребления**.

Проявление активности на уровне ситуаций.

1. Замена созерцательной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на 'активную' с увеличением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена дескриптива на псевдо-акт. объектив:

1) **all** was black – **всё** <...> погрузилось во мрак;

2) the **world** was void – **мир** соделался <...> запустением.

2. Замена созерцательной ситуации на активную.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на «активную» с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена объектива на агентив:

1) a fearful **hope** was all the world contain'd – одна **надежда** <...> ещё оживляла мир.

б. Замена семантической роли исходного аргумента на «активную» с уменьшением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена пациентива на нулевой агентив:

1) **they** did live by watchfires – разводили огни.

в. Замена исходного предиката, не являющегося аргументом, на 'активный' аргумент без изменения семантической роли исходного 'пассивного' аргумента (особый случай изменения состава аргументов).

1. Замена сирконстанта причины на агентив:

1) the brows of men **by the despairing light** wore an unearthly aspect – **умирающее пламя** <...> придавало им вид необыкновенный.

3. Замена псевдо-активной ситуации на активную.

а. Замена 'псевдо-активной' семантической роли исходного аргумента на 'активную' вследствие устранения нулевого активного аргумента и сопутствующего уменьшения количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена пациентива на агентив:

1) **men** were gather'd – **люди** сходились.

4. Добавление активной ситуации в текст перевода или опущение созерцательной ситуации.

а. Опущение созерцательной ситуации:

1) they slept on the abyss.

Созерцательность.

Проявление созерцательности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более 'статичную' в переводе:

1. Глагольный предикат воздействия заменяется предикатом-причастием окачественного воздействия как свойства в составе причастного оборота:

1) all hearts **were chill'd** – все сердца, **сжатые** хладным эгоизмом.

2. Замена исходной единицы на более 'номинативную' в переводе:

1. Адъективированное причастие-предикат окачественного воздействия как свойства заменено предикатом-существительным состоянием:

1) the wild birds <...> **terrified**, did flutter on the ground – дикие птицы <...> **в испуге** летали по земле.

2. Адъективированное причастие окачественного состояния как свойства заменено предикатом-существительным состоянием:

1) **shivering** <...> scrap'd with their cold skeleton hands the feeble ashes – **с трепетом** <...> откинули его холодными, изможденными руками своими.

3. Адъективный предикат состояния заменён предикатом-существительным состоянием:

1) came <...> **tremulous** – познали **трепет**.

4. Адъективный предикат свойства заменён предикатом-существительным состоянием:

1) **silent** depths – **тишина** бездн;

Проявление созерцательности на уровне ситуаций.

1. Замена активной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена 'псевдо-активной' семантической роли исходного аргумента на 'активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена агента на псевдо-активный объект:

1) **morn** came <...> and came – **утро** наставало <...> и наставало.

б. Устранение нулевого 'активного' аргумента с заменой семантической роли исходного 'пассивного' аргумента на 'псевдо-активную' и уменьшением количества участников ситуации («смешанный» тип).

1. Замена объекта в каузальной ситуации на декауз. объект:

1) the bright **sun** was extinguish'd – блестящее **светило солнца** угасло;

2) the **winds** were wither'd – **ветры** увяли.

в. Замена исходного 'активного' аргумента на предикат, не являющийся аргументом, без изменения семантической роли исходного 'пассивного' аргумента (особый случай изменения состава аргументов).

1. Замена агента на сирконстант причины:

1) till **hunger** clung them – доколе сами они не падали **от голода**.

2. Замена активной ситуации на созерцательную.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на 'созерцательную' («чистый» тип).

1. Замена нулевого агента на нулевой экспериенсив:

1) no love was left – не знали уже любви.

2. Замена декауз. пациента на объект:

1) the **moon** <...> had expir'd before – **луна** <...> уже не существовала.

б. Устранение нулевого 'активного' аргумента с изменением семантической роли исходного 'пассивного' аргумента и уменьшением количества участников ситуации («смешанный» тип).

1. Замена объекта на экспериенсив:

1) all **hearts** were chill'd – все **сердца** <...> чувствовали.

3. Добавление созерцательной ситуации в текст перевода или опущение псевдо-активной ситуации.

а. Опущение псевдо-активной ситуации:

1) they died.

Субстанциональный уровень.

Конкретность.

Конкретизация.

1) I **had** a dream – Я **видел** сон (to have – to experience something [Camb.], испытать с помощью органов чувств; «видеть» – один из способов осуществления такого действия);

2) Morn <...> **went** – утро <...> **убегало** (to go – to travel or move to another place [Camb.]; убегать – передвигаясь бегом, удаляться откуда-либо, от кого-либо, чего-либо [СРЯ]: добавление семы образа действия и удаления; в оригинале глагольный предикат ‘went’ противопоставлен глагольному предикату ‘came’ – следовательно, обозначает действие «уходить»);

3) **were** tombless – **лежали** без погребенья (to be – used to say something about a person, thing, or state, to show a permanent or temporary quality, state, job etc. [Camb.]; лежать – находиться в горизонтальном положении, быть распростёртым всем телом на чём-либо (о людях и некоторых животных) [СРЯ]);

4) himself – сей пёс (конкретизация при повторной номинации);

5) a mass of holy **things** – множество **утварей** священных (a thing – предмет; утварь – совокупность предметов, необходимых в обиходе, в какой-либо области жизни [СРЯ]: добавление дифференцирующих признаков);

6) **that** was death – **мысль** о смерти (конкретизация при повторной номинации);

7) She – мрак (конкретизация при повторной номинации).

‘Уточняющая’ метонимия.

1) their lank **jaws** – истончённые **зубы** их (зубы являются составной частью челюсти).

Замена генерализованного актанта на конкретный.

1) cities were consum’d – грады сделались жертвою **пламени** (нулевой агентив в предикатный бенефициатив);

2) among the multitude – между людьми (нулевой пациентив в оригинале при субстантивированном кванторе – пациентив в переводе; опущение субстантивированного квантора);

3) by the meagre were devour’d – были пожираемы людьми, <...> иссохшими (нулевой агентив при субстантивированном прилагательном в функции предиката свойства – восстановление агентива и добавление предиката-причастия свойства);

4) the crowd was famish’d – **голод** опустошил вселенную (нулевой агентив – образный предикатный агентив);

5) but **two** <...> did survive – остались только **двое, жители** (нулевой пациентив при субстантивированном кванторе – субстантивированный квантор с пациентивом, выступающим в роли приложения);

6) the populous and the powerful – **грады, страны** цветущие и многолюдные (восстановление дескриптива: 2 единицы, в оригинале нулевой дескриптив при субстантивном прилагательном: 2 единицы);

7) hearts were chill’d – сердца, сжатые <...> **эгоизмом** (нулевой агентив в образный предикатный агентив);

8) the meagre – иссохший **труп** (восстановление объектива при субстантивированном прилагательном).

Абстрактность.**Генерализация.**

- 1) watchfires – огни (watchfire – a **fire** lighted as a signal or for the use of a guard [MW] – огонь);
- 2) vipers – змеи (viper – a venomous or reputedly venomous **snake** [MW] – змея);
- 3) hard **clay** – **вещество** недвижимое (clay – an earthy **material** that is plastic when moist but hard when fired [MW] – вещество);
- 4) **stood** still – **были** спокойны (to stand – to remain motionless [Col.] – быть).

‘Генерализующая’ метонимия.

- 1) into each other’s **face** – друг на друга (лицо как часть человека);
- 2) who dwelt within the **eye** of the volcanos – кто жили близ <...> горнил («близ жерла вулканов» – «близ <...> вулканов»);
- 3) some did rest their **chins** – другие покоились **лицами** (подбородок – часть лица);
- 4) as their **flesh** – как и **тела** их (плоть, мясо – часть того, из чего состоит тело, помимо костей);
- 5) the crowd – вселенная (толпа, люди – часть вселенной, мира).

Замена конкретного актанта на генерализованный.

- 1) –

Детализованность.**Добавление глагольного предиката:**

- 1) swung – **осталась** висящую (фазисный предикат; глагольный предикат действия в предикат-причастие состояния);
- 2) all hearts were chill’d – все сердца, сжатые <...>, **чувствовали** (добавление глагольного предиката действия; смена семантической роли исходного актанта «hearts»);
- 3) did live – разводили огни и **стекались** к их мерцанию (глагольный предикат действия в функции однородного сказуемого; добавление предикатного локатива);
- 4) smil’d – **силились** улыбнуться (модальный предикат);
- 5) fed – **спеша** нести (предикат-деепричастие действия);
- 6) the pall – **казался** чёрной пеленой (глагольный предикат состояния);
- 7) sate – **уходил** насытиться (глагольный предикат действия; исходный глагольный предикат действия стал включённым предикатом-инфинитивом);
- 8) for an unholy usage – **назначенных** уже для мирского употребления (предикат-причастие как воздействие со стороны нулевого активного актанта);
- 9) blew for – **тщились** <...> раздуть (модальный предикат);
- 10) made a flame – **успели** развести <...> пламя (модальный предикат).

Добавление адъективного предиката свойства:

- 1) in the <...> air – посреди **мрачной** атмосферы;
- 2) desolation – **всеобщее** уныние;
- 3) within <...> the volcanos – близ **грозных** горнил огнедышащих;
- 4) within <...> the volcanos – близ грозных горнил **огнедышащих**;
- 5) with a crash – с **последним** треском;
- 6) the pall – **чёрной** пеленой;

- 7) stingless – позабывали **ядовитые** свои жала;
- 8) Fiend – призрак **могильный**;
- 9) was void – сделался тогда **огромным** запустением;
- 10) was a lump – составляли одну только **смешанную** груду;
- 11) stood still – были спокойны и **немые**;
- 12) depths – бездн **глубоких**.

Добавление наречия-сирконстанта или сирконстанта:

- 1) and came – и **вновь** наставало (наречие-сирконстанта времени);
- 2) did live – **повсюду** разводили огни (наречие-сирконстант места);
- 3) men were gather'd – люди **толпами** сходились (сирконстант образа действия);
- 4) the world contain'd – **ещё** оживляли мир (наречие-сирконстант времени);
- 5) was black – **снова** погрузилось во мраке (наречие-сирконстант времени);
- 6) shriek'd – кричали **отвратительными криками** (сирконстант образа действия);
- 7) hissing – **ещё** шипели (наречие-сирконстант времени);
- 8) and War – и **скоро** война (наречие-сирконстант времени);
- 9) no love was left – не знали **уже** любви (наречие-сирконстант времени);
- 10) by the meagre – **также** иссохшими (наречие-сирконстант, выражающее добавление новых признаков к уже имеющейся теме);
- 11) answer'd not with a caress – не могшую **уже** ласкать (наречие-сирконстант времени);
- 12) for an unholy usage – назначенных **уже** для мирского употребления (наречие-сирконстант времени);
- 13) the feeble ashes – **ещё** горячий пепел (наречие-сирконстант времени);
- 14) died – умерли **в ужасе** (сирконстант образа действия);
- 15) it grew lighter – исчезало **над пеплом** (сирконстант места);
- 16) was void – сделался **тогда** огромным запустением (наречие-сирконстант времени);
- 17) had no need – не имел **уже** <...> нужды (наречие-сирконстант времени).

Добавление квантора:

- 1) the habitations – **все** жилища (общности);
- 2) with blood – **одною** кровью (по функции идентичен ограничительной частице предикату лишь/только);
- 3) enemies – **два** врага (числовой).

Добавление актанта:

- 1) trunks – пни **дерев** (объектив как целое по отношению к исходной части);
- 2) sate – насытиться <...> **добычей** (предикатный объектив);
- 3) immediate and inglorious – **смерти** близкой и бесславной (предикатный дескриптив);
- 4) without a surge – не колебали **волн** (предикатный объектив).
- 5) to a corse – телу своего **господина** (пациентив, притяжательное значение);

Добавление частицы-предиката:

- 1) two – **только** двое (ограничительная частица);
- 2) was a lump – составляли одну **только** смешанную груду (ограничительная частица).

Обобщённость.

Опущение глагольного предиката:

- 1) sate <...> **gorging** – насытиться (предикат-причастие воздействия);

2) **saw**, and shriek'd, and died – вскричали и умерли (глагольный предикат действия в функции однородного сказуемого).

Опущение наречия-сирконстанта или сирконстанта:

1) **with curses** cast them down upon the dust – бросались на прах (сирконстант образа действия);

2) sate **sullenly** – насытиться (наречие-сирконстант образа воздействия);

3) sate <...> **in gloom** – насытиться (сирконстант места);

4) **then** they lifted up their eyes – они подняли глаза (наречие-сирконстант времени);

5) **as** they dropp'd – своим падением (наречие-сирконстант времени).

Опущение актантов:

1) **the thrones**, the palaces <...>, the huts, the habitations <...> were burnt – жилища были сожжены (объектив в функции однородного дополнения);

2) the thrones, **the palaces** <...>, the huts, the habitations <...> were burnt – жилища были сожжены (объектив в функции однородного дополнения);

3) the thrones, the palaces <...>, **the huts**, the habitations <...> were burnt – жилища были сожжены (объектив в функции однородного дополнения);

4) the habitations of all **things** which dwell – все жилища (пациентив с притяжательным значением с придаточной определительной в функции предиката свойства);

5) happy were those who dwelt **within** the eye of the volcanos, and **their mountain-torch** – счастливы те, кои жили близ грозных горнил огнедышущих! (локатив).

Опущение квантора:

1) the multitude – люди (субстантивированный квантор при нулевом актанте: **множество** (людей) – люди);

2) **all** stood still – были спокойны (общности).

Опущение частицы-предиката:

1) **even** of their mutual hideousness <...> died – умерли <...> от их взаимного безобразия (усилительная).

Опущение предикатного выражения:

1) they died;

2) they slept on the abyss.

Интенциональный уровень.

Буквальность.

1. the icy earth swung **blind** – земля, охладевшая и **как-бы слепая** <...> осалась висящею;

2. + 3. Morn **came** <...> and **came** – утро **наставало** <...> и вновь **наставало**;

4. within **the eye** of the volcanos – близ <...> горнил (часть целого);

5. **hid** their eyes – **закрывали** глаза;

6. **fed** their funeral piles with fuel – спеша нести всё, что могло продолжить пламя костров их погребальных;

7. till hunger **clung** them – доколе сами они не падали от голода;

8. beside the **dying** embers of an altar-place – подле **тухнувших** головней жертвенника;

9. the **feeble** ashes – **горячий** пепел;

10. blew for a **little life** – раздуть хотя **несколько огня**;

11. made a flame which was a **mockery** – успели развести **брежжущее** пламя;

12. they slept on the abyss – опущение ПВ и метафоры;
13. the tides were in their grave – они лежали, как во гробе;
14. the clouds **perish'd** – облака **исчезли**.

Образность.

1. within <...> the **volcanos** – близ <...> **горнил**;
2. a fearful hope was all **the world contain'd** – одна надежда, смешанная со страхом, ещё **оживляла мир**;
3. **despairing** light – **умирающее** пламя;
4. look'd up <...> on the dull **sky** – обращали <...> взоры свои к мрачному **покрову небес**;
5. a **past** world – **труп** вселенной;
6. stingless – позабывали ядовитые свои жала;
7. the crowd was famish'd by degrees – **голод** опустошил мало помалу вселенную (нулевой агентив в метафорический);
8. the rivers, lakes and ocean all stood still – реки, озёра и океан были спокойны и **немы**;
9. the winds **were wither'd** – ветры **увяли**.

Тождественность и преобразованность (смысловая).

1. I <i>had</i> a dream, which was not all a dream.	1. Я <i>видел</i> сон, который был не совсем сон. (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация)
2. The bright sun was extinguish'd,	2. Блестящее <i>светило</i> солнца угасло; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; добавление)
3. and the stars Did wander darkling in the eternal space, Rayless, and pathless,	3. звезды, обнаженные лучей своих, бродили без порядка во тьме, посреди вечного пространства; (Частичное денотативное тождество: замена адъективного предиката свойства на причастный оборот с причастием-предикатом окачественного воздействия как свойства (rayless – обнаженные лучей своих); замена адъективного предиката свойства на сирконстант образа действия (pathless – без порядка); замена адъективированного предиката-причастия окачественного состояния как свойства на сирконстант места: darkling – во тьме)
4. and the icy earth Swung blind and blackening in the moonless air;	4. земля, охладевшая и <i>как бы</i> слепая в отсутствии луны, <i>осталась</i> висящею посреди мрачной атмосферы. (Трансформирующее денотативное

<p>5. Morn came</p> <p>6. and went –</p> <p>7. and came,</p> <p>8. and brought no day,</p> <p>9. And men forgot their passions in the dread Of <i>this their</i> desolation;</p> <p>10. and all hearts Were chill'd into a selfish <i>prayer for light</i>:</p> <p>11. And they did live by watchfires –</p>	<p>преобразование: замена псевдо-активной ситуации на созерцательную ситуацию; замена адъективного предиката свойства на адъективированное причастие окачественного действия как свойства (icy – охладевшая); замена адъективного предиката свойства на предикат-существительное с существительным-непредикатом: moonless – в отсутствии луны; добавления)</p> <p>5. Утро наставало, (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры, same – наставало)</p> <p>6. убегало (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация (went «уходило» – убегало): добавление дифференциальной семы образа действия)</p> <p>7. и <i>вновь</i> наставало; (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (same – наставало); конкретизация: went – убегало; добавление)</p> <p>8. но не приводило <i>за собою</i> дня. (Частичное сигнификативное тождество; добавление)</p> <p>9. Люди забыли свои страсти в ужасе <i>всеобщего</i> уныния: (Частичное сигнификативное тождество; добавление и опущение)</p> <p>10. все сердца, сжатые хладным эгоизмом, (чувствовали) одно желание – желание света. (Частичное денотативное тождество: замена нулевого агента на агентив ‘эгоизм’; опущение)</p> <p>+ (сердца) <...> чувствовали одно желание – желание света (Добавление ситуации)</p> <p>11. Повсюду (разводили) огни и стекались к их <i>мерцанию</i>:</p>
--	---

<p>12. <i>and the thrones,</i> <i>The palaces of crowned kings – the huts,</i> <i>The habitations of all things which dwell,</i> <i>Were burnt for beacons;</i></p> <p>13. cities were consum'd,</p> <p>14. And men were gather'd round their blazing homes To look once more into each other's face;</p> <p>15. Happy were those who dwelt within <i>the</i> <i>eye</i> Of the volcanos, and their <i>mountain-torch</i>:</p> <p>16. A fearful hope was <i>all</i> the world contain'd;</p>	<p>(Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на активную; генерализация: watchfires – огни; добавление)</p> <p>+ разводили (огни) (Добавление ситуации)</p> <p>12. <i>все</i> жилища были сожжены для подания знаков. (Частичное денотативное тождество: замена существительного-непредиката на существительное предикат с существительным предикатом (for beacons – для подания знаков); опущения и добавление)</p> <p>13. Грады сделались жертвою пламени, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; замена нулевого агента на бенефициатив ‘пламя’)</p> <p>14. и люди <i>толпами</i> сходились вокруг пылающих кровов своих, дабы взглянуть еще друг на друга. (Частичное денотативное тождество: изменение семантики глагольного предиката-сказуемого действия и сопутствующее изменение семантической роли аргумента с пациентива на агентив (men – люди); генерализующая метонимия (into each other’s face – друг на друга); добавление)</p> <p>15. Счастливы те, кои жили близ <i>грозных</i> горнил <i>огнедышущих!</i> (Частичное денотативное тождество: метафорический перенос (volcanos – горнила); добавления и опущения)</p> <p>16. Одна надежда, смешанная со страхом, <i>еще</i> оживляла мир. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на активную; замена адъективного предиката свойства на причастный оборот с предикатом-причастием окачественного воздействия как свойства (fearful – смешанная со страхом);</p>
--	---

<p>17. Forests were <i>set on fire</i> –</p> <p>18. but hour by hour They <i>fell</i> and faded –</p> <p>19. and the crackling trunks Extinguish'd with a crash –</p> <p>20. and all was black.</p> <p>21. The brows of men by the despairing light Wore an unearthly aspect,</p> <p>22. as by fits The flashes fell upon them;</p>	<p>добавление и опущение)</p> <p>17. Леса были <i>зажжены</i>, (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение)</p> <p>18. но с часу на час они истлевали и <i>превращались в пепел</i>; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена одного из глагольных предикатов-сказуемых действия)</p> <p>19. сверкающие пни <i>дерев</i> угасали с <i>последним</i> треском, (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена объекта (trunks – пни); неэквивалентная замена адъективированного предиката-причастия окачественного действия как свойства (crackling – сверкающие); добавления)</p> <p>20. и все <i>снова</i> погрузилось во мраке; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; добавление)</p> <p>21. умирающее пламя их <i>отражалось</i>, (как бы беглые молнии – ситуация 20), на челах людей и придавало им вид необыкновенный. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на ситуацию с псевдо-активным и активным глагольными предикатами действия (‘отражалось’ и ‘придавало’); конкретизация с неэквивалентной заменой адъективного предиката свойства (despairing light – умирающее пламя); добавление)</p> <p>22. как бы беглые молнии (Деформирующее денотативное преобразование: псевдо-активная ситуация заменена на предикат- существительное с адъективным предикатом свойства и словосочетанием ‘как бы’, выражающим условно-предположительное сравнение)</p>
---	--

<p>23. some lay down</p>	<p>23. Одни падали <i>ниц</i>, (Частичное денотативное тождество: конкретизация (some – одни); добавление)</p>
<p>24. And <i>hid their eyes</i></p>	<p>24. <i>закрывали глаза</i> (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры)</p>
<p>25. and <i>wept</i>;</p>	<p>25. и <i>проливали слезы</i>; (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение)</p>
<p>26. and some did rest Their <i>chins</i> upon their clenched hands,</p>	<p>26. другие покоились лицами на сложенных крестообразно руках своих (Абсолютное денотативное тождество: генерализующая метонимия (<i>chins</i> – лица); замена адъективированного предиката-причастия окачественного воздействия как свойства на причастный оборот с предикатом-причастием окачественного воздействия как свойства (<i>clenched</i> – сложенные крестообразно); конкретизация: some – другие)</p>
<p>27. and <i>smil'd</i>;</p>	<p>27. и <i>силились</i> улыбнуться: (Деформирующее денотативное преобразование: добавление модального глагольного предиката, затрагивается семантика глагольного предиката- суказуемого и всей ситуации в целом)</p>
<p>28. And others hurried to and fro,</p>	<p>28. большая часть их бегала взад и вперед, спеша (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение (<i>hurried</i> – бегала <...>, спеша); конкретизация: others – большая часть их)</p>
<p>29. and <i>fed</i> Their funeral piles with <i>fuel</i>,</p>	<p>29. нести все, что могло продолжить пламя костров их погребальных: (Абсолютное денотативное тождество: парафраза (<i>fuel</i> – всё, что могло продолжить пламя); нейтрализация метафоры: <i>fed</i> – несли)</p>
<p>30. and <i>look'd up</i> With mad disquietude on the dull sky, The pall of a past world;</p>	<p>30. они обращали беспокойные, иступленные взоры свои к мрачному покрову небес, который (казался) <i>черною</i> пеленою, <i>накинутой</i> на труп вселенной –</p>

<p>31. and then <i>again</i> <i>With curses cast them down upon the dust,</i></p> <p>32. And gnash'd <i>their</i> teeth</p> <p>33. and <i>howl'd</i>:</p> <p>34. the wild birds shriek'd</p> <p>35. And, terrified, did flutter on the ground,</p> <p>36. And <i>flap</i> their useless wings;</p> <p>37. the wildest brutes Came <i>tame</i> and tremulous;</p>	<p>(Частичное денотативное тождество: семантическое перераспределение (look'd up – обращали взоры <...> к); метафорический перенос (sky – покров небес); замена предиката-существительного на адъективный предикат свойства (disquietude – беспокойные); добавления)</p> <p>+ (который) казался (Добавление ситуации)</p> <p>31. и <i>вдруг</i> потом бросались на прах, (Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена наречия-сирконстанта времени на наречие-сирконстант образа воздействия (again – вдруг); опущение)</p> <p>32. скрежетали зубами (Частичное сигнификативное тождество: опущение)</p> <p>33. и <i>испускали вой</i>. (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение)</p> <p>34. Дикая птица кричала <i>отвратительными криками</i>, (Частичное сигнификативное тождество: добавление)</p> <p>35. в испуге летали по земле (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого действия (did flutter – летали); замена адъективированного предиката-причастия окачественного воздействия как свойства на предикат-существительное: terrified – в испуге)</p> <p>36. и <i>поражали воздух</i> своими бесполезными крыльями. (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение)</p> <p>37. Кровожаднейшие звери стали <i>робки</i> и познали трепет;</p>
--	---

<p>38. and <i>vipers</i> crawl'd</p>	<p>(Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена адъективного предиката свойства; замена адъективного предиката свойства на существительное-предикат состояния: same <...> tremulous – познали трепет)</p> <p>38. змеи ползали (Абсолютное денотативное тождество: генерализация)</p>
<p>39. And twin'd themselves among the multitude, Hissing, but stingless —</p>	<p>39. и сплетались между людьми – они <i>еще</i> шипели, но позабывали ядовитые свои жала. (Частичное денотативное тождество: замена нулевого агента на агентив ‘они’; замена нулевого пациентива при субстантивированном кванторе ‘the multitude’ на пациентив ‘люди’; замена адъективированного предиката-причастия окачественного действия как свойства на глагольный предикат действия (hissing – шипели); замена адъективного предиката свойства на глагольный предикат действия с существительным-непредикатом и адъективным предикатом свойства (stingless – позабывали ядовитые свои жала); добавление)</p>
<p>40. they were slain for food.</p>	<p>40. Их убивали на пищу: (Абсолютное денотативное тождество: залоговое преобразование)</p>
<p>41. And War, which <i>for a moment</i> was no more, Did glut himself again:</p>	<p>41. и <i>скоро</i> война, мгновенно прекратившая бытие свое, явила вновь свою злобу. (Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена сирконстанта времени на наречие-сирконстант времени (for a moment – мгновенно); замена придаточной определительной на деепричастный оборот; метафорическая дифференциация: War <...> did glut himself again – война <...> явила вновь свою злобу; добавление)</p>
<p>42. a meal was bought With blood,</p>	<p>42. <i>Одною</i> кровью покупали себе пищу, (Частичное денотативное тождество: залоговое преобразование; добавление)</p>

<p>43. and each sate <i>sullenly</i> apart <i>Gorging himself in gloom:</i></p>	<p>43. и каждый уходил насытиться в отдалении <i>своею добычею.</i> (Частичное денотативное тождество: замена глагольного предиката-сказуемого на глагольный предикат, выраженный инфинитивом (sate – насытиться); добавление и опущения) + (каждый) уходил (Добавление ситуации)</p>
<p>44. no love was left;</p>	<p>44. Не знали <i>уже</i> любви, (Частичное денотативное тождество: изменение семантики глагольного предиката-сказуемого и сопутствующее добавление нулевого экспериенса; добавление)</p>
<p>45. All earth was but one thought – and that was death Immediate and inglorious;</p>	<p>45. вся земля имела одну только мысль – мысль о смерти, смерти близкой и бесславной: (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация при повторной номинации, that – мысль)</p>
<p>46. and the pang Of famine <i>fed upon</i> all entrails—</p>	<p>46. муки голода <i>раздирали</i> все утробы: (Абсолютное денотативное тождество: метафорическая дифференциация)</p>
<p>47. men Died,</p>	<p>47. люди умирали, (Синтаксическое тождество)</p>
<p>48. and their bones were tombless as their flesh;</p>	<p>48. и кости их лежали без погребения, как и тела их. (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация (were – лежали); замена адъективного предиката свойства на существительное-предикат: tombless – без погребенья)</p>
<p>49. The meagre by the meagre were devour'd,</p>	<p>49. Иссохшие трупы были пожираемы людьми, <i>также</i> иссохшими, (Частичное денотативное тождество: замена нулевого агента и объекта на агентив ‘люди’ и объектив ‘трупы’; добавление)</p>
<p>50. Even dogs assail'd their masters, all save one,</p>	<p>50. самые псы нападали на господ своих, все, исключая одного,</p>

	(Абсолютное денотативное тождество: замена усилительной частицы на эквивалентное по смыслу местоимение, even – самые)
51. And he was faithful to a corse,	51. который остался верен телу <i>своего господина</i> (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; добавление)
52. and kept The birds and beasts and famish'd men at bay,	52. и защищал его от птиц, животных и людей алчущих, (Частичное денотативное тождество: замена глагольного предиката-сказуемого на синонимичный (keep <...> at bay – защищать), смещение фокуса с объектов воздействия ‘the birds and beasts and famish'd men’ на объект воздействия ‘его’, добавленный в текст перевода)
53. Till <i>hunger clung them</i> ,	53. доколе <i>сами они не падали от голода</i> , (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; нейтрализация метафоры)
54. or the <i>dropping</i> dead Lur'd their lank jaws;	54. или истонченные зубы их не обращались на умирающих. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена причины следствием; ‘the <...> dead lur'd their lank jaws’ («трупы привлекали их тонкие челюсти») – ‘истончённые зубы их <...> обращались на умирающих’; уточняющая метонимия (jaws – зубы); опущение)
55. himself sought out no food,	55. Сей пес не искал пищи, (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация при повторной номинации, himself – сей пёс)
56. But with a piteous and perpetual moan,	56. но выл воем жалобным и непрерывным: (Абсолютное денотативное тождество: замена предиката-существительного действия ‘moan’ на глагольный предикат действия ‘выл’ с сирконстантом образа действия ‘воем’)
57. And a quick desolate cry,	57. – (Опущение ситуации)

<p>58. licking the hand Which answer'd not with a caress –</p>	<p>58. (он умер – ситуация 57), лижа руку, немогшую <i>уже</i> ласкать <i>его</i>: (Трансформирующее денотативное преобразование: замена следствия на причину; ‘answer’d not with a caress’ «не ответила лаской» – ‘немогшую уже ласкать его’; добавления)</p>
<p>59. he died.</p>	<p>59. он умер (Синтаксическое тождество)</p>
<p>60. The crowd was famish'd by degrees;</p>	<p>60. Голод опустошил мало помалу вселенную; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена воздействия следствием; ‘the crowd was famish’d’ «толпа умирала от голода» – ‘голод опустошил вселенную’)</p>
<p>61. but two Of an enormous city did survive,</p>	<p>61. остались только двое, <i>жители</i> великого города: (Частичное сигнификативное тождество: добавление)</p>
<p>62. And they were enemies:</p>	<p>62. это были <i>два</i> врага. (Частичное денотативное тождество: замена личного местоимения на указательное (they – это); добавление)</p>
<p>63. they met beside The <i>dying</i> embers of an altar-place</p>	<p>63. Они встретились подле <i>тухнувших</i> головней жертвенника, (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры)</p>
<p>64. Where had been heap'd a mass of holy things For an unholy usage;</p>	<p>64. на коем собрано было множество утварей священных, <i>назначенных</i> уже для мирского употребления; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на созерцательную; конкретизация: things – утварь; антонимический перевод: for an unholy usage – для мирского употребленья; добавление)</p>
<p>65. they rak'd up,</p>	<p>65. с (трепетом) они приподняли еще (горячий пепел) (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (rak’d up – приподняли); предикат-</p>

<p>66. And shivering scrap'd with their cold skeleton hands The feeble ashes,</p> <p>67. and their feeble breath Blew for a little life,</p> <p>68. and made a flame Which was a mockery;</p> <p>69. <i>then</i> they lifted up Their eyes as it grew lighter,</p> <p>70. and beheld Each other's aspects –</p> <p>71. saw,</p> <p>72. and shriek'd,</p>	<p>существительное ‘с трепетом’ и объектив с адъективным предикатом свойства ‘горячий пепел’ использованы в следующей ситуации)</p> <p>66. и откинули его хладными, изможденными руками своими; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (scrap'd – откинули); нейтрализация метафоры: feeble ashes – горячий пепел)</p> <p>67. слабым дыханием <i>тицлились</i> они раздуть хотя несколько огня (Деформирующее денотативное преобразование: добавление модального предиката – затрагивается семантика глагольного предиката-сказуемого и, как следствие, всей ситуации; нейтрализация метафоры: a little life – хотя несколько огня)</p> <p>68. и <i>успели</i> развести брежжущее пламя: (Деформирующее денотативное преобразование: добавление модального предиката – затрагивается семантика глагольного предиката-сказуемого и, как следствие, всей ситуации; нейтрализация метафоры: mockery – брежжущее)</p> <p>69. когда оно исчезало над пеплом, они подняли глаза, (Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена сирконстанта времени (as it grew lighter – когда оно исчезало над пеплом); опущение)</p> <p>70. и увидя друг друга, (Абсолютное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на предикат-деепричастие действия (beheld – увидя); генерализующая метонимия: each other's aspects – друг друга)</p> <p>71. – (Опущение ситуации)</p> <p>72. вскричали</p>
--	--

73. and died –	(Абсолютное сигнификативное тождество) 73. – (Опущение ситуации)
74. <i>Even</i> of their mutual hideousness they died,	74. и умерли <i>в ужасе</i> от их взаимного безобразия, (Частичное денотативное тождество: замена пациентива ‘they’ на нулевой пациентив; добавление и опущение)
75. Unknowing who he was upon whose brow	75. не зная, кто тот, на челе которого (Абсолютное денотативное тождество: замена личного местоимения ‘he’ на указательное местоимение ‘тот’)
76. Famine had written Fiend.	76. голод положил черты призрака могильного. (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена объектива (Fiend – призрак могильный); семантическое перераспределение: had written – положил черты)
77. The world was void,	77. Мир соделался <i>тогда огромным</i> запустением: (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; замена адъективного предиката свойства на предикат-существительное свойства (void – запустение); добавления)
78. The populous and the powerful was a lump,	78. грады, страны цветущие и многолюдные составляли <i>одну только смешанную</i> груду, (Частичное денотативное тождество: замена нулевых дескриптивов на дескриптивы ‘грады’ и ‘страны’; добавления)
79. <i>Seasonless</i> , herbless, treeless, manless, lifeless –	79. <i>без времен годовых</i> , без зелени, без деревьев, без людей, без жизни, (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение)
80. A <i>lump</i> of death – a chaos of hard clay.	80. хаос смерти и вещество недвижимое: (Частичное денотативное тождество: генерализация (clay – вещество); опущение)
81. The rivers, lakes and ocean all stood	81. реки, озера и океан были спокойны и <i>немы</i> ;

<p>still,</p> <p>82. And nothing stirr'd within their silent depths;</p> <p>83. Ships sailorless <i>lay</i> rotting on the sea,</p> <p>84. And their masts fell down piecemeal:</p> <p>85. as they dropp'd</p> <p>86. They slept <i>on the abyss</i> without a surge —</p> <p>87. The waves were dead;</p> <p>88. the tides were in their grave,</p>	<p>(Частичное денотативное тождество: генерализация (stood – были); добавление)</p> <p>82. ничто не нарушало тишины их бездн <i>глубоких</i>; (Абсолютное денотативное тождество: изменение семантики глагольного предиката-сказуемого и сопутствующая смена семантической роли аргумента с локатива на объектив как объект отношения: within <...> their depths – их бездн глубоких)</p> <p>83. корабли без плавателей согнивали на море; (Частичное денотативное тождество: опущение глагольного предиката-сказуемого состояния 'lay', в котором объект пребывает одновременно с состоянием, которое в оригинале выражено предикатом-причастием окачественного состояния как свойства 'rotting'; в переводе заменяется глагольным предикатом-сказуемым состоянием 'согнивать')</p> <p>84. райны их распадалися на части, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена следствия причиной, 'fell down' («падали вниз») – 'распадалися')</p> <p>85. – (Опущение ситуации: данный сирконстант времени используется в следующей ситуации)</p> <p>86. но не колебали <i>волн</i> своим падением: (Деформирующее денотативное преобразование: изменение семантики глагольного предиката-сказуемого; замена сирконстанта времени на предикат-существительное; добавление и опущение)</p> <p>87. волны были мертвы, (Синтаксическое тождество)</p> <p>88. они лежали, <i>как</i> во гробе. (Частичное денотативное тождество: генерализация при повторной номинации (the tides – они); конкретизация (were – лежали);</p>
--	--

89. The moon, their mistress, had expir'd before;	добавление) 89. Луна, учреждавшая некогда правильные их движения, уже не существовала. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена псевдо-активной ситуации на созерцательную; замена аргумента-приложения 'mistress' на причастный оборот)
90. The winds were wither'd in the stagnant air,	90. Ветры увяли в остановившемся воздухе, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную)
91. And the clouds <i>perish'd</i> ;	91. облака <i>исчезли</i> ; (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры)
92. Darkness had no need <i>Of aid</i> from them –	92. мрак не имел <i>уже</i> в них нужды; (Частичное сигнификативное тождество: добавление и опущение)
93. <i>She</i> was the Universe.	93. <i>мрак</i> была вселенная! (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация при повторной номинации)

Тождественность и преобразованность (формальная).

Перевод стихотворного произведения выполнен в прозе.

Перевод М.П. Вронченко

Экспонентный уровень.

Активность.

Проявление активности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более 'динамическую' в переводе:

1. Замена адъективного предиката свойства на адъективированное причастие-предикат окачественного воздействия как свойства:

1) their bones were **tombless** – с **лишёнными гробов** костями (адъективированное причастие-предикат сопровождается аргументом в объективе).

2. Замена исходной единицы на более 'предикативную' в переводе:

1. Замена существительного-непредиката на существительное-предикат свойства:

1) or the dropping dead lur'd their lank **jaws** – иль новый их **алчности** не представлялся труп.

2. Замена существительного-непредиката на существительное-предикат действия:

1) lifted up their **eyes** – подъяли <...> **взор**.

3. Замена предиката-существительного на глагольный предикат воздействия:

1) they were slain for **food** – их, убивая, **поедали** люди.

Проявление активности на уровне ситуаций.

1. Замена созерцательной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена дескриптива на псевдо-активный объектив:

1) the **waves** were dead – не стало **волн**.

2. Замена дескриптива на псевдо-активный пациентив:

1) and **War**, which for a moment was no more – и **брань**, на миг умолкшая.

б. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с увеличением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена дескриптива на псевдо-активный объектив:

1) the **world** was void – **мир** стал дикою пустыней.

в. Замена исходного аргумента в локативе на аргумент с 'псевдо-активной' семантической ролью с уменьшением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена локатива на псевдо-активный объектив:

1) they did live **by watchfires** – зажглись **огни** повсюду.

2. Замена созерцательной ситуации на активную.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на 'активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена объектива на агентив:

1) **the rivers** <...> **ocean** <...> stood still – **реки, океан** – замолкли.

2. Замена дескриптива на агентив:

1) **the dull sky**, the pall of a past world – **небо**, одевшее, как саван, мёртвый мир.

3. Замена пациентива на агентив:

1) the **tides** were in their grave – в гроб легли **приливы**.

б. Замена исходного предиката, не являющегося аргументом, на 'активный' аргумент без изменения семантической роли исходного 'пассивного' аргумента (особый случай изменения состава аргументов).

1. Замена существительного-предиката состояния на агентив:

1) men forgot their passions **in the dread** – в людях **ужас** заглушил все страсти.

2. Замена сирконстанта причины на агентив:

1) **of** their mutual **hideousness** they died – каждый <...> другого **видом страшным** умерщвлён был.

3. Добавление активной (или псевдо-активной) ситуации в текст перевода или опущение созерцательной ситуации.

а. Опущение созерцательной ситуации:

1) the populous and the powerful was a lump.

Созерцательность.

Проявление созерцательности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более 'статичную' в переводе:

–

2. Замена исходной единицы на более 'номинативную' в переводе:

–

Проявление созерцательности на уровне ситуаций.

1. Замена активной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена 'активной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена агента на псевдо-активный объектив:

1) **War** <...> did glut himself again – **брань** <...> зажглась вновь;

2) **morn** came and went – and came – наступил **час утра**, прошёл, настал опять.

2. Замена агента на псевдо-активный перцептив:

1) **the dropping dead** lur'd their lank jaws – новый их алчности не представлялся **труп** (нулевой агентив при субстантивированном прилагательном).

б. Устранение нулевого 'активного' аргумента с заменой семантической роли исходного 'пассивного' аргумента на 'псевдо-активную' и уменьшением количества участников ситуации («смешанный» тип).

1. Замена объектива как объекта воздействия псевдо-активный объектив:

1) the bright **sun** was extinguish'd – потухло <...> **солнце**;

2) the **winds** were wither'd – истлели **ветры**;

3) the **habitations** <...> were burnt for beacons – **жилища** <...> в кострах истлели;

4) all **hearts** were chill'd – **желанья** всех **сердец** слились (сохранение количества участников в результате добавления предикатного объектива 'желанья').

2. Замена пациентива как объекта воздействия псевдо-активный пациентив:

1) no **love** was left – умерла **любовь**.

2. Замена активной ситуации на созерцательную.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на 'созерцательную' («чистый» тип).

1. Замена нулевого агента на нулевой экспериенсив:

1) the bright sun was extinguish'd – мнилось солнце;

2) some lay down – многие лежали (нулевой экспериенсив при субстантивированном кванторе).

2. Замена агента на экспериенсив:

1) **himself** sought out no food – без пищи **сам**.

3. Замена элементива на объектив:

1) the icy **earth** swung – хладная **земля** чернелась (объектив как объект состояния).

б. Устранение 'активного' аргумента с заменой семантической роли исходного 'пассивного' аргумента на 'созерцательную' («чистый» тип).

1. Устранение агента:

1) **nothing** stirr'd within their silent depths – в глубине их мёртвый был покой;

2) **morn** <...> brought no day – дня нет, как нет!

2. Устранение нулевого агента:

1) where had been hear'd a mass of holy things – где <...> утварей обломки лежали грудой.

Субстанциональный уровень.

Конкретность.

Конкретизация.

1) I **had** a dream – Я **видел** сон (to have – to experience something [Camb.], испытать с помощью органов чувств; «видеть» – один из способов осуществления такого действия);

2) a mass of holy **things** – **утварей** обломки (a thing – предмет; утварь – совокупность предметов, необходимых в обиходе, в какой-либо области жизни [СРЯ]: добавление дифференциальных признаков);

3) manless – без жителей («человек» – представитель населения; тот, кто живёт где-либо, в чём-либо [СРЯ]);

4) the tides – приливы (the alternate rising and falling of the surface of the ocean [MW] – приливы; 'the tides' выступает как гипероним по отношению к гипонимам «прилив» и «отлив»).

‘Уточняющая’ метонимия.

1) famine – десница глада («голод» – «рука голода»).

Замена генерализованного актанта на конкретный.

1) they were slain for food – их, убивая, поедали **люди** (нулевой агентив заменён агентивом);

2) the crowd was famish'd – **глад** губил людей (нулевой агентив заменён предикатным образным агентивом).

Абстрактность.

Генерализация.

1) watchfires – огни (watchfire – a **fire** lighted as a signal or for the use of a guard [MW] – огонь);

2) beacons – костры (beacon – a signal **fire** commonly on a hill, tower, or pole [MW] – костёр);

3) vipers – змеи (vipera – a venomous or reputedly venomous **snake** [MW] – змея);

4) stingless – безвредные ('to sting' to pierce or **wound** with a poisonous or irritating process [MW], synonyms for **wound**: damage, **harm**, hurt, injure [MW] – вред).

‘Генерализующая’ метонимия.

1) into each other's face – друг на друга (лицо как часть человека);

2) within the eye of the volcano's – вблизи <...> вулканов («близ жерла вулканов» – «близ <...> вулканов»);

3) the <...> **trunks** extinguish'd – гасло за деревом **дерево** (ствол – часть дерева);

4) the brows of men – люди (лоб – часть лица человека, в оригинале указан пациентив – 'men');

5) some did rest their **chins** – иные <...> **главу** склонивши (подбородок – часть головы).

Замена конкретного актанта на генерализованный.

1) –

Детализованность.**Добавление глагольного предиката:**

1) the bright sun was extinguish'd – потухло, **мнилось** солнце (в функции однородного сказуемого);

2) men died and their bones were tombless – люди, умирая, с лишёнными гробов костями **валялись** и гнили (в функции однородного сказуемого);

3) men died and their bones were tombless – люди, умирая, с лишёнными гробов костями **валялись** и **гнили** (в функции однородного сказуемого).

Добавление адъективного предиката свойства:

1) in the moonless air – в **мрачной**, безлунной тверди;

2) of all things which dwell – всех **домовитых** мира населяющих (things which dwell – населяющие: обратная парафраза);

3) they were enemies – **смертельные** друг другу два врага;

4) as it grew lighter – при **минутном**, трепетном сияньи;

5) as it grew lighter – при минутном, **трепетном** сияньи;

6) died – пали **бездыханны**;

7) the world was void – **прекрасный** мир стал дикою пустыней;

8) the world was void – прекрасный мир стал **дикою** пустыней;

9) a lump – глыбой **безобразной**;

10) nothing stirr'd – **мёртвый** был покой;

11) she was the Universe – мрак <...> **непроницаем** был и повсеместен.

Добавление наречия-сирконстанта или сирконстанта:

1) came – настал **опять** (наречие-сирконстант времени);

2) the palaces <...> were burnt for beacons – **вскоре** замки в кострах истлели (наречие-сирконстант времени);

3) did glut himself again – **повсюду** зажглася вновь (наречие-сирконстант места);

4) licking the hand – лизал он руку **долго** (наречие-сирконстант времени);

5) Famine had written Fiend – **грозно** десница глада начертала: враг (наречие-сирконстант образа воздействия);

6) blew for a little life – **на углях** вздули пламя (сирконстант места).

Добавление квантора:

1) passions – **все** страсти (общности);

2) they were enemies – смертельные друг другу **два** врага (числовой).

Добавление актанта:

1) of all things which dwell – всех домовитых **мира** населяющих (локатив);

2) within <...> their mountain-torch – вблизи **природы** горных факелов (объектив, притяжательное значение);

3) with their <...> skeleton hands – руками, иссохшими, **как остов** (объектив как основание для сравнения);

4) with <...> their feeble breath – дыханьем **слабым помертвевших уст** (объектив с предикатом свойства, притяжательное значение);

5) fell down – падали **с них** в воду (объектив);

6) fell down – падали с них **в воду** (локатив).

Добавление частицы-предиката:

1) –

Обобщённость.

Опущение глагольного предиката:

1) rak'd up, and <...> **scrap'd** – сгребли (в функции однородного сказуемого).

Опущение адъективного предиката свойства:

1) the **bright** sun – солнце;

2) did wander **darkling** <...> pathless – блуждали;

3) did wander darkling <...> **pathless** – блуждали;

4) swung **blind** and blackening – чернелась;

5) of **crowned** kings – царей;

6) the **crackling** trunks – древо;

7) did rest their chins upon their **clenched** hands – на длань главу склонивши;

8) look'd up with mad disquietude on the **dull** sky – возводили дикий взор на небо;

9) **wild** birds – птицы;

10) the wildest brutes came tame and **tremulous** – укротилась зверей лютейших ярость («came tame (стали ручные)» – укротилась ярость: модуляция; опущение предиката свойства);

11) **famish'd** men – человеки;

12) a mass of **holy** things – утварей обломки;

13) the **feeble** ashes – пепл;

14) **seasonless**, herbless, treeless – без древ, растений;

15) the world <...> the populous and **the powerful** – мир (субстантивированное прилагательное как предикат свойства при нулевом актанте);

16) the world <...> **the populous** and the powerful – мир (субстантивированное прилагательное как предикат свойства при нулевом актанте);

17) within their **silent** depths – в глубине их.

Опущение наречия-сирконстанта или сирконстанта:

1) others hurried **to and fro** – другие бегали (сирконстант образа действия);

2) look'd up **with mad disquietude** on the dull sky – возводили дикий взор на небо (сирконстант образа действия, предикат свойства при предикате-существительном в составе сирконстанта присоединяется в переводе к предикату действия «возводить взор»; последний представляет собой глагольный предикат с именным компонентом в его составе);

3) and **then** again – и вновь (наречие-сирконстант времени);

4) **then** they lifted up their eyes – они <...> подъяли взор (наречие-сирконстант времени);

5) fell down **piecemeal** – падали (наречие-сирконстант образа действия);

6) **as they dropp'd** they slept on the abyss – на недвижной почивали бездне (сирконстант времени);

7) the brows of men **by the despairing light** wore an unearthly aspect – люди <...> неземные имели лица (сирконстант времени).

Опущение актантов:

1) a chaos **of hard clay** – хаосом (компаратив с предикатом свойства);

2) their bones were tombless as their **flesh** – с лишёнными гробов костями (объектив в функции однородного дополнения как основание для сравнения).

Опущение квантора:

- 1) fed upon **all** entrails – терзал утробы (общности);
- 2) **all** stood still – замолкли (общности).

Опущение частицы-предиката:

- 1) **even** of their mutual hideousness they died – каждый другого видом страшным умерщвлён был (усилительная).

Опущение предикатного выражения:

- 1) the populous and the powerful was a lump.

Интенциональный уровень.

Буквальность.

1. the icy earth swung **blind** and blackening – хладная земля чернелась;
2. morn **came** and went – and came – **наступил** час утра, прошёл, настал опять;
3. morn came and **went** – and came – наступил час утра, **прошёл**, настал опять;
4. morn came and went – and **came** – наступил час утра, прошёл, **настал** опять;
5. cities were consum'd – в пепел пали грады;
6. within **the eye** of the volcanos – вблизи <...> вулканов;
7. the brows of men <...> **wore** an unearthly aspect – люди; неземные **имели** лица;
8. **hid** their eyes – **закрыв** глаза;
9. **fed** their funeral piles **with fuel** – в погребальных кострах своих возобновляли пламя;
10. the <...> sky, the pall of a past world – небо, одевшее, как саван, мёртвый мир;
11. till hunger **clung** them – пока их голод **не изнурял**;
12. the dropping dead lur'd – не представлялся труп;
13. the hand which answer'd not with a caress – холодную <...> руку;
14. beside the dying embers of an altar place – при алтаре сторевшем;
15. blew for a little life – вздули пламя;
16. a flame which was a mockery – чуть видное <...> пламя;
17. the feeble ashes – пепл;
18. the waves were dead – не стало волн.

Образность.

1. and men forgot their passions in the dread – и в людях ужас заглушил все страсти;
2. and War, which for a moment was no more – и брань, на миг умолкшая;
3. no love was left – умерла любовь;
4. the crowd was famish'd – глад губил людей;
5. with <...> skeleton hands – руками, иссохшими, как остов (метафорическое сравнение).

Тождественность и преобразованность (смысловая).

1. I had a dream, which was not all a dream.	1. Я видел сон, не вовсе бывший сном. (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация, had – видел)
2. The <i>bright</i> sun was extinguish'd,	2. Потухло, (мнилось), солнце, (Трансформирующее денотативное преобразование: активная ситуация заменена псевдо-активной; опущение)

<p>3. and the stars Did wander <i>darkling</i> in the eternal space, Rayless, and <i>pathless</i>,</p> <p>4. and the icy earth Swung <i>blind</i> and blackening in the moonless air;</p> <p>5. Morn came</p> <p>6. and went –</p> <p>7. and came,</p> <p>8. and brought no day,</p> <p>9. And men forgot their passions in the dread <i>Of this their desolation;</i></p>	<p>+ мнилось, (солнце) (Добавление ситуации: добавление предиката-сказуемого и создание новой ситуации в тексте перевода с нулевым экспериенсивом)</p> <p>3. без лучей По беспредельности блуждали звезды, (Частичное денотативное тождество: семантическое перераспределение (the eternal space – беспредельность); опущения)</p> <p>4. И хладная земля чернелась в <i>мрачной</i>, Безлунной тверди. (Деформирующее денотативное преобразование: опущение глагольного предиката-сказуемого ‘swung’ и преобразование исходного адъективированного предиката-причастия окачественного состояния как свойства ‘blackening’ в глагольный предикат-сказуемое ‘чернелась’; добавление и опущение)</p> <p>5. Наступил <i>час</i> утра, (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (same – наступил); добавление)</p> <p>6. Прошел, (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры, went – прошёл)</p> <p>7. настал <i>опять</i> – (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (same – настал); добавление)</p> <p>8. дня нет, как нет! (Трансформирующее денотативное преобразование: активная ситуация заменена созерцательной ситуацией – замена причины следствием)</p> <p>9. И в людях ужас заглушил <i>все</i> страсти, (Трансформирующее денотативное преобразование: псевдо-активная ситуация заменена активной; добавление и опущение)</p>
--	---

<p>10. and all hearts Were chill'd into a selfish prayer for light:</p>	<p>10. <i>Желанья</i> всех сердец слились в одну Своекорыстную мольбу о свете. (Трансформирующее денотативное преобразование: активная ситуация заменена псевдо-активной; добавление)</p>
<p>11. And they did <i>live</i> by watchfires –</p>	<p>11. <i>Зажглись</i> огни повсюду; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката- сказуемого, live – зажглись)</p>
<p>12. and the <i>thrones</i>, The palaces of <i>crowned</i> kings – the huts, The habitations of all things which dwell, Were burnt for beacons;</p>	<p>12. <i>вскоре</i> замки, Дворцы Царей и хижины – жилища Всех <i>домовитых мира</i> населенцев – В кострах истлели; (Трансформирующее денотативное преобразование: активная ситуация заменена псевдо-активной, обратная парафраза (things which dwell – населенцы); добавления и опущения)</p>
<p>13. cities were consum'd,</p>	<p>13. в пепел пали грады, (Трансформирующее денотативное преобразование: активная ситуация заменена псевдо-активной декаузированной)</p>
<p>14. And men were gather'd <i>round their blazing homes</i> To look once more into <i>each other's face</i>;</p>	<p>14. И у <i>пожаров гаснущих</i> толпились, Взглянуть еще раз <i>друг на друга</i>, люди. (Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена локатива с адъективированным предикатом-причастием окачественного действия как свойства; генерализующая метонимия)</p>
<p>15. Happy were those who dwelt within <i>the eye</i> Of the volcanos, and their mountain-torch:</p>	<p>15. Щастливы были жившие вблизи <i>Природы</i> горных факелов, вулканов: (Частичное денотативное тождество: обратная парафраза (those who dwelt – жившие); добавление и опущение)</p>
<p>16. A fearful hope was all the world <i>contain'd</i>;</p>	<p>16. Мир <i>жил</i> одною страшною надеждой. (Абсолютное денотативное тождество: метафорический перенос)</p>
<p>17. Forests were set on fire –</p>	<p>17. <i>Зажглись</i> леса</p>

<p>18. but <i>hour by hour</i> They fell and faded –</p> <p>19. and the <i>crackling</i> trunks Extinguish'd with a crash –</p> <p>20. and <i>all</i> was black.</p> <p>21. The brows of men by the despairing light Wore an unearthly aspect,</p> <p>22. as by fits The flashes fell upon them;</p> <p>23. <i>some</i> lay down</p>	<p>(Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную)</p> <p>18. и <i>вскоре</i> их не стало: (Трансформирующее денотативное преобразование: псевдо-активная ситуация заменена созерцательной ситуацией – замена причины следствием; неэквивалентная замена сирконстанта времени)</p> <p>19. <i>В дыму</i>, со треском упадая, гасло За деревом <i>древо</i> – (Частичное денотативное тождество: генерализующая метонимия (trunks – дерево); добавления и опущение)</p> <p>20. и повсюду <i>мрак</i> был: (Абсолютное денотативное тождество: замена созерцательной ситуации с нулевым дескриптивом при субстантивированном кванторе на созерцательную ситуацию с объективом как объектом состояния)</p> <p>21. При <i>отблесках</i> прерывистых огня (Казались страшны) люди; неземные Имели лица; (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (wore an unearthly aspect – неземные имели лица); неэквивалентная замена адъективированного предиката-причастия окачественного действия как свойства: despairing – прерывистый; добавление)</p> <p>+ казались страшны (люди) (Добавление ситуации: добавление предиката-сказуемого и создание новой ситуации в тексте перевода с нулевым экспериенсивом)</p> <p>22. – (Опущение ситуации)</p> <p>23. <i>многие</i> лежали (Трансформирующее денотативное преобразование: активная ситуация заменяется</p>
--	---

<p>24. And <i>hid</i> their eyes</p> <p>25. and wept;</p> <p>26. and some did rest Their chins upon their <i>clenched</i> hands,</p> <p>27. and smil'd;</p> <p>28. And others hurried <i>to and fro</i>,</p> <p>29. and <i>fed</i> Their funeral piles <i>with fuel</i>,</p> <p>30. and look'd up With mad <i>disquietude</i> on the <i>dull</i> sky, The pall of a past world;</p>	<p>созерцательной ситуацией – замена причины следствием; конкретизация)</p> <p>24. <i>Закрыв</i> глаза (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры)</p> <p>25. и плакали; (Синтаксическое тождество)</p> <p>26. иные На длань главу склонивши, (Частичное денотативное тождество: генерализующая метонимия (<i>chins</i> – глава); опущение)</p> <p>27. улыбались; (Синтаксическое тождество)</p> <p>28. Другие бегали (Частичное денотативное тождество: конкретизация (<i>hurry</i> («действовать быстро») – бегать («передвигаться быстро»); опущение)</p> <p>29. и в погребальных Кострах своих <i>возобновляли пламя</i>, (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры)</p> <p>30. И возводили дикий взор на небо, Одевшее, как саван, мертвый мир; (Частичное денотативное тождество: семантическое перераспределение (<i>look up</i> – возводить взор на); опущения)</p> <p>+ (небо), одевшее (Добавление ситуации: путём добавления предиката-причастия в составе причастного оборота, обозначающего воздействие аргумента ‘небо’, который, помимо исходной семантической функции ‘локатив’, в результате добавления предиката причастия в переводе приобретает семантическую роль образного агента)</p>
---	---

<p>31. and <i>then</i> again With curses cast them down upon the dust,</p>	<p>31. И вновь на прах, с проклятьями, кидались, (Частичное сигнификативное тождество; опущение)</p>
<p>32. And gnash'd <i>their</i> teeth</p>	<p>32. И скрежеща зубами, (Частичное денотативное тождество: замена глагольного предиката воздействия на предикат- деепричастие воздействия, gnash'd – скрежеща; опущение)</p>
<p>33. and howl'd:</p>	<p>33. выли; (Синтаксическое тождество)</p>
<p>34. the <i>wild</i> birds shriek'd</p>	<p>34 + 35. птицы Метались с криком по земле,</p>
<p>35. And, <i>terrified</i>, did flutter on the ground,</p>	<p>(Деформирующее денотативное преобразование: объединение двух ситуаций в одну вследствие замены предиката-сказуемого 'shriek' на предикат-существительное 'крик' и результатирующего сокращения количества глагольных предикатов; неэквивалентная замена исходного предиката-сказуемого 'flutter' на предикат-сказуемое 'метаться'; опущения)</p>
<p>36. And <i>flap</i> their useless wings;</p>	<p>36. <i>повесив</i> Ненужные им крылья; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката- сказуемого на предикат-деепричастие, flap – повесив)</p>
<p>37. the wildest brutes Came tame and <i>tremulous</i>;</p>	<p>37. укротилась Зверей лютейших ярость; (Частичное денотативное тождество: модуляция (замена следствия на причину: 'came tame' («стали ручные») – 'укротилась <...> ярость'); опущение)</p>
<p>38. and vipers crawl'd</p>	<p>38. – (Опущение ситуации)</p>
<p>39. And twin'd themselves among the multitude, Hissing, but <i>stingless</i> –</p>	<p>39. среди толпы, <i>Безвредные</i>, вились, с шипеньем, змеи, – (Абсолютное денотативное тождество:</p>

<p>40. they were slain for food.</p> <p>41. And War, which for a moment <i>was no more</i>, Did <i>glut</i> himself again:</p> <p>42. a meal was bought With blood,</p> <p>43. and each sate <i>sullenly apart</i> <i>Gorging</i> himself in gloom:</p> <p>44. no love <i>was left</i>;</p> <p>45. <i>All</i> earth was but one thought – and that was death Immediate and inglorious;</p>	<p>генерализация)</p> <p>40. Их убивая, поедали <i>люди</i>, (Частичное денотативное тождество: замена существительного-предиката на глагольный предикат-сказуемое (food – поедали); добавление)</p> <p>41. И брань, на миг <i>умолкшая</i>, повсюду <i>Зажглася</i> вновь: (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (2); добавление: ‘вновь’ и опущение: ‘again’)</p> <p>42. снедь покупалась кровью, (Абсолютное денотативное тождество: залоговое преобразование)</p> <p>43. И всяк <i>сидел с своей добычей</i> в мраке И насыщался; (Частичное денотативное тождество: опускается один из исходных предикатов воздействия – предикат-причастие, в переводе добавляется глагольный предикат состояния ‘сидеть’; исходный предикат-сказуемое присутствует в переводе, поэтому частичное денотативное тождество сохраняется; несмотря на наличие двух глагольных предикатов, рассматриваем данное предложение как одну ситуацию, поскольку воздействие осуществляется одновременно с пребыванием в состоянии; присутствуют также и другие добавления и опущения, отмеченные курсивом)</p> <p>44. <i>умерла</i> любовь; (Абсолютное денотативное тождество: метафорический перенос)</p> <p>45. Одна лишь мысль осталась в мире – мысль О смерти скорой и бесславной; (Частичное денотативное тождество: конкретизация при повторной номинации (that – мысль); нейтрализация метафоры: all earth was but one thought – одна лишь мысль осталась в мире; опущение)</p>
--	--

<p>46. and the <i>pang</i> Of famine fed upon <i>all</i> entrails –</p>	<p>46. голод Терзал утробы; (Частичное денотативное тождество: метафорическая дифференциация (famine fed upon <...> entrails – голод терзал утробы); опущения)</p>
<p>47. men Died,</p>	<p>47. люди, умирая, (Абсолютное денотативное тождество: смена глагольного предиката действия на предикат-деепричастие действия)</p>
<p>48. and their bones were tombless <i>as their flesh</i>;</p>	<p>48. С лишенными гробов костями валялись И гнили; (Частичное денотативное тождество: конкретизация (were – валялись и гнили); опущение)</p>
<p>49. The meagre by the meagre were devour'd,</p>	<p>49. тощие съедали тощих, (Абсолютное денотативное тождество: залоговое преобразование)</p>
<p>50. Even dogs assail'd their masters, <i>all save one</i>,</p>	<p>50. И даже грызли псы своих хозяев: (Частичное денотативное тождество: конкретизация (assail'd – грызли), 'all save one' – в оригинале относится к этой ситуации, в переводе – к следующей; опущение)</p>
<p>51. And he was faithful to a corse,</p>	<p>51. <i>Один лишь</i>, трупы верный, (Частичное денотативное тождество: замена дескриптива 'he' на нулевой дескриптив; добавление)</p>
<p>52. and kept The birds and beasts and <i>famish'd</i> men at bay,</p>	<p>52. охранял <i>Его</i> от птиц, зверей и человеков, (Частичное денотативное тождество: замена глагольного предиката-сказуемого на синонимичный (keep <...> at bay – охранять), смещение фокуса с объектов действия 'the birds and beasts and famish'd men' на объект действия 'его', добавленный в текст перевода; опущение)</p>
<p>53. Till hunger <i>clung</i> them,</p>	<p>53. Пока их глад не <i>изнурял</i>, (Абсолютное денотативное тождество:</p>

<p>54. or the dropping dead Lur'd their lank jaws;</p> <p>55. himself sought out no food,</p> <p>56. But with a piteous and perpetual moan,</p> <p>57. And a <i>quick</i> desolate cry,</p> <p>58. licking the hand <i>Which answer'd not with a caress –</i></p> <p>59. he died.</p> <p>60. The crowd was famish'd <i>by degrees</i>;</p>	<p>нейтрализация метафоры)</p> <p>54. иль новый Их алчности не представлялся труп; (Трансформирующее денотативное преобразование: активная ситуация заменена псевдо-активной, нейтрализация метафоры (the <...> dead lur'd – не представлялся труп); неэквивалентная замена адъективного предиката свойства (dropping – новый); метафорический перенос: jaws – алчность)</p> <p>55. Без пищи сам, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на созерцательную – замена причины следствием)</p> <p>56. с протяжным, скорбным воем, (Абсолютное сигнификативное тождество)</p> <p>57. (И <i>вдруг</i> залаял жалобно) (Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена адъективного предиката свойства на наречие-сирконстант образа действия (desolate – жалобно); замена предиката-существительного на глагольный предикат действия: cry – залаял)</p> <p>58. <i>Холодную</i> лизал он долго руку, (И <i>вдруг</i> залаял жалобно – ситуация 55), (Частичное денотативное тождество: модуляция – замена придаточной определительной в функции предиката свойства на адъективный предикат свойства, значение которого логически выводится из значения исходной единицы: which answer'd not with a caress – холодная; добавления)</p> <p>59. и умер (он). (Абсолютное сигнификативное тождество)</p> <p>60. <i>Всечасно</i> глад губил людей – (Частичное денотативное тождество: замена нулевого агента на агентив 'глад'; неэквивалентная замена наречия-сирконстанта образа действия)</p>
--	---

<p>61. but two Of an enormous city did <i>survive</i>,</p>	<p>61. лишь двое В одном обширном <i>оставались</i> граде – (Абсолютное денотативное тождество: изменение семантики глагольного предиката-сказуемого с сопутствующим изменением семантических ролей аргументов – в исходном тексте аргумент ‘city’ выступает в семантической роли ‘объектив’ (как объект отношения), в переводе аргумент ‘в <...> граде’ – в семантической роли ‘локатив’)</p>
<p>62. And they were enemies:</p>	<p>62. <i>Смертельные друг другу два</i> врага; (Частичное денотативное тождество: замена дескриптива ‘they’ нулевым дескриптивом; добавления)</p>
<p>63. they met beside The <i>dying</i> embers of an altar-place</p>	<p>63. Они сошлись при алтаре сгоревшем – (Частичное денотативное тождество: модуляция, ‘beside the <...> embers of an altar-place’ – ‘при алтаре сгоревшем’ (если от алтаря остались угли – значит он сгоревший); опущение)</p>
<p>64. Where had been heap'd a mass of holy things For an unholy usage;</p>	<p>64. Где оскверненных утварей <i>обломки</i> Лежали грудой – (Трансформирующее денотативное преобразование: активная ситуация заменена на созерцательную ситуацию; конкретизация: things – утвари; модуляция: for an unholy usage – осквернённые; добавление и опущения)</p>
<p>65. they rak'd up,</p>	<p>65. – (Опущение ситуации)</p>
<p>66. And <i>shivering</i> scrap'd with their cold skeleton hands The <i>feeble</i> ashes,</p>	<p>66. хладными руками, Иссохшими, <i>как остов</i>, пепл сгребли, (Частичное сигнификативное тождество: добавление и опущения)</p>
<p>67. (and their feeble breath) Blew for a little life,</p>	<p>67. – (Опущение ситуации: опущение глагольного предиката-сказуемого с предикатным объективом и квантором (blew for a little life), как следствие – отсутствие в тексте перевода этой ситуации; предикатный инструментатив с адъективным предикатом свойства ‘feeble breath’ использован в</p>

<p>68. and made a flame Which was a mockery;</p>	<p>следующей ситуации) 68. Дыханьем слабым <i>помертвевших уст</i> Чуть видное <i>на углях</i> вздули пламя, (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (which was a mockery – чуть видное); конкретизация: made – вздули; добавления)</p>
<p>69. <i>then</i> they lifted up Their eyes as it grew lighter,</p>	<p>69. И при <i>минутном, трепетном</i> сиянье Подъяли друг на друга взор, (Частичное денотативное тождество: замена агента 'they' на нулевой агентив; замена существительного-непредиката 'eyes' на существительное-предикат 'взор'; замена глагольного предиката в составе сирконстанта времени на предикат-существительное в составе сирконстанта времени: as it grew lighter – при <...> сиянье; добавление и опущение)</p>
<p>70. and beheld Each other's aspects—</p>	<p>70. – (Опущение ситуации)</p>
<p>71. saw,</p>	<p>71. взглянули, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена псевдо-активной ситуации на активную)</p>
<p>72. and shriek'd,</p>	<p>72. И вздрогнув, (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката- сказуемого)</p>
<p>73. and died –</p>	<p>73. пали бездыханны: (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение)</p>
<p>74. <i>Even</i> of their mutual hideousness they died,</p>	<p>74. каждый Другого видом страшным умерщвлен был, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена псевдо-активной ситуации на активную; семантическое перераспределение: hideousness – вид страшный; опущение)</p>

75. Unknowing <i>who he was</i> upon whose brow	75. Не распознав, на чьем челе (Трансформирующее денотативное преобразование: созерцательная ситуация заменена на псевдо-активную; опущение)
76. Famine had written Fiend.	76. <i>так грозно</i> Десница глада начертала: враг. (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена аргумента в ономасиативе (Fiend – враг); уточняющая метонимия: Famine – десница глада; добавление)
77. The world was void,	77. <i>Прекрасный</i> мир стал <i>дикой</i> пустыней, (Трансформирующее денотативное преобразование: созерцательная ситуация заменена на псевдо-активную; замена адъективного предиката свойства ‘void’ на существительное-предикат ‘пустыня’; добавления)
78. The populous and the powerful was a lump,	78. – (Опущение ситуации)
79. <i>Seasonless</i> , herbless, treeless, manless, lifeless –	79. Без древ, растений, жителей и жизни, (Частичное денотативное тождество: конкретизация (manless – без жителей); опущение)
80. A lump of death – a chaos <i>of hard clay</i> .	80. Хаосом, глыбой <i>безобразной</i> праха. (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (a lump of death – глыба <...> праха), добавление и опущение)
81. The rivers, lakes and ocean <i>all</i> stood still,	81. Озера, реки, Океан – замолкли, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на активную; опущение)
82. And nothing stirr'd within their <i>silent</i> depths;	82. И в глубине их мертвый был покой; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на созерцательную; опущение)

83. Ships sailorless <i>lay</i> rotting on the sea,	83. На море гнили, без пловцов, суда; (Частичное денотативное тождество: опущение глагольного предиката-сказуемого состояния 'lay', в котором объект пребывает одновременно с состоянием, которое в оригинале выражено предикатом-причастием окачественного состояния как свойства 'rotting'; в переводе заменяется глагольным предикатом-сказуемым состоянием 'гнить')
84. And their masts fell down <i>piecemeal</i> :	84. За мачтой мачта падали с них <i>в воду</i> , (Частичное денотативное тождество: замена объектива 'their' как объекта отношения на локатив 'с них'; добавление и опущение)
85. as they dropp'd	85. – (Опущение ситуации)
86. They slept on the abyss without a surge –	86. И на недвижной почивали бездне; (Абсолютное денотативное тождество: замена пациентива 'they' на нулевой пациентив; замена предиката-существительного с предлогом 'without a surge' на адъективный предикат свойства 'недвижная')
87. The waves were dead;	87. Не стало волн; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную)
88. the tides were in their grave,	88. во гроб легли приливы – (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на активную каузированную)
89. The moon, their mistress, had expir'd before;	89. Царица их, луна, скончалась прежде; (Абсолютное сигнификативное тождество)
90. The winds were wither'd in the stagnant air,	90. Истлели ветры в воздухе стоячем; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную)
91. And the clouds perish'd;	91. Погибли тучи – (Сигнификативное тождество)

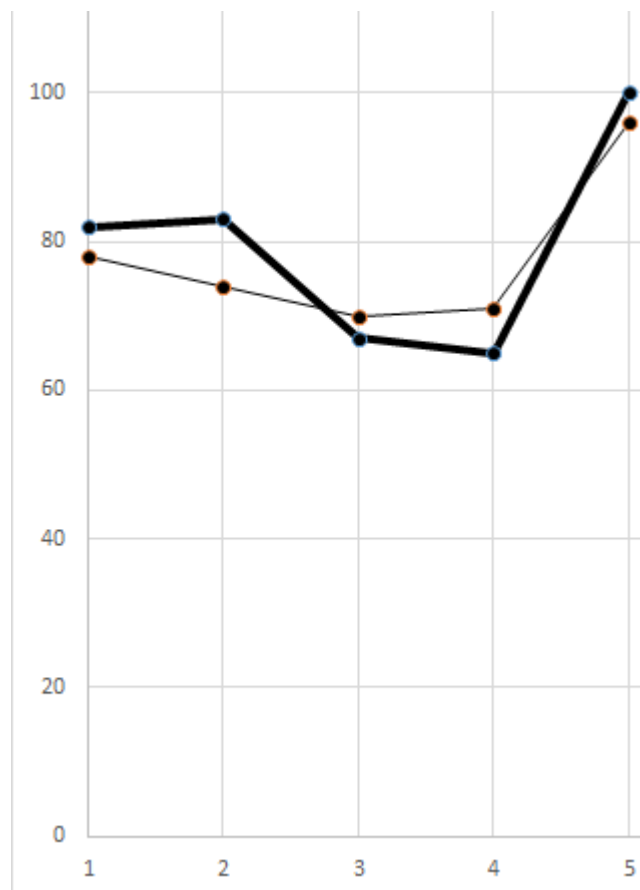
<p>92. Darkness had no need Of aid from them –</p> <p>93. She was the Universe.</p>	<p>92. + 93. мрак уж и без них <i>Непроницаем</i> был и повсеместен. (Частичное денотативное тождество: модуляция (had no need of aid from them – без них); замена существительного-предиката ‘Universe’ на адъективный предикат свойства ‘повсеместный’; добавление)</p>
---	---

Тождественность и преобразованность (формальная).

Числовое и графическое представление ритмического профиля перевода

М. П. Вронченко:

№	Переводчик	Разница (%)	Показатель частотности ударения на каждом сильном слоге каждой из 5-ти стоп (в %)				
			1	2	3	4	5
0	Оригинал	-	78	74	70	71	96
1	М. П. Вронченко	7	82	83	67	65	100

Значения по вертикали – процентный показатель частотности ударения на каждом сильном слоге каждой из стоп. Значения по горизонтали – номер стопы. График, выполненный жирной линией – ритмический профиль перевода, обычной – оригинала.

Перевод А. П. Милюкова

Экспонентный уровень.

Активность.

Проявление активности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более 'динамическую' в переводе.

1. Замена адъективного предиката свойства на нематричный предикат в виде причастного оборота с предикатом-причастием окачественного воздействия как свойства в его составе:

1) sailorless – лишённые пловцов.

2. Замена адъективного предиката свойства на адъективированное причастие-предикат окачественного действия как свойства:

1) **funeral piles** – гаснущий огонь.

3. Замена адъективного предиката свойства на предикат-деепричастие состояния:

1) the **dull sky** – оно <...> **чернея**

4. Замена адъективного предиката свойства на глагольный предикат воздействия:

1) vipers <...> **stingless** – ехидны <...> **не трогали** людей.

5. Замена адъективированного предиката-причастия окачественного состояния как свойства на глагольный предикат действия:

1) the stars did wander **darkling** – звёзды <...> **померкли** и <...> **скитались**;

2) they <...> **unknowing** – они <...> **не узнали**.

6. Замена предиката «to be» как средства выражения состояния (в составе придаточной определительной) на нематричный предикат в виде причастного оборота с предикатом-причастием окачественного действия как свойства в его составе:

1) War, which for a moment **was** no more – вражда, **затихшая** на миг.

7. Замена предиката «to be» как средства выражения состояния на фазисный глагольный предикат:

1) he **was** faithful – пёс **остался** верным ('оставаться' – продолжать быть).

2. Замена исходной единицы на более 'предикативную' в переводе.

1. Замена существительного-непредиката на существительное предикат действия:

1) lifted up their **eyes** – обратили **взор**.

2. Замена предиката-существительного на глагольный предикат действия:

1) a <...> **prayer** – **взмолились**.

Проявление активности на уровне ситуаций.

1. Замена созерцательной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена дескриптива на псевдо-активный объектив:

1) the **world** was void – **мир** опустел.

2. Замена дескриптива на псевдо-активный пациентив:

1) the **waves** were dead – уснули **волны**.

б. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с увеличением количества исходных аргументов («смешанный» тип):

1. Замена нулевого дескриптива на псевдо-активный объектив:

1) the populous <...> was a lump – он превратился в труп (нулевой дескриптив при субстантивированном прилагательном ‘the populous’).

в. Замена исходного аргумента в локативе на аргумент с ‘псевдо-активной’ семантической ролью с уменьшением количества исходных аргументов («смешанный» тип):

1. Замена локатива на псевдо-активный объектив:

1) they did live **by watchfires** – **пожары** вспыхнули.

2. Замена созерцательной ситуации на активную.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на ‘активную’ с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена объектива на агентив:

1) **the tides** were in their grave – успокоились **приливы** и **отливы**.

б. Замена исходного предиката, не являющегося аргументом, на ‘активный’ аргумент без изменения семантической роли исходного ‘созерцательного’ аргумента (особый случай изменения состава аргументов):

1. Замена сирконстанта причины на агентив:

1) the brows of men **by the despairing light** wore an unearthly aspect – **отчаянье** <...> лица <...> искажало (количество аргументов в ситуации перевода меньше, чем в оригинальной ситуации).

3. Замена псевдо-активной ситуации на активную.

а. Замена ‘псевдо-активной’ семантической роли исходного аргумента на ‘активную’ с увеличением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена пациентива на агентив:

1) the wildest **brutes** came tame and tremulous – **звери** дикие покинули леса.

б. Замена исходного предиката, не являющегося аргументом, на ‘активный’ аргумент без изменения семантической роли исходного ‘пассивного’ аргумента (особый случай изменения состава аргументов).

1. Замена существительного-предиката состояния на агентив:

1) men forgot their passions **in the dread** – **тревога** отчаяньем наполнила сердца людей (количество аргументов в ситуации перевода больше, чем в оригинальной ситуации).

2. Замена сирконстанта причины на агентив:

1) **of** their mutual **hideousness** they died – их **взгляд** свирепый умертвил (количество аргументов в ситуации перевода больше, чем в оригинальной ситуации).

4. Смена ‘пассивной’ семантической роли аргумента исходной ситуации на ‘активную’ в переводе без изменения типа ситуации.

а. Замена ‘пассивной’ семантической роли исходного аргумента на более ‘активную’ (вследствие устранения нулевого активного аргумента) с уменьшением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена объектива на агентив:

1) all **hearts** were chill’d into a selfish prayer – **все** <...> взмолились об одном (межъязыковая метонимическая трансформация);

2) the **winds** were wither’d – **ветры** затаились.

2. Замена пациентива на агентив:

1) **men** were gather’d – **люди** бродили.

5. Добавление псевдо-активной ситуации в текст перевода или опущение созерцательной ситуации.

а. Опускание созерцательной ситуации:

1) Darkness had no need of aid from them.

б. Добавление псевдо-активной ситуации:

1) two <...> did survive – **все умерли**; остались двое.

2) затихли бури.

Созерцательность.

Проявление созерцательности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более 'статичную' в переводе.

1. Глагольный предикат действия заменяется адъективированным причастием-предикатом окачественного действия как свойства:

1) the moon <...> **had expir'd** – **померкнувшей** луны.

2. Замена исходной единицы на более 'номинативную' в переводе.

1. Адъективированное причастие-предикат окачественного действия как свойства заменяется существительным-предикатом действия:

1) vipers <...> **hissing** – ядовитые ехидны <...> со свистом;

2) the **crackling** trunks – деревья <...> **с треском**.

2. Адъективированное причастие-предикат окачественного воздействия как свойства заменяется существительным-предикатом состояния:

1) the wild birds <...> **terrified** – птицы хищные <...> **в испуге**.

3. Адъективный предикат свойства заменяется существительным-предикатом состояния:

1) all was **black** – повсюду **мрак**.

4. Существительное-предикат действия заменяется существительным-непредикатом:

1) breath – грудь.

Проявление созерцательности на уровне ситуаций.

1. Замена активной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена 'активной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена агента на псевдо-активный объектив:

1) **morn** came and went – **заря** мерцала, исчезала;

2) **morn** <...> brought no day – за ней (зарёй) не появлялись дни (объектив как объект отношения).

б. Устранение нулевого 'активного' аргумента с заменой семантической роли исходного 'пассивного' аргумента на 'псевдо-активную' и уменьшением количества участников ситуации («смешанный» тип).

1. Замена объектива как объекта воздействия на псевдо-активный объектив:

1) no **love** was left – **любви** не стало;

2) the **huts** <...> were burnt – **пожары** вспыхнули;

3) **cities** were consum'd – горели **города**;

4) **forests** were set on fire – вспыхнули **леса**;

5) where had been hear'd a mass of holy **things** – где тлели последние **лучи** священного огня;

6) the bright **sun** was extinguish'd – **солнце** вдруг исчезло.

2. Замена пациентива как объекта воздействия на псевдо-активный пациентив:

1) **they** were slain for food – **сами** делались добычей голодных;

2) the **crowd** was famish'd – **народы** исчезали.

2. Замена активной ситуации на созерцательную.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на 'созерцательную' («чистый» тип).

1. Замена агентива на объектив:

1) the icy **earth** swung – хладная **земля** <...> висела (как объект состояния).

2. Замена агентива на дескриптив:

1) **nothing** stirt'd – мёртво было **всё**.

3. Добавление созерцательной ситуации в текст перевода или опущение активной (или псевдо-активной) ситуации.

а. Опущение псевдо-активной ситуации:

1) and men forgot their passions;

2) as by fits the flashes fell upon them;

б. Опущение активной ситуации:

1) till hunger clung them.

в. Добавление созерцательной ситуации:

1) the bright sun was extinguish'd – **казалось мне**, что солнце вдруг исчезло с неба (добавление наблюдателя – аргумента 'мне' в семантической роли 'экспериенсив');

2) look'd up <...> on the dull sky, the pall of a past world – очи подымали к небу, не видя, что **оно**, как гробовой покров, **чернея**, над землёй несчастною **висело** («оно, <...> чернея, <...> висело») – добавление ПВ с предикатом-деепричастием состояния);

3) he was faithful to a corse – пёс остался верным: **он** у трупа **сидел** (семантическая функция 'объектив' у существительного «a corse» заменена в переводе на функцию 'локатив'; добавлен пациентив 'он' как объект состояния и глагольный предикат состояния 'сидеть');

4) the crowd was famish'd – **земля пустела** – и народы исчезали (добавление объектива 'земля' как объекта состояния 'пустеть').

Субстанциональный уровень.

Конкретность.

Конкретизация.

1) I **had** a dream – Я **видел** сон (to have – to experience something [Camb.], испытать с помощью органов чувств; «видеть» – один из способов восприятия);

2) within the eye of the **volcanos** – при каменных стопах **Везувия** иль **Геклы** (имена собственные вместо имени нарицательного);

3 + 4 + 5) **some** lay down <...> **some** did rest their chins <...> **others** hurried – **одни** упали <...> **другие**, <...> голову склон <...> **третьи** бегали (конкретизация при повторной номинации: 3 случая);

б) fuel – дрова ('дрова' – распиленные и обычно расколотые на поленья деревья, идущие на **топливо** [СРЯ]; следовательно, дрова – один из видов топлива);

7) all save **one** – один лишь **пёс** (конкретизация при повторной номинации);

8) within <...> their **mountain-torch** – близ факела земли, горящего **волкана** (вулкан как один из видов гор)!

9) **were tombless** – без погребенья **тлели** («быть» (в значении «существовать»)) – ‘тлеть’: разрушаться от гниения, разлагаться, гнить; гниение является одной из форм бытия).

‘Уточняющая’ метонимия.

1) into each other’s face – друг другу в **очи** (очи – часть лица);

2) twin’d themselves among the multitude – под ногами вились («среди множества (людей) – под ногами (людей)»);

3) **seasonless** – без дней (‘season’ – one of the four quarters into which the year is commonly divided [MW] – день как часть времени года);

Замена генерализованного актанта на конкретный.

1) they were slain for food – делались добычей голодных (нулевой агентив в переводе заменяется субстантивированным прилагательным в функции бенефициатива).

Абстрактность.

Генерализация.

1) watchfires – пожары (‘watchfire’ – a **fire** lighted as a signal or for the use of a guard [MW] – огонь);

2) funeral **piles** – огонь (‘pile’ – a heap of wood for burning a corpse or a sacrifice [MW] – костёр: синоним понятия «огонь»; «погребальный костёр» – «костёр»: устранение дифференциальной семы);

3) herbless, treeless – без зелени (замена существительных-непредикатов на абстрактное существительное-предикат качества);

4) stingless – не трогали (‘не трогали’ вместо «не кусали», трогать – «нападать» на кого-л.; «укусить» – один из видов нападения).

‘Генерализующая’ метонимия.

1) trunks – деревья (ствол – часть дерева);

2) rest their chins – голову склоня (подбородок – часть головы);

3) flesh – тела (плоть – один из компонентов тела);

4) upon whose brow – на лицах <...> их (лоб – часть лица);

5) all **hearts** – все (люди), сердце – часть человека (аргумент ‘люди’ в данном случае является нулевым, но легко выводимым из контекста);

6) all **entrails** – всех (людей), внутренности – часть человека (аргумент ‘люди’ в данном случае является нулевым, но легко выводимым из контекста).

Замена конкретного актанта на генерализованный.

1) all hearts – все (люди): объектив ‘hearts’ заменяется на нулевой пациентив при субстантивированном кванторе общности.

2) all entrails – всех (людей): объектив ‘entrails’ заменяется на нулевой пациентив при субстантивированном кванторе общности.

Детализованность.

Добавление глагольного предиката:

1) the wildest brutes came tame and tremulous – звери дикие **покинули леса** и <...> бродили, как ручные (глагольный предикат действия в функции однородного сказуемого с локативом);

2) to look once more – **желая** заглянуть еще (модальный предикат).

Добавление адъективного предиката свойства:

- 1) the thrones – **царские** престолы;
- 2) within the eye – при **каменных** стопах;
- 3) trunks – **столетние** деревья;
- 4) by the despairing light – при **последнем** блеске меркнувшего света;
- 5) the birds – **жадных** птиц;
- 6) the hand – **безжизненную** руку;
- 7) caress – **прежней** ласки;
- 8) of an enormous city – в городе одном, обширном, **многолюдном**;
- 9) upon whose brow – на **страшных** лицах их;
- 10) was a lump – превратился в труп, **холодный** и немой;
- 11) was a lump – превратился в труп, холодный и **немой**;
- 12) on the sea – на **дремлющем** их лоне.

Добавление наречия-сирконстанта или сирконстанта:

1) the bright sun was extinguish'd – солнце **вдруг** исчезло с неба (наречие-сирконстант образа действия);

2) the icy earth swung – холодная земля <...> висела **неподвижно** (наречие-сирконстант образа действия);

3) all was black – **опять** повсюду мрак (наречие-сирконстант времени);

4) extinguish'd – гасли **навсегда** (наречие-сирконстант времени);

5) smil'd – смеялись **дик**о (наречие-сирконстант образа действия);

6) came tame – **посреди людей** бродили, как ручные (сирконстант места);

7) gorging himself in gloom – ел **с отчаяньем** (сирконстант образа воздействия);

8) kept <...> at bay – **лаем** отгоняя (сирконстант образа воздействия);

9) made a flame – вспыхнул он **на миг** (сирконстант времени);

10) the populous and the powerful – **доселе** шумный и цветущий (времени);

11) the waves were dead – **навек** уснули волны (наречие-сирконстант времени);

12) was the Universe – над всей вселенной **непроницаемой** висела **пеленой** (предикат-существительное 'the Universe' в переводе становится локативом 'над <...> вселенной'; предикат 'to be', выражающий состояние, заменяется глагольным предикатом состояния 'висеть', к данному глагольному предикату добавляется сирконстант образа действия с предикатом свойства);

13) the bright sun was extinguish'd – солнце вдруг исчезло **с неба** (сирконстант места);

14) fell – падали **на груды пепла** (сирконстант места);

15) no love was left – любви не стало **на земле** (сирконстант места);

16) rak'd up <...> the feeble ashes – выгребли <...> **из тлеющей золы** остатки слабых искр (сирконстант места с предикатом свойства);

17) smil'd – **голову склоня** <...> смеялись (предикат-деепричастие действия с объективом выступает как добавочное действие, однако, поскольку оно осуществляется одновременно с действием, выраженным глагольным предикатом 'смеялись', сочетание с деепричастием можно рассматривать как сирконстант образа действия);

Добавление квантора:

1) the stars – звезды **все** (общности);

2) enemies – **два** врага (числовой);

3) the Universe – над **всей** вселенной (общности).

Добавление актанта:

- 1) the huts – хижины **рабов** (пациентив, притяжательное значение);
- 2) cities were consum'd – **как страшные костры**, горели города (добавление объектива с адъективным предикатом свойства как основания для сравнения);
- 3) within <...> their mountain-torch – близ факела **земли**, горящего волкана (объектив, притяжательное значение);
- 4) a meal was bought with blood – **оружием** и кровью доставали пищу (инструментатив);
- 5) gorging himself in gloom – ел <...> **кровавую добычу** (предикатный объектив с адъективным предикатом свойства);
- 6) blew for a little life – огонь **из них** раздули (объектив);
- 7) Famine had written – голод <...> нарезал **имя** (предикатный объектив);
- 8) they slept on the abyss without a surge – мачты <...> гнили в глубине **невозмутимых вод** (объектив с адъективным предикатом свойства, притяжательное значение).

Добавление частицы-предиката:

1) Famine <...> had written – **только** голод <...> нарезал (ограничительная).

Добавление предикатного выражения:

- 1) the bright sun was extinguish'd – **казалось мне**, что солнце вдруг исчезло с неба;
- 2) look'd up <...> on the dull sky, the pall of a past world – очи подымали к небу, не видя, что **оно**, как гробовой покров, **чернея**, над землёй несчастною **висело**;
- 3) he was faithful to a corse – пёс остался верным: **он** у трупа **сидел**;
- 4) the crowd was famish'd – **земля пустела** – и народы исчезали;
- 5) two <...> did survive – **все умерли**; остались двое;
- 6) затихли бури.

Другое:

- 1) which was not all a dream – и **может быть**, не вовсе сон (добавление словосочетания со значением модальности возможности);
- 2) happy were those – **о**, как был счастлив тот <...> ! (междометие);
- 3) happy were those – **о**, **как** был счастлив тот <...> ! (в восклицательных предложениях употребляется для обозначения высшей меры или степени проявления действия или состояния);
- 4) look'd up <...> on the dull sky, the pall of a past world – очи подымали к небу, **не видя**, что оно, как гробовой покров, **чернея**, над землёй несчастною **висело** (предикат-деепричастие состояния);
- 5) look'd up <...> on the dull sky, **the pall** of a past world – очи подымали к небу, не видя, что оно, **как** гробовой покров, **чернея**, над землёй несчастною **висело** (сравнение);
- 6) came tame – бродили, **как** ручные (сравнение).

Обобщённость.

Опущение глагольного предиката:

- 1) morn came, and went – and **came** – заря мерцала, исчезала (в функции однородного сказуемого);
- 2) the wild birds **shriek'd** and <...> flutter on the ground – птицы хищные влачили по земле (в функции однородного сказуемого);

3) viper's **crawl'd** and twin'd themselves – ядовитые ехидны <...> вились (в функции однородного сказуемого);

4) rak'd up, and <...> **scrap'd** – выгребли (в функции однородного сказуемого).

Опущение адъективного предиката свойства:

1) the **bright** sun – солнце;

2) did wander <...> rayless, and **pathless** – скитались без лучей;

3) the icy earth swung **blind** and blackening – хладная земля <...> висела;

4) the icy earth swung blind and **blackening** – хладная земля <...> висела;

5) a **selfish** prayer – взмолились;

6) with **mad** disquietude – с беспокойством;

7) the **dull** sky – небо;

8) the wildest brutes came tame and **tremulous** – звери дикие покинули леса и <...> бродили как ручные;

9) that was death immediate and **inglorious** – о неизбежной смерти;

10) with a piteous and **perpetual** moan, and a quick desolate cry <...> he died – с воем отчаянным <...> он исдох;

11) with their **cold**, skeleton hands – руками;

12) with their cold, **skeleton** hands – руками;

13) blew for a **little** life – огонь из них раздули.

Опущение наречия-сирконстанта или сирконстанта:

1) but **hour by hour** they fell and faded – деревья <...>, падали <...> и гасли (сирконстант времени);

2) extinguish'd **with a crash** – гасли (сирконстант образа действия);

3) **then** again with curses cast them down upon the dust – бросались в прах (наречие-сирконстант времени);

4) then **again** with curses cast them down upon the dust – бросались в прах (наречие-сирконстант времени);

5) then again **with curses** cast them down upon the dust – бросались в прах (сирконстант образа воздействия);

6) the crowd was famish'd **by degrees** – народы исчезали (сирконстант образа воздействия);

7) their masts fell down **piecemeal** – их мачты упали (наречие-сирконстант образа действия);

8) they slept on the abyss **without a surge** – мачты <...> гнили в глубине невозмутимых вод (сирконстант образа действия);

9) the moon, their mistress, had expir'd **before** – без их владычицы, померкнувшей луны (наречие-сирконстант времени);

10) gorging himself **in gloom** – ел (сирконстант места);

Опущение актантов:

1) the palaces <...> the **habitations** of all things which dwell were burnt – дворцы <...> пылали (объектив в функции однородного дополнения с определяющей фразой);

2) the populous and the powerful was a lump, a **lump** of death – доселе шумный и цветущий, он превратился в труп (предикатный объектив как приложение 'a lump' с существительным предикатом 'death');

3) the populous and the powerful was a lump, a lump of death – a **chaos** of hard clay – доселе шумный и цветущий, он превратился в труп (предикатный объектив как приложение ‘a chaos’ с композитивом ‘clay’ и адъективным предикатом свойства ‘hard’);

4) the **rivers**, lakes and ocean all stood still – озёра и моря стояли неподвижно.

Опущение квантора:

1) the rivers, lakes and ocean **all** stood still – озёра и моря стояли неподвижно (общности).

Опущение частицы-предиката:

1) **even** of their mutual hideousness they died – их взгляд свирепый умертвил (усилительная).

Опущение предикатного выражения:

1) and men forgot their passions;

2) as by fits the flashes fell upon them;

3) till hunger clung them;

4) Darkness had no need of aid from them.

Другое:

1) with a piteous and perpetual moan, and a quick desolate **cry** <...> he died – с воем отчаянным <...> он исдох (предикат-существительное действия в функции однородного дополнения с двумя предикатами свойства);

2) ships <...> lay **rotting** – дремали корабли (адъективированное причастие-предикат состояния).

Интенциональный уровень.

Буквальность.

1. the icy earth swung **blind** – хладная земля <...> висела;

2. morn **came** and went – заря **мерцала**, исчезала;

3. morn came and **went** – заря мерцала, **исчезала**;

4. morn <...> brought no day – за ней не появлялись дни;

5. cities were consum'd – горели города;

6. hid their eyes – закрыв глаза;

7. fed their funeral piles with fuel – приносили дров на гаснущий огонь;

8. a meal was bought with blood – кровью доставали пищу;

9. the dropping dead lur'd their lank jaws – бежавших стаями на мёртвую добычу;

10. the hand which answer'd not with a caress – прежней ласки не встречая;

11. beside the dying embers – у алтаря;

12. blew for a little life – огонь <...> раздули;

13. which was a mockery – как будто бы в насмешку;

14. they slept on the abyss – мачты <...> гнили в глубине;

15. the moon <...> had expir'd before – без <...> померкнувшей луны;

16. the clouds perish'd – облака исчезли;

17. Darkness had no need of aid from them – опущение ПВ и метафоры.

Образность.

1. War, which for a moment was no more – вражда, затихшая на миг;

2. was a **lump** – превратился в **труп** <...> немой;

3. was a lump – превратился в труп <...> **немой**;
4. ships <...> lay – дремали корабли;
5. on the **sea** – на дремлющем их **лоне**;
6. on the sea – на **дремлющем** их лоне.

Тождественность и преобразованность (смысловая).

<p>1. I had a dream, which was not all a dream.</p>	<p>1. Я видел сон – и <i>может быть</i>, не вовсе сон... (Частичное денотативное тождество: замена придаточной определительной в функции предиката свойства на простое предложение в составе сложного бессоюзного; добавление) + Казалось мне, (Добавление ситуации)</p>
<p>2. The <i>bright</i> sun was extinguish'd,</p>	<p>2. что солнце <i>вдруг</i> исчезло <i>с неба</i>, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; добавления)</p>
<p>3. and the stars Did wander darkling in the eternal space, Rayless, and <i>pathless</i>,</p>	<p>3. И звезды <i>все</i> померкли и в пустом пространстве Скитались без лучей; (Частичное денотативное тождество: замена адъективированного предиката-причастия окачественного состояния как свойства на глагольный предикат действия (darkling – померкли); неэквивалентная замена адъективного предиката свойства (in the <i>eternal</i> («вечном»)) space – в <i>пустом</i> пространстве); добавление и опущение)</p>
<p>4. and the icy earth Swung <i>blind</i> and <i>blackening</i> in the moonless air;</p>	<p>4. а хладная земля В безлунном воздухе висела <i>неподвижно</i>. (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (swung («качалась») – висела); добавление и опущения)</p>
<p>5. Morn came</p>	<p>5. Заря мерцала, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на</p>

<p>6. and went –</p> <p>7. and came,</p> <p>8. and brought no day,</p> <p>9. And men forgot their passions in the dread Of this their desolation;</p> <p>10. and all hearts Were chill'd into a <i>selfish</i> prayer for light:</p> <p>11. And <i>they</i> did live by watchfires –</p> <p>12. and the thrones, The palaces of <i>crowned</i> kings – the huts, <i>The habitations of all things which dwell,</i> Were burnt for beacons;</p>	<p>псевдо-активную)</p> <p>6. исчезала, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную)</p> <p>7. – (Опущение ситуации)</p> <p>8. <i>но за ней</i> Не появлялись дни, – (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; нейтрализация метафоры (morn <...> brought no day – не появлялись дни); добавление)</p> <p>9. и страшная тревога Отчаяньем наполнила сердца людей; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого и аргументов при нём, «люди забыли страсти» – «тревога наполнила сердца»)</p> <p>10. Все, <i>трепеща</i>, взмолились об одном – о свете, (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (all hearts were chill'd into a <...> prayer – все <...> взмолились); нейтрализация метонимии: all hearts – все (люди); добавление и опущение)</p> <p>11. Пожары вспыхнули, – (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (live (жили) – вспыхнули) и семантической роли с локатива на обьектив (by watchfires – пожары); опущение)</p> <p>12. и царские престолы, И <i>гордые</i> дворцы, и хижины <i>рабов</i> <i>По всей земле</i> пылали, <i>что огни маяков.</i> (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; добавление и опущения)</p>
--	--

<p>13. cities were consum'd,</p> <p>14. And men were gather'd round their blazing homes To look once more into each other's face;</p> <p>15. Happy were those who dwelt within the eye Of the volcanos, and their <i>mountain-torch</i>:</p> <p>16. A fearful hope was all the world contain'd;</p> <p>17. Forests were set on fire –</p> <p>18. but <i>hour by hour</i> They fell and faded –</p> <p>19. and the crackling trunks Extinguish'd with a crash –</p>	<p>13. <i>Как страшные костры</i>, горели города, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; добавление)</p> <p>14. И люди вокруг жилищ пылающих бродили, Желая заглянуть еще друг другу в очи. (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката- сказуемого (men were gather'd (людей собрали) – люди бродили); добавление модального глагольного предиката ('желая'), затрагивается семантика глагольного предиката действия и, как следствие, всей ситуации; уточняющая метонимия: into each other's <i>face</i> – друг другу в <i>очи</i>)</p> <p>15. <i>О, как</i> был счастлив тот, который обитал При <i>каменных</i> стопах Везувия иль Геклы, Близь факела <i>земли, горящего</i> волкана! (Частичное денотативное тождество: метонимический перенос (within the eye – при <...> стопах); конкретизация (of the volcanos – Везувия иль Геклы); добавление и опущения)</p> <p>16. – (Опущение ситуации)</p> <p>17. И вспыхнули леса – (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную)</p> <p>+ столетние деревья Горели с треском, (Добавление ситуации)</p> <p>18. (деревья) <...> падали <i>на груды пепла</i> И гасли <i>навсегда</i>... (Денотативное тождество: конкретизация при повторной номинации (they – деревья) + добавления и опущение)</p> <p>19. – (Опущение ситуации)</p>
--	--

<p>20. and all was black.</p> <p>21. The brows of men by the despairing light Wore an unearthly aspect,</p> <p>22. as by fits The flashes fell upon them;</p> <p>23. <i>some</i> lay down</p> <p>24. And <i>hid</i> their eyes</p> <p>25. and wept;</p> <p>26. and some did rest Their chins upon their clenched hands,</p> <p>27. and smil'd;</p>	<p>20. <i>Опять</i> повсюду мрак. (Частичное денотативное тождество: замена следствия причиной (модуляция), all was black (всё было чёрным) – повсюду мрак (был); добавление)</p> <p>21. И <i>при последнем блеске меркнувшего</i> света Отчаянье виднелось на челе людей И лица <i>бешенством свирепым</i> искажало. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на ситуацию с псевдо-активным и активным глагольными предикатами действия ('виднелось' – 'искажало'); добавления)</p> <p>22. – (Опущение ситуации)</p> <p>23. <i>Одни</i> упали и, (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация)</p> <p>24. <i>закрыв</i> глаза, (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры)</p> <p>25. рыдали; (Абсолютное сигнификативное тождество)</p> <p>26. Другие, (опершись на тощие колена) И голову склоня на трепетную руку, (Частичное денотативное тождество: конкретизация (some – другие); генерализующая метонимия (chins – голову); замена глагольного предиката воздействия на предикат-деепричастие действия (did rest – склоня); неэквивалентная замена адъективного предиката свойства: clenched – трепетную) + опершись на тощие колена (Добавление ситуации)</p> <p>27. Смеялись <i>дика</i>; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого; добавление)</p>
--	--

<p>28. And others hurried <i>to and fro</i>,</p>	<p>28. третьи бегали <i>в тревоге</i> (Частичное денотативное тождество: конкретизация (hurry ('действовать быстро') – бегать ('передвигаться быстро')); конкретизация (others – третьи); добавление и опущение)</p>
<p>29. and fed Their funeral piles with fuel,</p>	<p>29. И приносили дров на гаснущий огонь, (Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена адъективного предиката свойства (funeral – гаснущий); нейтрализация метафоры (fed <...> with fuel – приносили дров); конкретизация: fuel – дрова)</p>
<p>30. and look'd up With <i>mad</i> disquietude on the dull sky, The pall of a past world;</p>	<p>30. И с беспокойством очи подымали к небу, (Не видя), что (оно), <i>как</i> гробовой покров, (Чернея), над землей несчастною (висело), (Частичное денотативное тождество: семантическое перераспределение (the pall – гробовой покров); добавление и опущение)</p> <p>+ не видя (Добавление ситуации)</p> <p>+ оно <...> чернея <...> висело (Добавление ситуации)</p>
<p>31. and <i>then again</i> With <i>curses</i> cast them down upon the dust,</p>	<p>31. Бросались в прах, (Частичное сигнификативное тождество: опущения)</p>
<p>32. And gnash'd their teeth</p>	<p>32. и скрежеща зубами, (Абсолютное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на предикат-деепричастие действия)</p>
<p>33. and howl'd:</p>	<p>33. выли. (Абсолютное сигнификативное тождество)</p>
<p>34. the (wild birds) shriek'd</p>	<p>34. – (Опущение ситуации: агентив с адъективным предикатом свойства 'the wild birds' используется в следующей ситуации)</p>
<p>35. And, (terrified), did flutter on the ground,</p>	<p>35. И птицы хищные влачили по земле, (Деформирующее денотативное преобразование:</p>

	<p>неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого действия (<i>flutter</i> («бить крыльями») – влачились); неэквивалентная замена адъективного предиката свойства: <i>wild</i> – хищные; адъективированное причастие-предикат ‘<i>terrified</i>’ используется в следующей ситуации)</p>
<p>36. And flap their useless wings;</p>	<p>36. В испуге трепеща бессильными крылами; (Абсолютное денотативное тождество: замена адъективированного причастия-предиката ‘<i>terrified</i>’ на существительное предикат ‘в испуге’; замена следствия причиной: <i>useless</i> («бесполезные») – бессильные)</p> <p>+ И звери дикие покинули леса (Добавление ситуации)</p>
<p>37. the wildest brutes Came tame and <i>tremulous</i>;</p>	<p>37. И <i>посреди людей</i> бродили, как ручные; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката свойства на глагольный предикат действия (<i>came</i> («стали») – бродили); добавления и опущение)</p>
<p>38. and vipers crawl'd</p>	<p>38. – (Опущение ситуации: использование агента ‘<i>vipers</i>’ в следующей ситуации)</p>
<p>39. And twin'd themselves among the multitude, Hissing, but stingless –</p>	<p>39. И ядовитые ехидны под ногами Вились со свистом, но не трогали людей (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение (<i>vipers</i> – ядовитые ехидны); уточняющая метонимия: <i>among the multitude</i> «среди множества (людей)» – под ногами (людей); неэквивалентная замена адъективированного предиката-причастия окачественного действия как свойства на существительное-предикат действия: <i>hissing</i> – со свистом; замена адъективного предиката свойства на глагольный предикат воздействия с пациентивом: <i>stingless</i> – не трогали людей; конкретизация: <i>stingless</i> – не трогали)</p>
<p>40. they were slain for food.</p>	<p>40. И сами делались добычей <i>голодных</i>. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на</p>

<p>41. And War, which for a moment was no more, Did glut himself again:</p> <p>42. a meal was bought With blood,</p> <p>43. and each sate <i>sullenly</i> apart <i>Gorging himself in gloom:</i></p> <p>44. no love was left;</p> <p>45. <i>All</i> earth was but one thought – and that was death Immediate and <i>inglorious</i>;</p> <p>46. and <i>the pang</i> Of famine fed upon all <i>entrails</i> –</p> <p>47. men Died,</p>	<p>псевдо-активную; добавление)</p> <p>41. Вражда, затихшая на миг, вспылала снова: (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации, выраженной придаточной определительной, на псевдо-активную, выраженную причастным оборотом (which for a moment was no more – затихшая на миг); метафорическая дифференциация: did glut himself – вспылала)</p> <p>42. <i>Оружием</i> и кровью доставали пищу, (Частичное денотативное тождество: генерализация (to buy («покупать») – доставать); добавление)</p> <p>43. И каждый, (удаляясь, садился) одиноко И ел <i>с отчаяньем кровавую добычу</i>. (Частичное денотативное тождество: замена причины следствием (модуляция): apart («в стороне») – одиноко; добавления и опущения)</p> <p>+ (каждый) <...> удаляясь, садился (Добавление ситуации)</p> <p>44. Любви не стало <i>на земле</i>: (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; добавление)</p> <p>45. в сердцах людей Осталась мысль одна – о неизбежной смерти; (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (all earth was but one thought (вся земля была одной лишь мыслью) – в сердцах людей осталась мысль одна); опущения)</p> <p>46. Всех голод истреблял – (Частичное денотативное тождество: метафорическая дифференциация (famine fed upon (голод ел) – голод истреблял); опущения)</p> <p>47. и люди умирали; (Синтаксическое тождество)</p>
--	--

<p>48. and their bones were tombless as their flesh;</p>	<p>48. Их кости и тела без погребенья тлели; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; замена адъективного предиката свойства на существительное предикат: tombless – без погребенья)</p>
<p>49. The meagre by the meagre were devour'd,</p>	<p>49. Голодный пожирал слабейшего себя, (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена объектива, the meagre (тощий) – слабейшего себя)</p>
<p>50. Even dogs assail'd their masters,</p>	<p>50. И даже псы бросались на своих господ... (Абсолютное сигнификативное тождество)</p>
<p>51. all save one, And he was faithful to a corse,</p>	<p>51. Один лишь пес остался верным: (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; конкретизация при повторной номинации (one – пёс); бенефициатив 'corse' использован в следующей ситуации) + он у трупа Сидел, (Добавление ситуации)</p>
<p>52. and kept The birds and beasts and famish'd men at bay,</p>	<p>52. и лаем отгоняя <i>жадных</i> птиц, Зверей и голодом терзаемых людей, (Частичное денотативное тождество: семантическое перераспределение (famish'd – голодом терзаемых); добавление)</p>
<p>53. Till hunger clung them,</p>	<p>53. – (Опущение ситуации)</p>
<p>54. or the dropping dead Lur'd their lank jaws;</p>	<p>54. Бежавших <i>стаями</i> на мертвую добычу, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена причины следствием (модуляция), («мертвые приманивали их тонкие челюсти» – «люди бежали стаями на мертвую добычу»); нейтрализация метонимии: lank jaws – (люди)); добавление)</p>
<p>55. himself sought out no food,</p>	<p>55. И не дотрогиваясь сам до пищи – (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-</p>

	сказуемого действия, to seek out (искать) – дотрагиваться)
56. But with a piteous and <i>perpetual</i> moan,	56. с воём Отчаянным (Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена адъективного предиката свойства (piteous («жалобный») – отчаянный); опущение)
57. And a quick desolate cry,	57. – (Опущение ситуации)
58. licking the hand Which answer'd not with a caress –	58. лизал <i>безжизненную</i> руку, И <i>прежней</i> ласки не встречая, – (Трансформирующее денотативное преобразование: замена причины следствием (модуляция), «рука, которая не ответила лаской» – «(пёс) прежней ласки не встречал»; добавления)
59. he died.	59. он издох. (Синтаксическое тождество) + Земля пустела – (Добавление ситуации)
60. The crowd was famish'd <i>by degrees</i> ;	60. и народы исчезали... (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; дифференциация (the crowd – народы); опущение)
61. but two Of an enormous city did survive,	61. И в городе одном, обширном, <i>многолюдном</i> , (Все умерли); остались двое... <i>два врага</i> . (Частичное денотативное тождество: замена семантической роли аргумента с объектива как объекта отношения на локатив (of <...> city – в городе); добавление) + Все умерли (Добавление ситуации)
62. And they were enemies:	62. – (Опущение ситуации: существительное-непредикат 'enemies' используется в предыдущей

<p>63. they met beside <i>The dying embers of an altar-place</i></p> <p>64. Where had been heap'd a mass of holy things For an unholy usage;</p> <p>65. they rak'd up,</p> <p>66. And shivering scrap'd with their <i>cold</i> <i>skeleton</i> hands The feeble ashes,</p> <p>67. and their feeble breath Blew for a little life,</p> <p>68. and made a flame Which was a mockery;</p> <p>69. then they lifted up Their eyes <i>as it grew lighter</i>,</p>	<p>ситуации)</p> <p>63. Они сошлись у алтаря, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена псевдо-активной ситуации на активную; опущение)</p> <p>64. где тлели в пепле Последние лучи священного огня; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого воздействия (to heap («сбрасывать в грудку») – тлеть); неэквивалентная замена объекта: a mass of holy things («множество священных вещей») – огонь);</p> <p>65. – (Опущение ситуации)</p> <p>66. И выгребли они дрожащими руками <i>Из тлеющей золы остатки</i> слабых искр, (Частичное денотативное тождество: метонимический перенос, (they) <...> shivering – дрожащими руками, в оригинале данное адъективированное причастие-предикат окачественного действия как свойства характеризует «людей», в переводе – их «руки»; добавления и опущения)</p> <p>67. И грудью тощею огонь <i>из них</i> раздули – (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (a little life («немного жизни») – огонь); метонимический перенос (feeble breath («слабое дыхание») – тощая грудь); добавление)</p> <p>68. И вспыхнул он <i>на миг, как будто бы</i> в насмешку. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; генерализация при повторной номинации (a flame – он); добавления)</p> <p>69. Тогда они на пламя обратили взор; (Деформирующее денотативное преобразование:</p>
---	--

<p>70. and beheld Each other's aspects —</p> <p>71. saw,</p> <p>72. and shriek'd,</p> <p>73. and died —</p> <p>74. <i>Even</i> of their mutual hideousness they died,</p> <p>75. Unknowing who he was (upon whose brow)</p> <p>76. Famine had written Fiend.</p>	<p>изменение семантики глагольного предиката-сказуемого (lifted up their eyes («подняли глаза») – обратили взор на пламя) и добавление перцептива ‘пламя’, ситуация меняется; опущение)</p> <p>70. Их очи встретились – (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (beheld («увидели») – встретились) и сопутствующее изменение состава аргументов)</p> <p>71. – (Опущение ситуации)</p> <p>72. они вздрогнули, (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого, shriek'd («вскрикнули») – вздрогнули)</p> <p>73. <i>пали</i> И умерли. (Частичное сигнификативное тождество: добавление)</p> <p>74. Их взгляд свирепый умертвил; (Трансформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена сирконстанта причины на агентив (mutual hideousness («взаимное безобразия») – взгляд свирепый); замена псевдо-активной ситуации на активную + опущение)</p> <p>75. Они друг друга не узнали, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; неэквивалентная замена предиката-причастия окачественного состояния как свойства на глагольный предикат действия с сопутствующим изменением состава аргументов; объектив ‘brow’ используется в следующей ситуации)</p> <p>76. <i>только</i> голод На <i>страшных</i> лицах их нарезал <i>имя</i>: враг.</p>
--	---

	(Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена объекта (Fiend («демон») – враг); + добавления)
77. The world was void,	77. Мир опустел: (Трансформирующее денотативное преобразование (модуляция): замена созерцательной ситуации на псевдо-активную)
78. The populous and the powerful was a lump,	78. <i>доселе</i> шумный и цветущий, Он превратился в труп, <i>холодный и немой</i> , (Трансформирующее денотативное преобразование (модуляция): замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; метафорический перенос (lump – труп); замена причины следствием (модуляция): the populous and the powerful – шумный и цветущий; + добавления)
79. Seasonless, herbless, <i>treeless</i> , manless, lifeless –	79. Без зелени, без дней, без жизни, без людей. (Частичное денотативное тождество: уточняющая метонимия (seasonless – без дней) + опущение)
80. A lump of death – a chaos of hard clay.	80. – (Опущение ситуации)
81. The <i>rivers</i> , lakes and ocean <i>all</i> stood still,	81. Озера и моря стояли неподвижно, (Частичное денотативное тождество: дифференциация (oceans – моря) + опущения)
82. And nothing stirr'd within their silent depths;	82. И мертво было все в их темной глубине: (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной каузированной ситуации на созерцательную; неэквивалентная замена адъективного предиката свойства: silent («тихие») – тёмная)
83. Ships sailorless lay <i>rotting</i> on the sea,	83. Лишенные пловцов, на <i>дремлющем</i> их лоне Дремали корабли; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (lay («лежали») – спали); добавление и опущение)

84. And their masts fell down <i>piecemeal</i> :	84. их мачты упали (Частичное сигнификативное тождество: опущение)
85. as they dropp'd	85. – (Опущение ситуации)
86. They slept on the abyss without a surge –	86. И гнили в глубине невозмутимых <i>вод</i> ; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (slept («спали») – гнили); замена предиката существительного на адъективный предикат свойства (without a surge («без движения») – невозмутимые); добавление) + Затихли бури (Добавление ситуации)
87. The waves were dead;	87. и <i>навек</i> уснули волны, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; добавление)
88. the tides were in their grave,	88. И успокоились приливы и отливы (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на активную; семантическое перераспределение: tides – приливы и отливы)
89. The moon, their mistress, had expir'd before;	89. Без их владычицы, померкнувшей луны; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена псевдо-активной ситуации на созерцательную ситуацию со скрытым предикатом «быть»);)
90. The winds were wither'd in the stagnant air,	90. И ветры в воздухе недвижимом затаились, (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (were wither'd («были лишены сил») – затаились) и сопутствующее изменение состава аргументов)
91. And the clouds <i>perish'd</i> ;	91. И облака <i>исчезли</i> ... (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры)

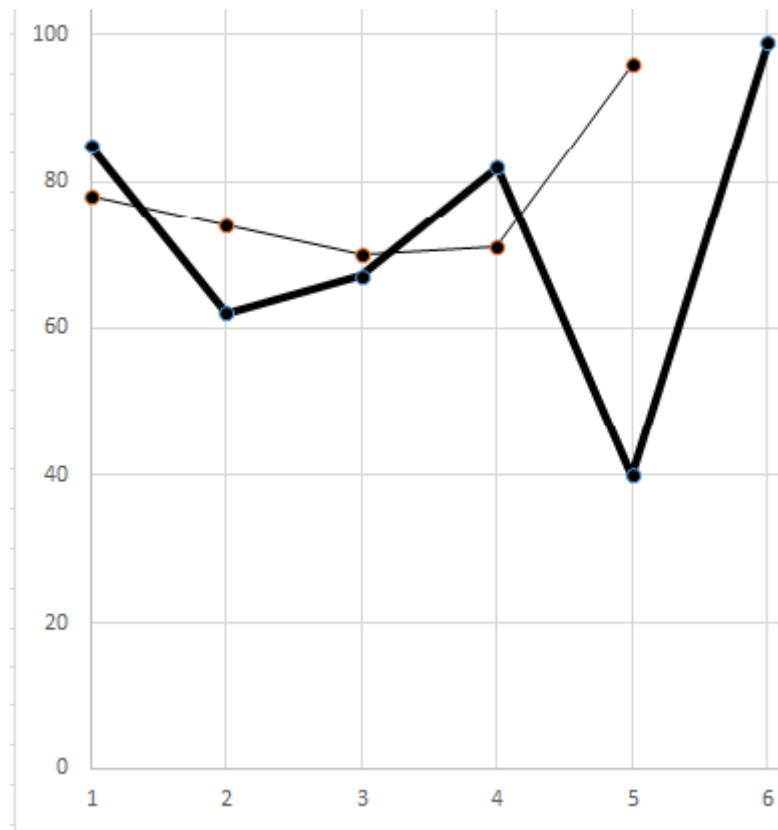
92. Darkness had no need Of aid from them –	92. – (Опущение ситуации)
93. She was the Universe.	93. тьма над всей вселенной Непроницаемой висела пеленой. (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката- сказуемого (was («была», «являлась») – висела) и сопутствующее изменение состава аргументов)

Тождественность и преобразованность (формальная).

Числовое и графическое представление ритмического профиля перевода

А. П. Милюкова:

№	Переводчик	Разница (%)	Показатель частотности ударения на каждом сильном слове каждой из 6-ти стоп (в %)					
			1	2	3	4	5	6
0	Оригинал	-	78	74	70	71	96	-
1	А. П. Милюков	20 (первые 5 стоп)	85	62	67	82	40	99

Значения по вертикали – процентный показатель частотности ударения на каждом сильном слове каждой из стоп. Значения по горизонтали – номер стопы. График, выполненный жирной линией – ритмический профиль перевода, обычной – оригинала.

Перевод М. А. Зенкевича

Экспонентный уровень.

Активность.

Проявление активности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более 'динамическую' в переводе.

1. Замена адъективного предиката свойства на нематричный предикат в виде причастного оборота с предикатом-причастием окачественного действия как свойства в его составе:

1) the world <...> **lifeless** – мир <...> **лишённый жизни**.

2. Замена адъективного предиката свойства на адъективированный предикат-причастие окачественного действия как свойства:

1) the **icy** earth – **замерзшая** земля.

3. Замена адъективного предиката свойства на предикат-деепричастие действия:

1) vipers crawl'd <...> **stingless** – гадюки ползали <...> **не кусая**.

4. Замена предиката-причастия окачественного состояния как свойства на глагольный предикат состояния:

1) they <...> **unknowing** – они **не знали**.

5. Замена адъективированного предиката-причастия окачественного действия как свойства на глагольный предикат действия:

1) vipers crawl'd <...> **hissing** – гадюки ползали <...>, **шипели**.

6. Глагольный предикат состояния в глагольный предикат действия:

1) the rivers <...> **stood still** – реки <...> **застыли** (в тексте оригинала глагольный предикат состояния характеризуется наречием-сирконстантом образа действия).

7. Наречие-сирконстант образа действия в предикат-деепричастие действия:

1) sate <...> **apart** – **прячась от других** <...> ел (с пациентивом);

2. Замена исходной единицы на более 'предикативную' в переводе.

1. Замена предиката-существительного на глагольный предикат действия:

1) they were slain for **food** – их убивали люди и **съедали**.

Проявление активности на уровне ситуаций.

1. Замена созерцательной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена дескриптива на псевдо-активный объектив:

1) all was black – сгущался мрак;

2) the **world** <...> was a lump – **мир** <...> стал комом.

2. Замена дескриптива на псевдо-активный пациентив:

1) the **waves** were dead – уснули **волны**;

2) **she** was the Universe – **она** вселенной стала.

3. Замена пациентива, пребывающего в состоянии, на псевдо-активный пациентив:

1) **they** slept – гибли **корабли**.

б. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с увеличением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена дескриптива на псевдо-активный объектив:

1) the **world** was void – пустынею <...> стал <...> **мир**.

2. Замена созерцательной ситуации на активную.

а. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'активную' с уменьшением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена пациентива на агентив:

1) the **tides** were in their grave – замерли **приливы**.

б. Добавление 'активного' аргумента со сменой семантической роли исходного 'созерцательного' аргумента («смешанный» тип).

1. Добавление нулевого агентива в результирующую ситуацию:

1) their **bones** were tombless – **их** не хоронили (смена семантической роли аргумента 'bones' с дескриптива на объектив в переводе: 'их')

3. Замена псевдо-активной ситуации на активную.

а. Замена 'псевдо-активной' семантической роли исходного аргумента на 'активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена псевдо-активного объектива на агентив:

1) the **flashes** fell upon them – **вспышки** <...> ужасный вид всем лицам придавали.

4. Смена 'пассивной' семантической роли аргумента исходной ситуации на 'активную' в переводе без изменения типа ситуации.

а. Замена 'пассивной' семантической роли исходного аргумента на 'активную' (с уменьшением количества исходных аргументов) вследствие устранения нулевого активного аргумента («смешанный» тип).

1. Замена пациентива на агентив:

1) **Men** were gather'd – сходились **люди**.

2. Замена объектива на элементив:

1) the **winds** were wither'd – не дули **ветры**.

Созерцательность.

Проявление созерцательности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более 'статичную' в переводе.

1. Замена адъективированного причастия-предиката окачественного воздействия как свойства на адъективный предикат свойства.

1) of **crowned** kings – монархов **венценосных**.

2. Замена исходной единицы на более 'номинативную' в переводе.

1. Замена глагольного предиката действия на предикат-существительное действия:

1) the <...> birds **shriek'd** – птицы **с криком**.

2. Замена глагольного предиката состояния на предикат-существительное состояния:

1) they **slept** <...> – **в дремоте** <...> корабли.

Проявление созерцательности на уровне ситуаций.

1. Замена активной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена 'активной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена агентива на псевдо-активный объектив:

1) **Morn** came <...> and brought no day – **утро** шло <...> без света дня.

б. Устранение нулевого 'активного' аргумента с заменой семантической роли исходного 'пассивного' аргумента на 'псевдо-активную' и уменьшением количества участников ситуации («смешанный» тип).

1. Замена объектива как объекта воздействия на псевдо-активный объектив:

1) the bright **sun** was extinguish'd – погасло **солнце** яркое;

2) all **hearts** were chill'd – **застыли** все сердца;

3) **cities** were consum'd – исчезли **города**;

4) no **love** was left – **любовь** исчезла.

в. Замена исходного 'активного' аргумента на предикат, не являющийся аргументом, без изменения семантической роли исходного 'пассивного' аргумента (особый случай изменения состава аргументов).

1. Замена нулевого агента на сирконстант причины:

1) the crowd was famish'd – **от голода** все вымерли (количество участников ситуации в ситуации перевода меньше, чем в ситуации оригинала).

2. Замена активной ситуации на созерцательную.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на 'созерцательную' («чистый» тип).

1. Замена агента на объектив:

1) the dropping **dead** lur'd their lank jaws – людей <...>, кинуться готовых на **мертвечину**.

3. Добавление созерцательной ситуации в текст перевода или опущение активной либо псевдо-активной ситуации.

а. Опущение активной ситуации:

1) till hunger clung them;

2) made a flame;

б. Опущение псевдо-активной ситуации:

1) as they dropp'd.

Субстанциональный уровень.

Конкретность.

Конкретизация.

1) I **had** a dream – Я **видел** сон (to have – to experience something [Camb.], испытать с помощью органов чувств; «видеть» – один из способов восприятия);

2 + 3 + 4) **some** <...> wept, **some** <...> smil'd; and **others** <...> fed their funeral piles with fuel – **одни** <...> рыдали, **другие** <...> сидели улыбаясь; а **третьи** погребальный свой костёр питали топливом;

5) **himself** sought out no food – **пёс**, забыв про пищу (конкретизация при повторной номинации);

6) holy **things** – церковную <...> **утварь** (a thing – предмет; утварь – совокупность предметов, необходимых в обиходе, в какой-либо области жизни [СРЯ]: добавление дифференциальных признаков);

7) the tides – приливы (the alternate rising and falling of the surface of the ocean [MW] – приливы; 'the tides' выступает как гипероним по отношению к гипонимам «прилив» и «отлив»);

8) cloud – туча («туча» – большое, обычно темное **облако**, несущее дождь, град, снег).

'Уточняющая' метонимия.

1) among the multitude – у **ног** толпы (нога как часть человека);

2) beheld each other's **aspects** – в **глаза** друг другу <...> глянули (глаза как часть лица).

Замена генерализованного актанта на конкретный.

1) they were slain for food – их убивали **люди** и съедали;

Абстрактность.

Генерализация.

1) by watchfires – у костров (watchfire – a **fire** lighted as a signal or for the use of a guard [MW] – костёр);

2) rayless – без света (any of the lines of **light** that appear to radiate from a bright object [MW] – свет).

‘Генерализующая’ метонимия.

1) into each other's face – друг на друга (лицо как часть человека);

2) within the eye of the volcanos – у <...> вулканов (жерло вулкана как его часть);

3) **the brows** of men – **лицам** (лоб как часть часть лица);

4) whose brow – чьё лицо (лоб как часть часть лица).

Замена конкретного актанта на генерализованный.

1) **the crowd** was famish'd – от голода **все** вымерли ('the crowd' – a large number of **persons** especially when collected together [MW] – «все (люди)»);

Детализованность.

Добавление глагольного предиката:

1) terrified – боясь **взлететь** (добавление глагольного предиката действия в форме инфинитива к предикату-деепричастию состояния);

2) **blew** for a little life – **пытались** пламя слабое **раздуть** (модальный предикат).

Добавление адъективного предиката свойства:

1) unearthly aspect – неземной, **ужасный** вид;

2) the flashes – пламени **отчаянные** вспышки;

3) met beside <...> an altar place – сошлись у <...> **тлеющего** алтаря;

4) the world was void – пустынею **безлюдной** стал весь мир.

Добавление наречия-сирконстанта или сирконстанта:

1) all hearts were chill'd – в **ужасе** застыли все сердца (существительное-предикат состояния в функции сирконстанта образа действия);

2) cities were consum'd – **так** исчезли города (наречие-сирконстант образа воздействия);

3) some did rest their chins upon their clenched hands, and smil'd – другие **задумчиво** сидели, улыбаясь (сирконстант образа действия);

4) and each <...> sate sullenly – и каждый <...> угрюмо, **жадно** ел (наречие-сирконстант образа воздействия);

5) the meagre by the meagre were devour'd – **жадно** тощие съедали тощих (наречие-сирконстант образа воздействия);

6) the feeble ashes – в золе **чуть** тёплой (наречие-сирконстант степени);

7) died – **от ужаса** <...> мёртвыми упали (сирконстант причины);

8) died – **вдруг** мёртвыми упали (наречие-сирконстант образа действия);

9) died – **пока** не сдох (наречие-сирконстант времени);

10) himself sought out no food – у **тела** пёс, забыв про пищу (сирконстант места).

Добавление квантора:

- 1) men forgot their passions – о **всех** своих страстях забыли люди (общности);
- 2) the brows of men – **всем** лицам (общности);
- 3) the wildest brutes – **все** звери (общности);
- 4) the world was void – пустынею безлюдной стал **весь** мир (общности).

Добавление актанта:

- 1) the huts <...> were burnt – и **дома**, и хижины <...> сжигались (объектив);
- 2) happy were – счастливее **других** себя считали (пациентив как основание для сравнения);
- 3) the flashes – **пламени** <...> вспышки (предикатный объектив, притяжательное значение);
- 4) kept <...> at bay – **к нему** не подпускал (объектив);

Обобщённость.**Опущение глагольного предиката:**

- 1) morn came and **went** – and came – утро шло (в функции однородного сказуемого);
- 2) morn came and went – and **came** – утро шло (в функции однородного сказуемого);
- 3) they **fell** and faded – лесной пожар недолго длился (в функции однородного сказуемого; faded – недолго длился: модуляция);
- 4) the <...> birds <...> did **flutter on the ground** and flap their useless wings – птицы <...> махали крыльями (глагольный предикат действия в функции однородного сказуемого с сирконстантом места);
- 5) they rak'd up, and <...> **scrap'd** – они <...> рылись (в функции однородного сказуемого);
- 6) **beheld** <...>, saw, and shriek'd and died – закричав, <...> мёртвыми упали (в функции однородного сказуемого);
- 7) beheld <...>, **saw**, and shriek'd and died – закричав, <...> мёртвыми упали (в функции однородного сказуемого);
- 8) others **hurried to and fro** and fed their funeral piles with fuel – третьи погребальный свой костёр питали топливом (глагольный предикат воздействия в функции однородного сказуемого с наречием-сирконстантом места).

Опущение адъективного предиката свойства:

- 1) the stars did wander **darkling** – звёзды <...> блуждали;
- 2) the icy earth swung blind and **blackening** – замёрзшая земля кружилась слепо;
- 3) the **crackling** trunks – стволы;
- 4) look'd up with **mad** disquietude – беспокойно глядели ввысь;
- 5) the **wild** birds shriek'd – птицы с криком;
- 6) flap their **useless** wings – махали крыльями;
- 7) the **wildest** brutes – звери;
- 8) the **dropping** dead – мертвечина;
- 9) with a piteous and **perpetual** moan – с безутешным воем;
- 10) met beside the **dying** embers – сошлись у пепла;
- 11) with their **cold**, skeleton hands – костлявыми руками;
- 12) **mutual** hideousness – вид ужасный (hideousness – вид ужасный: семантическое перераспределение);

13) within their **silent** depths – их глубины.

Опущение наречия-сирконстанта или сирконстанта:

1) the brows of men <...> wore an unearthly aspect, **as by fits** the flashes fell upon them – пламени отчаянные вспышки какой-то неземной, ужасный вид всем лицам придавали (сирконстант образа воздействия);

2) the brows of men **by the despairing light** wore an unearthly aspect, <...> the flashes fell upon them – пламени отчаянные вспышки какой-то неземной, ужасный вид всем лицам придавали (сирконстант времени);

3) others **hurried to and fro** and fed their funeral piles with fuel – третьи погребальный свой костёр питали топливом (глагольный предикат действия в функции однородного сказуемого с наречием-сирконстантом места);

4) and **then** again with curses – и <...> с проклятьями (наречие-сирконстант времени);

5) and then **again** with curses – и <...> с проклятьями (наречие-сирконстант времени);

6) the crowd was famish'd **by degrees** – от голода все вымерли (сирконстант образа воздействия);

7) had expir'd **before** – исчезла (наречие-сирконстант времени);

8) those who dwelt within **the eye of the volcanos**, and their mountain-torch – жившие у факелов вулканов (сирконстант места);

9) lay rotting **on the sea** – гнивали (сирконстант места).

Опущение актантов:

1) the huts <...> were burnt **for beacons** – хижины <...> сжигались (объектив);

2) the brows **of men** – лицам (пациентив);

3) some did rest their **chins** upon their clenched hands, and smil'd – другие <...> сидели улыбаясь (объектив);

4) some did rest their chins upon their **clenched hands**, and smil'd – другие <...> сидели улыбаясь (объектив с предикатом свойства).

Опущение квантора:

1) **all** earth was but one thought – одна лишь мысль осталась на земле (общности);

2) where had been heap'd **a mass** of holy things – церковную там уложили утварь (количественный);

3) the rivers, lakes and ocean **all** stood still – озёра, реки и моря застыли (общности).

Опущение частицы-предиката:

1) **even** dogs assail'd their masters – кидались на своих хозяев псы (усилительная).

Опущение предикатного выражения:

1) till hunger clung them;

2) made a flame;

3) as they dropp'd;

Другое:

1) in the dread of this their desolation (существительное-предикат состояния с предикатом свойства);

2) and War, **which for a moment was no more** – войну (придаточная определительная в функции предиката состояния);

3) with a quick desolate cry (предикат-существительное действия в функции однородного дополнения с двумя предикатами свойства);

4) they <...> **shivering** – они (предикат-причастие состояния).

Интенциональный уровень.**Буквальность.**

1. morn <...> came, and **brought** no day – утро шло без света дня;
2. cities were consum'd – исчезли города;
3. within the eye of the volcanos – у <...> вулканов;
4. a **fearful** hope was all the world contain'd – весь мир жил **в ужасе** одной надеждой;
5. some lay down and hid their eyes – одни, упавши ниц;
6. and War, <...> did glut himself again – между собою все вели войну;
7. all earth was but one thought – одна лишь мысль осталась на земле;
8. till hunger clung them – опущение ПВ;
9. the dropping dead lur'd their lank jaws – кинуться готовых на мертвечину;
10. beside the dying embers – у пепла тлеющего;
11. the feeble ashes – в золе чуть тёплой;
12. blew for a little life – пытались пламя слабое раздуть;
13. upon whose brow Famine had written Fiend – чьё лицо так дьявольски обезобразил голод;
14. the tides were in their grave – замерли приливы;
15. the moon <...> had expir'd – исчезла <...> луна;
16. the winds were wither'd – не дули ветры;
17. the clouds perish'd – пропали тучи.

Образность.

1. –

Тождественность и преобразованность (смысловая).

1. I had a dream, which was not all a dream.	1. Я видел сон, не все в нем было сном. (Абсолютное денотативное тождество: замена придаточной определительной в функции предиката свойства на эквивалентное в отношении смысла простое предложение в составе сложного бессоюзного)
2. The bright sun was extinguish'd,	2. Погасло солнце яркое, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную)
3. and the stars Did wander <i>darkling</i> in the eternal space, Rayless, and pathless,	3. и звезды Без света, без путей в пространстве вечном Блуждали, (Частичное денотативное тождество: генерализация (rayless – без света); опущение)
4. and the icy earth	4. и замерзшая земля

Swung blind and <i>blackening</i> in the moonless air;	Кружилась слепо в темноте безлунной. (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (<i>swung</i> – кружилась); замена адъективного предиката свойства ‘ <i>icy</i> ’ на предикат-причастие окачественного действия как свойства ‘замерзшая’; опущение)
5. Morn came	5. + 6. + 7. За утром утро шло
6. and went –	(Абсолютное денотативное тождество: модуляция – и в оригинале, и в переводе описывается смена одного утра другим утром)
7. and came,	
8. and brought no day,	8. без <i>света</i> дня, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на созерцательную; добавление)
9. And men forgot their passions (in the dread) <i>Of this their desolation;</i>	9. О <i>всех</i> своих страстях забыли люди, (Частичное сигнификативное тождество: добавление и опущение; предикат-существительное состояния ‘in the dread’ используется в следующей ситуации)
10. and all hearts Were chill'd into a selfish prayer for light:	10. И в ужасе застыли все сердца В эгоистической мольбе о свете. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную)
11 And they did live by watchfires –	11. <i>Все</i> жили у костров: (Частичное денотативное тождество: генерализация (<i>watchfires</i> – костры); пациентив ‘ <i>they</i> ’ заменён на нулевой пациентив при субстантивированном кванторе ‘ <i>все</i> ’; добавление)
12. and the thrones, The palaces of crowned kings – the huts, <i>The habitations of all things which dwell,</i> Were burnt for <i>beacons</i> ;	12. дворцы и троны Монархов венценосных, и <i>дома</i> , И хижины; <i>домашние все вещи</i> Сжигались – (Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена объектива ‘ <i>the habitations</i> ’ («жилища») на ‘домашние <...> вещи’, добавление и опущение)
13. cities were consum'd,	13. <i>так</i> исчезли города.

<p>14. And men were gather'd round their blazing homes To look once more into each other's face;</p> <p>15. Happy were those who dwelt within <i>the</i> <i>eye</i> Of the volcanos, and their <i>mountain-torch</i>:</p> <p>16. A fearful hope was all the world contain'd;</p> <p>17. Forests were <i>set on fire</i> –</p> <p>18. but hour by hour They fell and faded –</p> <p>19. and the <i>crackling</i> trunks Extinguish'd with a crash –</p>	<p>(Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; добавление)</p> <p>14. Сходились люди у жилищ горящих, Чтоб друг на друга раз еще взглянуть, (Абсолютное денотативное тождество: изменение семантики глагольного предиката-сказуемого действия и сопутствующее изменение семантической роли аргумента с пациентива на агентив (men – люди); генерализующая метонимия: into each other's face – друг на друга)</p> <p>15. А жившие у факелов вулканов Счастливее других себя считали. (Деформирующее денотативное преобразование: добавление глагольного предиката-сказуемого 'считали'; изменение семантической роли с дескриптива на экспериенсив (those who dwelt – жившие); добавление аргумента 'другие' в пациентиве как основания для сравнения; обратная парафраза (those who dwelt – жившие); опущения)</p> <p>16. Весь мир жил в ужасе одной надеждой; (Абсолютное денотативное тождество: метонимический перенос, the world contain'd <...> hope («мир содержал надежду») – мир жил <...> надеждой, «люди в мире жили надеждой»)</p> <p>17. Леса <i>зажгли</i>, (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение)</p> <p>18. но и лесной пожар Недолго длился, (Частичное денотативное тождество: модуляция – замена процесса на следствие, «час за часом леса падали и гасли», следовательно «лесной пожар недолго длился»; неэквивалентная замена сирконстанта времени: hour by hour («час за часом») – недолго)</p> <p>19. догорали с треском Стволы <i>деревьев</i> –</p>
--	---

<p>20. and all was black.</p> <p>21. The brows <i>of men</i> by the despairing <i>light</i> Wore an unearthly aspect,</p> <p>22. <i>as by fits</i> The flashes fell upon them;</p> <p>23. some lay down</p> <p>24. And hid their eyes</p> <p>25. and wept;</p> <p>26. and some did rest Their chins upon their clenched hands,</p> <p>27. and smil'd;</p> <p>28. And (others) hurried to and fro,</p> <p>29. and fed Their funeral piles with fuel,</p>	<p>(Частичное сигнификативное тождество: добавление и опущение)</p> <p>20. и сгущался мрак. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную)</p> <p>21. + 22. А <i>пламени</i> отчаянные вспышки Какой-то неземной, <i>ужасный</i> вид <i>Всем</i> лицам придавали, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на активную; добавления и опущения)</p> <p>23. + 24. и одни, Упавши ниц, (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация (some – одни); замена глагольного предиката-сказуемого действия с объективом на наречие-сирконстант образа действия: hid their eye – ниц)</p> <p>25. рыдали, (Абсолютное сигнификативное тождество)</p> <p>26. а другие <i>Задумчиво</i> сидели (Частичное денотативное тождество: конкретизация (some – другие); модуляция: did rest their chins upon their clenched hands («ложили подбородки на стиснутые руки») – сидели; добавление)</p> <p>27. улыбаясь; (Абсолютное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на предикат- деепричастие действия)</p> <p>28. – (Опущение ситуации, агентив ‘others’ используется в следующей ситуации)</p> <p>29. А третьи погребальный свой костер Питали топливом</p>
---	--

<p>30. and look'd up With <i>mad</i> disquietude on the dull sky, The pall of a past world;</p> <p>31. and <i>then again</i> With curses cast them down upon the dust,</p> <p>32. And gnash'd their teeth</p> <p>33. and howl'd:</p> <p>34. the <i>wild</i> birds shriek'd</p> <p>35. And, terrified, did flutter on the ground,</p> <p>36. And flap their <i>useless</i> wings;</p> <p>37. the <i>wildest</i> brutes Came tame and tremulous;</p>	<p>(Абсолютное денотативное тождество: конкретизация, other – третьи)</p> <p>30. и беспокойно Глядели ввысь, на сумрачное небо, Покров земли умершей, (Частичное денотативное тождество: замена сирконстанта образа действия на наречие- сирконстант образа действия: with <...> disquietude («с беспокойством») – беспокойно; опущение)</p> <p>31. и, во прах Повергнувшись, с проклятьями (Частичное сигнификативное тождество: опущения)</p> <p>32. (вопили – ситуация 33), Зубами скрежеща; (Абсолютное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на предикат- деепричастие действия, <i>gnash 'd their teeth</i> – зубами <i>скрежеща</i>)</p> <p>33. (вопили) (Абсолютное сигнификативное тождество)</p> <p>34. птицы с криком (Частичное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на предикат- существительное действия (<i>shriek 'd</i> («кричали») – с криком); опущение)</p> <p>35. – (Опущение ситуации)</p> <p>36. Махали крыльями, (Частичное сигнификативное тождество: опущение) + боясь взлететь, (Добавление ситуации)</p> <p>37. <i>Все</i> звери стали робкими, ручными, (Частичное сигнификативное тождество: добавление и опущение)</p>
--	---

<p>38. and vipers crawl'd</p> <p>39. And twin'd themselves among the multitude, Hissing, but stingless –</p> <p>40. they were slain for food.</p> <p>41. And War, <i>which for a moment was no more,</i> Did glut himself <i>again</i>:</p> <p>42. a meal was bought With blood,</p> <p>43. and each <i>sate</i> sullenly apart Gorging himself <i>in gloom</i>:</p> <p>44. no love was left;</p>	<p>38. Гадюки ползали (у ног толпы), (Частичное сигнификативное тождество: локатив используется в следующей ситуации; опущение)</p> <p>39. Шипели, извиваясь, не кусая, (Абсолютное денотативное тождество: уточняющая метонимия (among the multitude – у ног толпы); замена предиката-причастия окачественного действия как свойства на глагольный предикат действия (hissing – шипели); замена глагольного предиката воздействия на предикат-деепричастие воздействия (twin'd themselves – извиваясь); замена адъективного предиката свойства на предикат-деепричастие воздействия: stingless – не кусая)</p> <p>40. Их убивали люди и съедали. (Абсолютное денотативное тождество: залоговое преобразование; замена нулевого агента на агентив 'люди'; замена существительного-предиката на глагольный предикат воздействия: food – съедали)</p> <p>41. Между собою все вели войну, (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (War <...> did glut himself – все сели войну); опущения)</p> <p>42. <i>Ценою</i> крови пища покупалась, (Частичное сигнификативное тождество: добавление)</p> <p>43. И каждый тайно, прячась от других, Угрюмо, жадно ел. (Частичное денотативное тождество: семантическое перераспределение (gorging – жадно ел); опущения)</p> <p>+ прячась от других (Добавление ситуации)</p> <p>44. Любовь исчезла; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на активную декаузированную)</p>
---	--

<p>45. All earth was but one thought – and that was death Immediate and inglorious;</p>	<p>45. Одна лишь мысль осталась на земле – О смерти неизбежной и бесславной. (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры, all earth was but one thought – одна лишь мысль осталась на земле);</p>
<p>46. and <i>the pang</i> Of famine fed upon all entrails—</p>	<p>46. Всем внутренности <i>волчий</i> голод грыз, (Частичное денотативное тождество: замена квантора с объективом на квантор с нулевым пациентивом и объективом (all entrails – всем внутренности); добавление и опущение)</p>
<p>47. men Died,</p>	<p>47. И люди мерли, (Синтаксическое тождество)</p>
<p>48. and their bones were tombless as their flesh;</p>	<p>48. их не хоронили; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на активную; генерализующая метонимия: their bones <...> their flesh – их)</p>
<p>49. The meagre by the meagre were devour'd,</p>	<p>49. И жадно тощие съедали тощих. (Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение, devour'd – жадно съедали)</p>
<p>50. <i>Even</i> dogs assail'd their masters, (all save one),</p>	<p>50. Кидались на своих хозяев псы, (Частичное сигнификативное тождество: 'all save one' – в оригинале относится к этой ситуации, в переводе – к следующей; опущение)</p>
<p>51. And he was faithful to a corse,</p>	<p>51. И лишь один остался верен трупу, (Трансформирующее денотативное преобразование: созерцательная ситуация заменена на псевдо-активную)</p>
<p>52. and kept The birds and beasts and famish'd men at bay,</p>	<p>52. <i>К нему</i> не подпускал зверей и птиц, Людей голодных, (Частичное сигнификативное тождество: добавление)</p>
<p>53. Till hunger clung them,</p>	<p>53. – (Опущение ситуации)</p>

<p>54. or the dropping dead Lur'd their lank jaws;</p>	<p>54. кинуться готовых На мертвечину; (Трансформирующее денотативное преобразование: модуляция, если «трупы приманивают людей», значит они «готовы кинуться на мертвечину»)</p>
<p>55. himself sought out no food,</p>	<p>55. но у <i>тела</i> пес, Забыв про пищу, (Трансформирующее денотативное преобразование: активная ситуация заменена на псевдо-активную; причина – «забыл про пищу», заменяется на следствие – «не искал» её; конкретизация при повторной номинации: himself – пёс)</p>
<p>56. But with a piteous and perpetual moan,</p>	<p>56. – (Опущение ситуации)</p>
<p>57. And a <i>quick</i> desolate cry,</p>	<p>57. с безутешным воем (Частичное денотативное тождество: замена предиката-существительного 'cry' на предикат существительное 'вой', которое соответствует предикату-существительному 'moan' из предыдущей ситуации; опущение)</p>
<p>58. licking the hand Which answer'd not with a caress –</p>	<p>58. Лизал ту руку, что не отвечала <i>На ласку</i> ласкою, – (Частичное сигнификативное тождество: добавление)</p>
<p>59. he died.</p>	<p>59. <i>пока</i> не сдох. (Частичное денотативное тождество: замена пациентива 'he' на нулевой пациентив; добавление)</p>
<p>60. The crowd was famish'd <i>by degrees</i>;</p>	<p>60. От голода <i>все</i> вымерли; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; замена пациентива 'the crowd' на нулевой пациентив при субстантивированном кванторе 'все'; добавление)</p>
<p>61. but two Of an enormous city did survive,</p>	<p>61. лишь двое В живых остались в городе огромном,</p>

	(Абсолютное денотативное тождество: семантическое перераспределение, <i>did survive</i> – в живых остались)
62. And they were enemies:	62. Они врагами были (Абсолютное сигнификативное тождество)
63. they met beside The <i>dying</i> embers of an altar-place	63. и сошлись У пепла <i>тлеющего</i> алтаря, (Частичное сигнификативное тождество: добавление и опущение)
64. Where had been heap'd a mass of holy things For an unholy usage;	64. Церковную там уложили утварь Не для церковного употребленья. (Деформирующее денотативное преобразование: в оригинале воздействие, выраженное глагольным предикатом 'to heap', выполнено неопределённым лицом, в переводе соответствующее ему воздействие 'укладывать' выполняется двумя участниками, упомянутыми в ситуации 59)
65. they rak'd up,	65. – (Опущение ситуации)
66. And <i>shivering</i> scrap'd with their <i>cold</i> skeleton hands The feeble ashes,	66. Они костлявыми руками рылись В золе чуть теплой (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого воздействия (<i>scrap'd</i> – рылись); нейтрализация метафоры (<i>the feeble ashes</i> – в золе чуть тёплой); опущения)
67. and their (feeble breath) Blew for a little life,	67. – (Опущение ситуации: опущение глагольного предиката-сказуемого с предикатным объективом и квантором, как следствие – отсутствие в тексте перевода этой ситуации; предикатный инструментатив с адъективным предикатом свойства 'feeble breath' использован в следующей ситуации)
68. and made a flame Which was a mockery;	68. и дыханьем слабым <i>Пытались</i> пламя <i>слабое</i> раздуть, Но тщетно,

<p>69. (then) they lifted up Their eyes (as it grew lighter),</p> <p>70. and beheld Each other's aspects –</p> <p>71. saw,</p> <p>72. and shriek'd,</p> <p>73. and died –</p> <p>74. <i>Even</i> of their <i>mutual</i> hideousness they died,</p> <p>75. Unknowing <i>who he was</i> upon whose brow</p>	<p>(Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (which was a mockery – но тщетно); конкретизация: made – раздуть; добавления)</p> <p>69. – (Опущение ситуации: наречие-сирконстант и сирконстант времени использованы в следующей ситуации)</p> <p>70. и потом в глаза друг другу При вспышке глянули (Трансформирующее денотативное преобразование: замена ситуации-результата на ситуацию-причину, сначала 'глянули', а потом 'beheld' («увидели»); замена глагольного предиката в составе сирконстанта времени на предикат-существительное в составе сирконстанта времени: as it grew lighter – при вспышке; уточняющая метонимия: each other's aspects – в глаза друг другу)</p> <p>71. – (Опущение ситуации)</p> <p>72. и, закричав (Абсолютное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на предикат- деепричастие действия)</p> <p>73. <i>От ужаса, вдруг</i> мертвыми упали – (Частичное денотативное тождество: семантическое перераспределение (died – мёртвыми упали); добавления)</p> <p>74. <i>Так</i> поразил обоих вид ужасный, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена псевдо-активной ситуации на активную; семантическое перераспределение (mutual hideousness – вид ужасный); конкретизация (they – оба); добавление и опущения)</p> <p>75. <i>Хотя</i> они не знали – чье лицо (Частичное денотативное тождество: замена</p>
---	---

	<p>предиката-причастия окачественного состояния как свойства на глагольный предикат состояния (unknowing – не знали); генерализующая метонимия (brow – лицо); добавление и опущение)</p>
<p>76. Famine had written Fiend.</p>	<p>76. <i>Так дьявольски обезобразил голод.</i> (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры, Famine had written Fiend – дьявольски обезобразил голод; добавление)</p>
<p>77. The world was void,</p>	<p>77. <i>Пустынею безлюдной стал весь мир,</i> (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; добавления)</p>
<p>78. The populous and the powerful was a lump,</p>	<p>78. – (Опущение ситуации)</p>
<p>79. <i>Seasonless, herbless, treeless, manless, lifeless</i> –</p>	<p>79. <i>Лишенный света, зелени и жизни,</i> (Частичное сигнификативное тождество: добавление и опущения)</p>
<p>80. A lump of death – a chaos of hard clay.</p>	<p>80. <i>Стал комом смерти, комом твердой глины.</i> (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную)</p>
<p>81. The rivers, lakes and ocean <i>all</i> stood still,</p>	<p>81. <i>Озера, реки и моря застыли,</i> (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную)</p>
<p>82. And nothing stirr'd within their <i>silent</i> depths;</p>	<p>82. <i>Ничто их глубины не возмущало;</i> (Частичное сигнификативное тождество; опущение)</p>
<p>83. Ships sailorless <i>lay</i> rotting <i>on the sea,</i></p>	<p>83. <i>Сгнивали корабли без моряков,</i> (Частичное денотативное тождество: опущение глагольного предиката состояния 'lay' и замена предиката-причастия окачественного состояния как свойства на глагольный предикат состояния (rotting – сгнивали); опущение)</p>

84. And their masts fell down piecemeal:	84. Их мачты рассыпались, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена следствия причиной (модуляция), 'fell down' («падали вниз») – 'рассыпались'; семантическое перераспределение, fell down piecemeal – рассыпались)
85. as they dropp'd	85. – (Опущение ситуации)
86. They slept on the abyss without a surge –	86. и над бездной В дремоте гибли корабли без бурь, (Деформирующее денотативное преобразование: другая ситуация)
87. The waves were dead;	87. Уснули волны, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную)
88. the tides were in their grave,	88. замерли приливы, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную)
89. The moon, their mistress, <i>had expir'd</i> before;	89. <i>Исчезла</i> их владычица луна, (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры)
90. The winds were wither'd in the stagnant air,	90. В недвижимом воздухе не дули ветры, (Абсолютное денотативное тождество: изменение семантической роли аргумента с объектива на элементив, the winds were wither'd – не дули ветры)
91. And the clouds <i>perish'd</i> ;	91. <i>Пропали</i> тучи. (Абсолютное денотативное тождество: нейтрализация метафоры)
92. Darkness had no need Of aid from them –	92. Не нуждалась Тьма В их помощи – (Абсолютное денотативное тождество: замена глагольного предиката 'have' с существительным-предикатом 'need' на

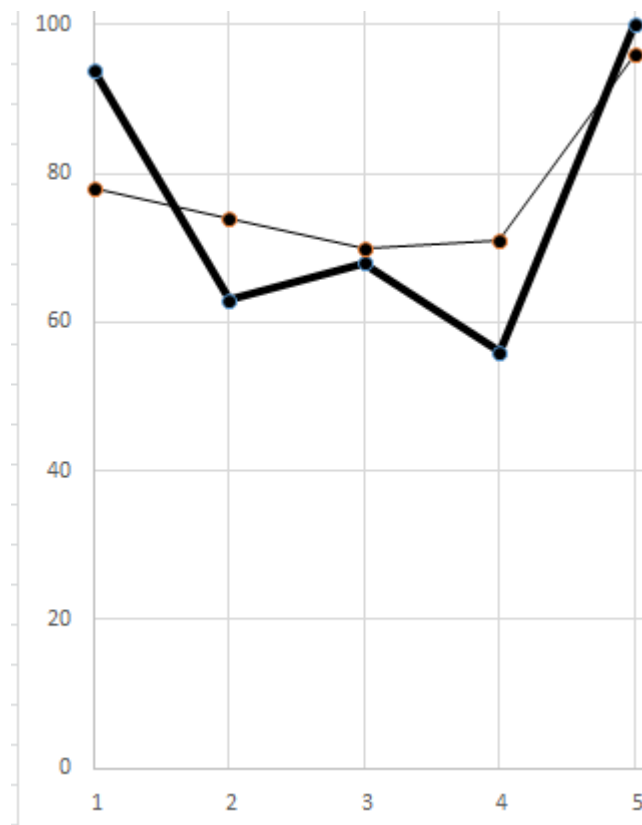
93. She was the Universe.	глагольный предикат ‘нуждаться’, had no need – не нуждалась) 93. она Вселенной стала. (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную)
---------------------------	---

Тождественность и преобразованность (формальная).

Числовое и графическое представление ритмического профиля перевода

М. А. Зенкевича:

№	Переводчик	Разница (%)	Показатель частотности ударения на каждом сильном слоге каждой из 5-ти стоп (в %)				
			1	2	3	4	5
0	Оригинал	-	78	74	70	71	96
1	М. А. Зенкевич	13	94	63	68	56	100

Значения по вертикали – процентный показатель частотности ударения на каждом сильном слоге каждой из стоп. Значения по горизонтали – номер стопы. График, выполненный жирной линией – ритмический профиль перевода, обычной – оригинала.

Перевод С. А. Степанова

Экспонентный уровень.

Активность.

Проявление активности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более 'динамическую' в переводе.

1. Замена адъективного предиката свойства на адъективированное причастие-предикат окачественного действия как свойства:

1) Earth... **blind** – ослепшая земля.

2. Замена адъективированного причастия-предиката окачественного действия как свойства на глагольный предикат действия:

1) vipers <...> twinn'd themselves <...> **hissing** – аспиды <...> свивались и **шипели**.

3. Замена глагольного предиката состояния на глагольный предикат действия:

1) the rivers <...> **stood still** – реки <...> **застыли**.

4. Замена адъективного предиката свойства на нематричный предикат в виде деепричастного оборота с предикатом-деепричастием действия или воздействия в его составе:

1) the stars did wander <...> **rayless** – звёзды <...> разблелись <...> **луча не проронив** (действие);

2) vipers <...> twinn'd themselves <...> **stingless** – аспиды <...> свивались <...> **не жали** никого (воздействие).

5. Замена адъективного предиката свойства на предикат-деепричастие состояния:

1) the brutes <...> **tremulous** – хищники, **дрожа**.

2. Замена исходной единицы на более 'предикативную' в переводе.

1. Существительное-предикат действия в наречие-сирконстант образа действия:

1) without a surge – бесшумно;

2. Существительное-предикат в отглагольное существительное-предикат:

1) **the winds** were wither'd – **ни дуновенья** (не было).

Проявление активности на уровне ситуаций.

1. Замена созерцательной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'псевдо-активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена дескриптива на псевдо-активный объектив:

1) the **world** was void – вымер **мир**;

2) the **waves** were dead – не стало **волн**.

2. Замена объектива как объекта состояния на псевдо-активный объектив:

1) they **slept** on the abyss – останки мачт <...> **шли ко дну**.

2. Замена созерцательной ситуации на активную.

а. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'активную' с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена дескриптива на агентив:

1) **all** was black – **мрак** не отступал.

б. Замена 'созерцательной' семантической роли исходного аргумента на 'активную' с уменьшением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена объектива на агентив:

1) the brows of men <...> wore an unearthly **aspect** – чудовищные **тени** <...> ложились на чело.

в. Добавление ‘активного’ аргумента со сменой семантической роли исходного ‘созерцательного’ аргумента («смешанный» тип).

1. Добавление агентива в результирующую ситуацию:

1) their **bones** were tombless – но **трупов** не закапывал никто (замена дескриптива ‘bones’ на объектив ‘трупы’).

3. Замена псевдо-активной ситуации на активную.

а. Замена ‘псевдо-активной’ семантической роли исходного аргумента на ‘активную’ с увеличением количества исходных аргументов («смешанный» тип).

1. Замена пациентива на агентив:

1) the <...> **brutes** came tame and tremulous – **хищники**, дрожа, бежали к людям.

б. Замена исходного предиката, не являющегося аргументом, на ‘активный’ аргумент без изменения семантической роли исходного ‘пассивного’ аргумента (особый случай изменения состава аргументов).

1. Замена существительного-предиката состояния на агентив:

1) men forgot their passions **in the dread** – **отчаяньем** охваченные люди забыли страсти (увеличение количества участников ситуации).

2. Замена сирконстанта причины на агентив:

1) **of** their mutual **hideousness** they died – **обоих** умертвило **омерзенье** (увеличение количества участников ситуации).

4. Смена семантической роли аргумента исходной ситуации на ‘активную’ в переводе без изменения типа ситуации.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на ‘активную’ (с уменьшение количества участников ситуации) вследствие устранения нулевого активного аргумента («смешанный» тип).

1. Замена объектива на агентив:

1) hearts were chill’d into a <...> **prayer** – сжалась в каждом сердце <...> **молитва**.

2. Замена пациентива на агентив:

1) **Men** were gather’d round their blazing homes – к пылающим домам сходились **толпы**.

5. Добавление активной ситуации в текст перевода или опущение созерцательной ситуации.

а. Опущение созерцательной:

1) and he was faithful.

Созерцательность.

Проявление созерцательности на уровне лексических единиц.

1. Замена исходной единицы на более ‘статичную’ в переводе.

1. Замена придаточной определительной в функции предиката свойства с глагольным предикатом действия на адъективный предикат свойства:

1) the hand, **which answer’d not with a caress** – **немую** длань (придаточная определительная в роли предиката свойства с глагольным предикатом действия ‘to answer’ – адъективный предикат свойства);

2. Замена исходной единицы на более 'номинативную' в переводе.

1. Замена глагольного предиката действия на предикат-существительное действия:
  - 1) some <...> **smil'd** – кто с улыбкой;
  - 2) **shriek'd**, and died – с воплем пали замертво.
2. Замена адъективного предиката состояния на предикат-существительное состояния:
  - 1) **happy** were those – и счастье тем.

Проявление созерцательности на уровне ситуаций.

1. Замена активной ситуации на псевдо-активную.

а. Замена 'активной' семантической роли исходного аргумента на "псевдо-активную" с сохранением количества исходных аргументов («чистый» тип).

1. Замена нулевого агента на псевдо-активный пациентив:

- 1) no love was left – любовь **они** забыли.

б. Устранение нулевого 'активного' аргумента с заменой семантической роли исходного 'пассивного' аргумента на 'псевдо-активную' и уменьшением количества участников ситуации («смешанный» тип).

1. Замена объектива в каузир. ситуации на декауз. объектив:

- 1) the bright **sun** was extinguish'd – затмилось **солнце**;
- 2) **cities** were consum'd – **селенья** полыхали;
- 3) where had been hear'd a mass of **holy things** – где дотлевали забытые **святыни** лжесвященства.

2. Замена активной ситуации на созерцательную.

а. Замена семантической роли исходного аргумента на 'созерцательную' («чистый» тип).

1. Замена агента на экспериенсив:

- 1) **himself** sought out no food – **сам**, без пищи.

2. Замена агента на дескриптив:

- 1) **morn** <...> brought no day – **заря** была бесплодна.

б. Устранение 'активного' аргумента с сохранением семантической роли исходного 'пассивного' аргумента («чистый» тип).

1. Устранение нулевого активного аргумента:

- 1) the winds were wither'd – ни дуновенья (уменьшение количества аргументов).

3. Замена псевдо-активной ситуации на созерцательную.

а. Замена 'псевдо-активной' семантической роли исходного аргумента на 'созерцательную' («чистый» тип).

1. Замена псевдо-активного пациентива на объектив:

- 1) the **clouds** perish'd – ни облаков.

4. Добавление созерцательной ситуации в текст перевода или опущение активной либо псевдо-активной ситуации.

а. Опущение активной ситуации:

- 1) but hour by hour they fell and faded;
- 2) made a flame.

б. Опущение псевдо-активной ситуации:

- 1) as they dropp'd;
- 2) till hunger clung them.

Субстанциональный уровень.**Конкретность.****Конкретизация.**

- 1) fuel – сучья (сучья как один из видов топлива – топливо для костра);
- 2) brutes – хищники («животное» – «хищное животное»);
- 3) assail'd – грызли («грызть» – кусать, сдавливать зубами, один из видов нападения);
- 4) beasts – хищников («животное» – «хищное животное»);
- 5) of an enormous city – в пустой столице («столица» – главный **город**, административно-политический центр государства);
- 6) lifeless – ни птицы нет, ни зверя (абстрактное существительное-предикат «жизнь» – конкретные живые существа, существительные-непредикаты).

Уточняющая метонимия.

- 1) among the multitude – в **ногах** толпы («среди толпы» – «в ногах толпы»);
- 2) gorging himself – чрево насыщал (чрево как часть человеческого тела).

Замена генерализованного актанта на конкретный.

- 1) forests were set on fire – леса они (люди) <...> подожгли (нулевой агентив в агентив);
- 2) no love was left – любовь они (люди) забыли (нулевой агентив в экспериенсив).

Абстрактность.**Генерализация.**

- 1) were burnt for **beacons** – шло в **огонь** («сигнальные костры» – «огонь»);
- 2) **the crowd** was famish'd – **всех** (людей) голод выкосил ('the crowd' – a large number of **persons** especially when collected together [MW] – «все (люди)»).

Генерализующая метонимия.

- 1) their bones <...> their flesh – трупы («кости» и «плоть» – составляющие человеческого тела, «труп» – мертвое **тело** человека или животного).

Детализованность.**Добавление глагольного предиката:**

- 1) the stars did wander – звёзды **покосились** и разбрелись (в функции однородного сказуемого);
- 2) they did live by watchfires – жили у спасительных костров – **жгли** <...> (в функции однородного сказуемого).

Добавление адъективного предиката свойства:

- 1) within <...> their mountain-torch – при свете факелов **горящих** жерл;
- 2) smil'd – с улыбкой **дикой**;
- 3) War – **жестокая** война;
- 4) gorging himself in gloom – в **кромешном** мраке чрево насыщал;
- 5) the meagre – **живой** скелет;
- 6) holy things – **забытые** святыни (holy things – святыни: семантическое перераспределение);
- 7) a chaos – **мёртвый** хаос;

8) Darkness – **восставшей** тьме.

Добавление наречия-сирконстанта или сирконстанта:

- 1) swung – **без пути** металась (сирконстант образа действия);
- 2) the habitations – всё, что **днесь** могло назваться кровом (парафраз, наречие-сирконстант места);
- 3) were set on fire – **в безумье** подожгли (предикат-существительное состояния в функции сирконстанта образа воздействия);
- 4) extinguish'd – гасли **тут же** (наречие-сирконстант времени);
- 5) wept – **тихо** плакал (наречие-сирконстант времени);
- 6) look'd up – глядели **беспрестанно** (наречие-сирконстант образа действия);
- 7) howl'd – **тихо** выли (наречие-сирконстант времени);
- 8) twin'd themselves – **клубками** <...> свивались (сирконстант образа действия);
- 9) died – **тысячами** гибли (сирконстант образа действия);
- 10) licking – **тщетно** <...> лизал (наречие-сирконстант образа воздействия);
- 11) but two <...> did survive – блуждали двое, **наугад** (наречие-сирконстант образа действия);
- 12) beside the dying embers of an altar-place – на пепелище, где **прежде** был алтарь (наречие-сирконстант времени);
- 13) died – пали за смертью **в золу** (сирконстант места);
- 14) fell down – обваливались **за борт** (сирконстант места).

Добавление квантора:

- 1) were burnt for beacons – **всё** шло в огонь (общности);
- 2) enemies – **два** врага (числовой).

Добавление актанга:

- 1) came – бежали **к людям** (пациентив);
- 2) the hand – длань **хозяина** (пациентив, притяжательное значение, как целое по отношению к части);

Добавление частицы-предиката:

- 1) with a piteous and perpetual moan – **только** выл, отчаянно и долго (ограничительная);
- 2) was a lump – **лишь** месиво осталось (ограничительная);
- 3) a lump of death – **лишь** смрад и падаль (ограничительная).

Другое:

- 1) the habitations – всё, что **днесь могло** назваться кровом (парафраз, модальный предикат).

Обобщённость.

Опущение глагольного предиката:

- 1) others **hurried to and fro**, and fed <...> with fuel – а прочие <...> носили сучья (глагольный предикат действия в функции однородного сказуемого с сирконстантом образа действия);
- 2) **did flutter on the ground**, and flap their useless wings – били бесполезными крыльями (глагольный предикат действия в функции однородного сказуемого с локативом);
- 3) vipers **crawl'd** and twin'd themselves – аспиды <...> свивались (в функции однородного сказуемого);

4) each **sate sullenly** apart gorging himself in gloom – каждый в одиночку в крошечном мраке чрево насыщал (глагольный предикат действия в функции однородного сказуемого с наречием-сирконстантом образа действия);

5) they rak'd up, and <...> **scrap'd** <...> the feeble ashes – они <...> разгребли золу (в функции однородного сказуемого);

6) **saw**, and shriek'd, and died – с воплем пали замертво (в функции однородного сказуемого).

Опущение адъективного предиката свойства:

1) with **mad** disquietude – с ужасом;

2) the **bright** sun – солнце;

3) the stars <...> **darkling** <...> and pathless – звёзды;

4) the stars <...> **darkling** <...> and **pathless** – звёзды;

5) the **icy** earth swung blind – ослепшая земля <...> металась;

6) swung blind and **blackening** – ослепшая <...> металась;

7) the palaces of **crown'd** kings – царские чертоги;

8) a **fearful** hope – надежда;

9) the **wild** birds shriek'd – надрывались птицы;

10) the **wildest** brutes – хищники;

11) came **tame** and tremulous – дрожа, бежали;

12) with <...> a quick **desolate** cry – скупое лаяло;

13) with their cold **skeleton** hands – холодными руками;

14) **feeble** ashes – золу;

15) of their **mutual** hideousness they died – обоим умертвило омерзенье;

16) the populous and **the powerful** – вместо жизни (при скрытом дескриптиве; the populous – жизнь (модуляция): густонаселённый – следовательно, тот, в котором есть жизнь);

17) **seasonless**, herbless, treeless, manless, lifeless – ни птицы нет, ни зверя, ни растенья (herbless – ни растенья; lifeless – ни птицы нет, ни зверя – конкретизация);

18) seasonless, herbless, **treeless**, manless, lifeless – ни птицы нет, ни зверя, ни растенья;

19) seasonless, herbless, treeless, **manless**, lifeless – ни птицы нет, ни зверя, ни растенья;

20) a chaos of **hard** clay – хаос праха;

21) nothing stirr'd within their **silent** depth's – ничто не колыхало их глубин;

22) ships **sailorless** – суда.

Опущение наречия-сирконстанта или сирконстанта:

1) **then** again with curses – с проклятиями (наречие-сирконстант времени);

2) **then** again with curses – с проклятиями (наречие-сирконстант времени);

3) the crowd was famish'd **by degrees** – всех голод выкосил (сирконстант образа воздействия);

4) **then** they lifted up their eyes – подняв глаза <...> они (наречие-сирконстант времени);

5) as it grew lighter – сирконстант времени;

6) had expir'd **before** – померкла (наречие-сирконстант времени).

Опущение актантов:

1) **the thrones**, the palaces of crowned kings – the huts – хижины и царские чертоги (объектив в функции однородного дополнения).

Опущение квантора:

1) a **mass** of holy things – святыни (количественный);

- 2) **a little** life – жизнь (количественный);
- 3) **all** stood still – застыли (общности, при нулевом объективе).

Опущение частицы-предиката:

- 1) **even** dogs assail'd their masters – псы хозяев грызли (усилительная);
- 2) **even** of their mutual hideousness they died – обоих умертвило омерзенье (усилительная).

Опущение предикатного выражения:

- 1) but hour by hour they fell and faded;
- 2) and he was faithful;
- 3) till hunger clung them;
- 4) made a flame;
- 5) as they dropp'd.

Другое:

- 1) **in the dread** of this their desolation – отчаяньем охваченные (предикат-существительное состояния);
- 2) the habitations **of all things which dwell** – всё, что днесь могло назваться кровом (опущение фразы с пациентивом в функции предиката свойства);
- 3) **terrified** <...> flap their useless wings – били бесполезными крылами (предикат-причастие состояния);
- 4) the hand which answer'd not **with a caress** – немую длань (существительное-предикат; answer'd not – немая: модуляция, следствие и причина).

Интенциональный уровень.

Буквальность.

1. morn **came** and **went** – and **came**, and brought no day – и день за днём заря была бесплодна;
2. cities were consum'd – селенья полыхали;
3. within **the eye** of the volcanos – близ волканов;
4. some lay down and **hid their eyes** – кто лежал **ничком**;
5. **fed** their funeral piles **with fuel** – на скорбные костры **носили сучья**;
6. till hunger clung them – опущение ПВ;
7. till <...> the dropping dead lur'd – пока не находили те добычи;
8. the dying embers – пепелище;
9. the feeble ashes – золу;
10. which was a mockery – как бы в насмешку;
11. blew for a little life – раздули уголёк последний;
12. a lump of death – смрад и падаль;
13. their masts <...> slept on the abyss – останки мачт бесшумно шли ко дну;
14. the waves were dead – не стало волн;
15. the tides were in their grave – не стало <...> приливов и отливов;
16. the moon, their mistress, had expired – померкла их владычица луна;
17. the winds were wither'd – ни дуновенья;
18. the clouds perish'd – ни облаков.

Образность.

1. morn <...> brought no day – заря была бесплодна;

2. all was black – мрак не отступал;
3. lank jaws – жадная пасть;
4. the crowd was famish'd – всех голод выкосил;
5. of their mutual hideousness they died – обоих умертвило омерзенье;
6. a chaos of hard clay – мёртвый хаос праха;
7. Darkness had no need of aid from them – не было в них нужды восставшей Тьме.

Тождественность и преобразованность (смысловая).

<p>1. I had a dream, which was not <i>all</i> a dream.</p>	<p>1. И был мне сон... Но был ли это сон?.. (Деформирующее денотативное преобразование: замена придаточной определительной на вопросительное предложение; автор уверен в истинности ситуации, переводчик – нет)</p>
<p>2. The <i>bright</i> sun was extinguish'd,</p>	<p>2. Затмилось солнце, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; опущение)</p>
<p>3. and the stars Did wander <i>darkling</i> in the eternal space, Rayless, and (pathless),</p>	<p>3. звезды (покосились) И разбрелись, луча не проронив В бездонный мрак; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена процесса следствием: (wander («бродили») – разбрелись); замена адъективного предиката свойства 'rayless' на сочетание существительного-предиката и предиката-деепричастия действия 'луча не проронив'; неэквивалентная замена адъективного предиката свойства (eternal – бездонный); опущения; адъективный предикат свойства 'pathless' используется в следующей ситуации)</p> <p>+ (звёзды) покосились (Добавление ситуации)</p>
<p>4. and the <i>icy</i> earth Swung blind and blackening in the <i>moonless</i> air;</p>	<p>4. ослепшая земля В пространстве черном без пути металась; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (swung («качалась») – металась); замена адъективного предиката свойства на адъективированный предикат-причастие окачественного действия как свойства (blind – ослепшая); опущения)</p>

<p>5. Morn came</p> <p>6. and went –</p> <p>7. and came,</p> <p>8. and brought no day,</p> <p>9. And men forgot their passions in the dread <i>Of this their desolation;</i></p> <p>10. and all hearts Were chill'd into a selfish prayer for light:</p> <p>11. And they did live by watchfires –</p> <p>12. and <i>the thrones,</i> The palaces of <i>crowned kings</i> – the huts, The habitations <i>of all things which dwell,</i> Were burnt for beacons;</p>	<p>5. + 6. + 7. И день за днем (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активных ситуаций на сирконстант времени, который обозначает идентичное положение дел и является частью предикатного выражения, обозначающего следующую ситуацию)</p> <p>8. заря была бесплодна... (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на созерцательную; метафорический перенос: brought no day – была бесплодна)</p> <p>9. Отчаяньем охваченные люди Забыли страсти; (Частичное денотативное тождество: замена предиката-существительного на сочетание предиката-существительного с предикатом-причастием окачественного воздействия как свойства (in the dread – отчаяньем охваченные); дифференциация (dread – отчаянье); опущение)</p> <p>10. сжалась в каждом сердце О свете сокровенная молитва; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; неэквивалентная замена адъективного предиката свойства: selfish – сокровенная)</p> <p>11. И жили у спасительных костров – (Абсолютное денотативное тождество: замена агента 'they' на нулевой агентив; модуляция: watchfires («сигнальные костры») – спасительные костры)</p> <p>12. <i>Жгли</i> хижины и царские чертоги; И все, что <i>днесь</i> могло назваться кровом, Все шло в огонь; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную (were burnt for beacons – шло в огонь); парафраза (habitations – всё, что <...> могло назваться кровом); генерализация (beacons</p>
--	---

<p>13. cities were consum'd,</p>	<p>– огонь); добавления и опущения)</p> <p>13. селенья полыхали – (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на псевдо-активную; дифференциация: cities – селенья)</p>
<p>14. And men were gather'd round their blazing homes To look once more into each other's face;</p>	<p>14. К пылающим домам сходились толпы, Чтоб раз еще в лицо друг другу глянуть; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена следствия процессом («людей собрали» – «люди сходились»); замена пациентива 'men' на агентив 'толпы' с добавлением семы количества: «люди» – «множество людей»)</p>
<p>15. Happy were those who dwelt within the eye Of the volcanos, and their <i>mountain-torch</i>:</p>	<p>15. И счастье тем, что жили близ вулканов <i>При свете</i> факелов <i>горящих</i> жерл; (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (the eye – жерло); замена адъективного предиката свойства на существительное-предикат: happy – счастье; добавления и опущение)</p>
<p>16. A <i>fearful</i> hope was all the world contain'd;</p>	<p>16. И людям оставалась лишь надежда... (Частичное денотативное тождество: метонимический перенос (the world – люди) и соответствующее изменение семантики глагольного предиката-сказуемого; опущение)</p>
<p>17. Forests were set on fire –</p>	<p>17. Леса они <i>в безумье</i> подожгли – (Абсолютное денотативное тождество: замена нулевого агентива на агентив 'they'; семантическое перераспределение: set on fire – подожгли)</p>
<p>18. but hour by hour They fell and faded –</p>	<p>18. – (Опущение ситуации)</p>
<p>19. and the crackling trunks Extinguish'd with a crash –</p>	<p>19. Но падали дымящие стволы И гасли <i>тут же</i> – (Частичное денотативное тождество: замена существительного-предиката 'a crash («падание с треском»)' на глагольный предикат действия</p>

	‘падали’, опущение семы «треск»; дифференциация: crackling – дымящие (архисема: «гореть»); добавление)
20. and all was black.	20. мрак не отступал. (Трансформирующее денотативное преобразование (модуляция): замена созерцательной ситуации на активную)
21. The brows of men by the despairing light Wore an unearthly aspect,	21. Чудовищные тени, <i>извиваясь</i> , Ложились на чело, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; опущения с добавлением)
22. as by fits The flashes fell upon them;	22. когда снопами Вздymались искры; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (fell upon – вздымались); опущение)
23. some lay down	23. + 24. кто лежал ничком (Абсолютное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия с существительным-непредикатом на наречие-сирконстант образа действия, hid their eyes – ничком)
24. And hid their eyes	
25. and wept;	25. И <i>тихо</i> плакал; (Частичное сигнификативное тождество: добавление)
26. and (some) did rest Their chins upon their clenched hands,	26. – (Опущение ситуации: агентив ‘some’ используется в следующей ситуации)
27. and smil'd;	27. кто с улыбкой <i>дикой</i> (Частичное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на существительное-предикат; добавление)
28. And (others) hurried to and fro,	+ Таращился во мрак; (Добавление ситуации) 28. –

<p>29. and fed Their funeral piles with fuel,</p>	<p>(Опущение ситуации: агентив ‘others’ используется в следующей ситуации)</p>
<p>30. and look'd up With <i>mad</i> disquietude on the dull sky, The pall of a <i>past</i> world;</p>	<p>29. а прочие На скорбные костры носили сучья (Частичное денотативное тождество: неэквивалентная замена адъективного предиката свойства (funeral – скорбные); нейтрализация метафоры: fed <...> with fuel – носили сучья; конкретизация: fuel – сучья)</p>
<p>30. and look'd up With <i>mad</i> disquietude on the dull sky, The pall of a <i>past</i> world;</p>	<p>30. И с ужасом глядели <i>беспреданно</i> В глухую твердь, сей траурный покров <i>На гробе</i> мира; (Частичное денотативное тождество: дифференциация (disquietude – ужас); семантическое перераспределение: pall – траурный покров; добавления и опущения)</p>
<p>31. and <i>then again</i> With curses cast them down upon the dust,</p>	<p>31. (скрежеща зубами – ситуация 30), С проклятьями в пыли они катались (Трансформирующее денотативное преобразование: замена действия последующим процессом (cast them down upon the dust – в пыли они катались); опущения)</p>
<p>32. And gnash'd their teeth</p>	<p>32. скрежеща зубами (Абсолютное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на предикат-деепричастие действия)</p>
<p>33. and howl'd:</p>	<p>33. И <i>тихо</i> выли; (Частичное сигнификативное тождество: добавление)</p>
<p>34. the <i>wild</i> birds shriek'd</p>	<p>34. надрывались птицы (Частичное сигнификативное тождество: опущение)</p>
<p>35. And, terrified, did flutter on (the ground),</p>	<p>35. – (Опущение ситуации: локатив ‘the ground’ используется в следующей ситуации)</p>
<p>36. And flap their useless wings;</p>	<p>36. И били бесполезными крылами</p>

<p>37. the <i>wildest</i> brutes Came tame and tremulous;</p>	<p>О твердь земную; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого, flap – били)</p>
<p>38. and vipers crawl'd</p>	<p>37. хищники, дрожа, Бежали к людям; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (came – бежали); конкретизация (brutes – хищники); замена адъективного предиката свойства на предикат-причастие свойства (tremulous – дрожа); добавление и опущение)</p>
<p>39. And twin'd themselves among the multitude, Hissing, but stingless –</p>	<p>38. – (Опущение ситуации: агентив ‘vipers’ используется в следующей ситуации)</p>
<p>39. And twin'd themselves among the multitude, Hissing, but stingless –</p>	<p>39. аспиды <i>клубками</i> В ногах толпы свивались и шипели, Не жаля <i>никого</i> – (Частичное денотативное тождество: уточняющая метонимия (among the multitude – у ног толпы); замена адъективированного причастия-предиката окачественного действия как свойства на глагольный предикат действия (hissing – шипели); замена адъективного предиката свойства на предикат-деепричастие действия (stingless – не жаля); добавление)</p>
<p>40. they were slain for food.</p>	<p>40. их били в пищу; (Абсолютное денотативное тождество: залоговое преобразование)</p>
<p>41. And War, which for a moment was no more, Did glut himself again:</p>	<p>41. <i>Жестокая</i> война, что было стихла, Брала теперь свое – (Частичное денотативное тождество: метафорическая дифференциация (did glut himself again – брала теперь своё); замена созерцательного характера придаточной определительной на активный (was no more – стихла); добавление)</p>
<p>42. a meal was bought With blood,</p>	<p>42. за хлеб насущный Платили кровью;</p>

<p>43. and each <i>sate sullenly</i> apart Gorging himself in gloom:</p>	<p>(Абсолютное денотативное тождество: конкретизация, a meal – хлеб насыщенный)</p> <p>43. каждый в одиночку В <i>кромешином</i> мраке чрево насыщал; (Частичное денотативное тождество: уточняющая метонимия (himself – чрево); добавление и опущения)</p>
<p>44. no love was left;</p>	<p>44. Любовь <i>они</i> забыли; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; добавление)</p>
<p>45. All earth was but one thought – and that was death Immediate and inglorious;</p>	<p>45. каждый жаждал Мгновенной тихой смерти; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката- сказуемого (all earth was but one thought («каждый думал только об одном») – «каждый жаждал»), думать ещё не означает жаждать; неэквивалентная замена адъективного предиката свойства (inglorious – тихая); нейтрализация метонимии: all earth – каждый)</p>
<p>46. and <i>the pang</i> Of famine fed upon <i>all</i> entrails –</p>	<p>46. <i>страшный</i> голод Скрутил кишки – (Частичное денотативное тождество: метафорическая дифференциация (fed upon – скрутил); конкретизация (entrails – кишки); добавление и опущения)</p>
<p>47. men Died,</p>	<p>47. и <i>тысячами</i> гибли; (Частичное денотативное тождество: агентив 'men' в нулевой агентив; добавление и опущение)</p>
<p>48. and their bones were tombless as their flesh;</p>	<p>48. Но трупов не закапывал <i>никто</i>; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на активную; генерализующая метонимия (their bones <...> their flesh – трупы); добавление)</p>
<p>49. The meagre by the meagre were devour'd,</p>	<p>49. <i>Живой</i> скелет обгладывал скелет; (Частичное денотативное тождество: дифференциация, devour – обгладывать; добавление)</p>

50. <i>Even</i> dogs assail'd their masters, all save one,	50. И псы хозяев грызли; лишь один (Абсолютное денотативное тождество: конкретизация, assail'd – грызли)
51. And he was faithful to a corse,	51. – (Опущение ситуации: бенефициатив 'corse' используется в следующей ситуации)
52. and kept <i>The birds</i> and beasts and famish'd men at bay,	52. До трупа <i>никого</i> не допускал – Ни хищников, ни рыщущих людей, (Частичное денотативное тождество: конкретизация (beasts – хищники); замена причины следствием (модуляция): famish'd – рыщущие; добавление и опущение)
53. Till hunger clung them,	53. – (Опущение ситуации)
54. or the dropping dead Lur'd their lank jaws;	54. Пока не находили те добычи Иной для жадной пасти; (Трансформирующее денотативное преобразование: замена причины следствием («мёртвые приманивали их тонкие челюсти» – «те находили иную добычу для жадной пасти»); неэквивалентная замена адъективного предиката свойства (lank – жадная); модуляция с неэквивалентной заменой адъективного предиката свойства: the dropping dead – «иная добыча»)
55. himself sought out no food,	55. сам, без пищи, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на созерцательную со скрытым предикатом «быть»)
56. But with a piteous and perpetual moan,	56. Он <i>только</i> был, отчаянно и долго, (Частичное денотативное тождество: замена существительного-предиката действия 'moan' на глагольный предикат действия 'был'; замена адъективных предикатов свойства при нём на наречия-сирконстант образа действия: 'piteous and perpetual' – 'отчаянно и долго', замена первого адъективного предиката свойства неэквивалентна)
57. And a quick <i>desolate</i> cry,	57. И скупое лаял;

	(Частичное денотативное тождество: замена предиката-существительного действия ‘сгу’ на глагольный предикат действия ‘лять’; замена адъективного предиката свойства при нём на наречие-сирконстант образа действия (‘quick’ – ‘скуп’); опущение)
58. licking the hand Which answer'd not <i>with a caress</i> –	58. <i>тщетно он</i> лизал Немую длань <i>хозяина</i> – (Частичное денотативное тождество: замена предиката-причастия окачественного воздействия как свойства на глагольный предикат воздействия; замена следствия причиной (модуляция): <i>which answer'd not</i> – немая; добавления и опущение)
59. he died.	59. и умер. (Абсолютное денотативное тождество: замена агента ‘he’ на нулевой агентив)
60. The crowd was famish'd <i>by degrees</i> ;	60. Всех голод выкосил – (Абсолютное денотативное тождество: замена пациентива ‘the crowd’ на нулевой пациентив при субстантивированном кванторе ‘всех’; замена нулевого агента на агентив ‘голод’ и сопутствующее изменение значения глагольного предиката-сказуемого)
61. but two Of an enormous city did survive,	61. в пустой столице – <i>Еще</i> блуждали двое, <i>наугад</i> (Трансформирующее денотативное преобразование: замена причины следствием (did survive – блуждали); неэквивалентная замена адъективного предиката свойства (enormous – пустая); конкретизация (city – столица); добавления)
62. And they were enemies:	62. То были <i>два</i> врага; (Частичное денотативное тождество: замена личного местоимения ‘they’ на указательное ‘то’; добавление)
63. they met beside The <i>dying</i> embers of an altar-place	63. на пепелище, Где <i>прежде</i> был алтарь (и дотлевали Забывшие святыни лжесвященства – ситуация 62), Сошлись они

<p>64. Where had been heap'd <i>a mass</i> of holy things For an unholy usage;</p> <p>65. they rak'd up,</p> <p>66. And shivering scrap'd with their cold <i>skeleton</i> hands The <i>feeble</i> ashes,</p> <p>67. and their (feeble breath) Blew for a little (life),</p> <p>68. and made a flame Which was a mockery;</p> <p>69. <i>then</i> they lifted up Their eyes <i>as it grew lighter</i>,</p>	<p>(Трансформирующее денотативное преобразование: замена псевдо-активной ситуации на активную; добавление и опущение)</p> <p>64. и дотлевали <i>Забывтые</i> святыни лжесвященства (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого; семантическое перераспределение: holy things – святыни; замена сочетания предиката-существительного с адъективным предикатом свойства на предикат-существительное (unholy usage – лжесвященство); добавление и опущение)</p> <p>65. – (Опущение ситуации)</p> <p>66. и разгребли золу Дрожащими холодными руками; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого (scrap'd – разгребли); добавления)</p> <p>67. – (Опущение ситуации: сочетание адъективного предиката свойства с существительным предикатом 'feeble breath', глагольный предикат действия 'blew for' и существительное предикат 'life' используются в следующей ситуации)</p> <p>68. Из сил последних уголек <i>последний</i> Они раздули – теплилась в нем жизнь <i>Как бы</i> в насмешку; (Частичное денотативное тождество: замена действия следствием (blew for <...> life – теплилась в нём жизнь); модуляция (feeble breath – из сил последних); конкретизация (made – раздули); замена следствия действием (модуляция): made a flame – уголёк <...> они раздули; добавления)</p> <p>69. и подняв глаза, (В лицо они друг друга не узнали – ситуация 73), (Частичное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на предикат-</p>
--	--

<p>70. and beheld Each other's aspects –</p> <p>71. saw,</p> <p>72. and shriek'd,</p> <p>73. and died –</p> <p>74. <i>Even of their mutual hideousness they died,</i></p> <p>75. Unknowing who he was upon whose brow</p> <p>76. Famine had written Fiend.</p> <p>77. The world was void,</p>	<p>деепричастие действия (lifted up – подняв); опущения)</p> <p>70. – (Опущение ситуации)</p> <p>71. – (Опущение ситуации)</p> <p>72. Но с воплем (Абсолютное денотативное тождество: замена глагольного предиката действия на существительное-предикат действия)</p> <p>73. пали замертво <i>в золу</i> – (Частичное денотативное тождество: семантическое перераспределение, died – пали замертво; добавление)</p> <p>74. Обоих умертвило омерзенье (К челу), (Трансформирующее денотативное преобразование: замена псевдо-активной ситуации на активную; конкретизация (they – оба); опущения; существительное-непредикат ‘чело’ используется в ситуации 74)</p> <p>75. (В лицо они друг друга не узнали) (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена предиката-причастия окачественного состояния как свойства на глагольный предикат действия с сопутствующим изменением состава аргументов, unknowing – не узнали)</p> <p>76. <i>на коем</i> голод начертал: ДИАВОЛ; (Частичное сигнификативное тождество: добавление)</p> <p>77. вымер мир – (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную)</p>
---	--

<p>78. The populous and the <i>powerful</i> was a lump,</p>	<p>78. и <i>вместо</i> жизни <i>Лишь</i> месиво осталось <i>от него</i>: (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную с сопутствующим изменением состава аргументов; генерализация: замена адъективного предиката свойства на существительное-предикат (<i>populous</i> – жизнь); добавление и опущение)</p>
<p>79. <i>Seasonless, herbless, treeless, manless, lifeless</i> –</p>	<p>79. Ни птицы нет, ни зверя, ни растенья – (Частичное денотативное тождество: конкретизация (<i>lifeless</i> – ни птицы нет, ни зверя); опущения)</p>
<p>80. A <i>lump</i> of death – a chaos of <i>hard</i> clay.</p>	<p>80. <i>Лишь</i> смрад и падаль, <i>мертвый</i> хаос праха. (Частичное денотативное тождество: уточняющая метонимия (<i>death</i> – смрад и падаль); добавления и опущения)</p>
<p>81. The rivers, lakes and ocean <i>all</i> stood still,</p>	<p>81. Озера, реки и моря застыли – (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; дифференциация (<i>ocean</i> – моря); опущение)</p>
<p>82. And nothing stirr'd <i>within</i> their <i>silent</i> depths;</p>	<p>82. Ничто не колыhalo их глубин; (Частичное сигнификативное тождество: опущения)</p>
<p>83. Ships <i>sailorless</i> lay rotting on the sea,</p>	<p>83. Суда <i>недвижно</i> гнили в океане – (Частичное денотативное тождество: опущение глагольного предиката-сказуемого состояния 'lay', в котором объект пребывает одновременно с состоянием, которое в оригинале выражено предикатом-причастием окачественного состояния как свойства 'rotting'; в переводе заменяется глагольным предикатом-сказуемым состояния 'гнить'; дифференциация (<i>the sea</i> – океан); добавление и опущение)</p>
<p>84. And their masts fell down piecemeal:</p>	<p>84. И по кускам обваливались <i>за борт</i>, <i>Останки</i> мачт (Частичное сигнификативное тождество: добавления)</p>

<p>85. as they dropp'd</p> <p>86. They slept on the abyss without a surge –</p> <p>87. The waves were dead;</p> <p>88. the tides <i>were in their grave</i>,</p> <p>89. The moon, their mistress, had expir'd <i>before</i>;</p> <p>90. The winds were wither'd in the stagnant air,</p> <p>91. And the clouds perish'd;</p> <p>92. Darkness had no need <i>Of aid</i> from them –</p>	<p>85. – (Опущение ситуации)</p> <p>86. бесшумно шли ко дну; (Деформирующее денотативное преобразование: неэквивалентная замена глагольного предиката-сказуемого состояния на глагольный предикат-сказуемое действия (slept – шли ко дну); замена сочетания предиката-существительного с предлогом 'without a surge' на наречие-сирконстант образа действия 'бесшумно')</p> <p>87. + 88. Не стало волн, приливов и отливов – (Трансформирующее денотативное преобразование: замена созерцательной ситуации на псевдо-активную; нейтрализация метафоры (the waves were dead – не стало волн; the tides were in their grave – не стало <...> приливов и отливов); опущение предиката состояния 'were' и локатива 'in their grave'; семантическое перераспределение: the tides – приливы и отливы)</p> <p>89. Померкла их владычица луна; (Частичное денотативное тождество: нейтрализация метафоры (had expir'd – померкла); опущение)</p> <p>90. Ни дуновенья в воздухе тяжелом, (Трансформирующее денотативное преобразование: замена активной ситуации на созерцательную со скрытым предикатом, выражающим состояние – «быть»; замена существительного-непредиката 'wind' на отглагольное существительное-предикат 'дуновенье')</p> <p>91. Ни облаков – (Трансформирующее денотативное преобразование: замена псевдо-активной ситуации на созерцательную со скрытым предикатом, выражающим состояние – «быть»; нейтрализация метафоры: the clouds perish'd – ни облаков)</p> <p>92. и не было в них нужды <i>Восставшей</i> Тьме –</p>
--	---

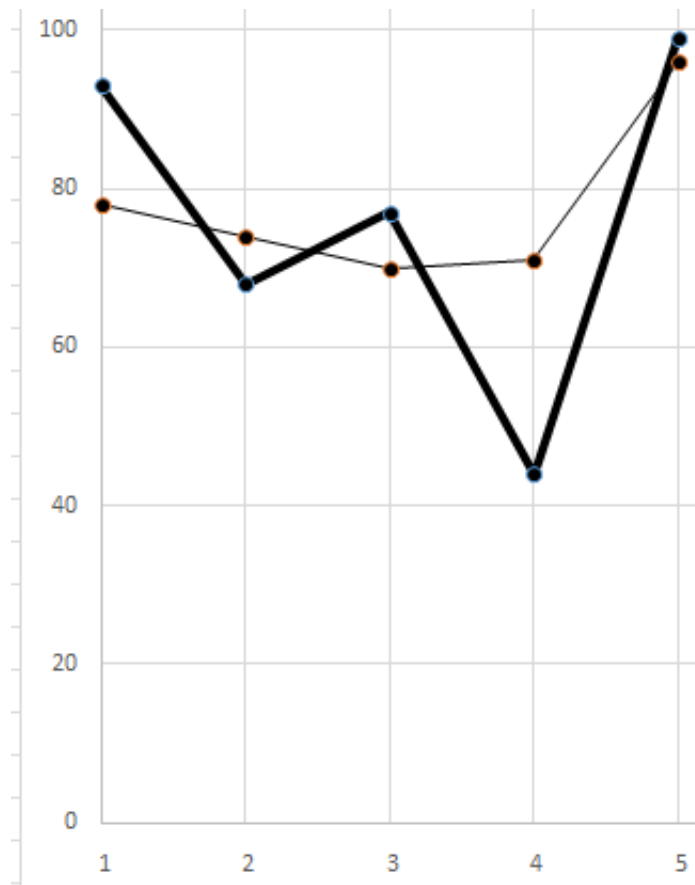
93. She was the Universe.	(Абсолютное денотативное тождество: изменение семантики глагольного-предиката состояния в пределах эквивалентности, Darkness had no need – не было <...> нужды <...> Тьме) 93. Она была Вселенной! (Синтаксическое тождество)
---------------------------	---

Тождественность и преобразованность (формальная).

Числовое и графическое представление ритмического профиля перевода

С. А. Степанова:

№	Переводчик	Разница (%)	Показатель частотности ударения на каждом сильном слове каждой из 5-ти стоп (в %)				
			1	2	3	4	5
0	Оригинал	-	78	74	70	71	96
1	С. А. Степанов	16	93	68	77	44	99

Значения по вертикали – процентный показатель частотности ударения на каждом сильном слове каждой из стоп. Значения по горизонтали – номер стопы. График, выполненный жирной линией – ритмический профиль перевода, обычной – оригинала.